

SCOPE ACADEMIC HOUSE

4th International Conference
«ROLE OF NONMATERIAL FACTORS IN ENSURING
THE SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CONDITION OF A SOCIETY»

November 10, 2016, Sheffield, UK

Conference Proceedings

SCOPE ACADEMIC HOUSE

B&M PUBLISHING

4th International Conference

«ROLE OF NONMATERIAL FACTORS IN ENSURING THE SOCIAL
AND PSYCHOLOGICAL CONDITION OF A SOCIETY»

November 10, 2016, Sheffield, UK

Conference Proceedings

Scope Academic House
UK, S YORKSHIRE, SHEFFIELD

B&M Publishing
USA, San Francisco, California

SCOPE ACADEMIC HOUSE

B&M PUBLISHING

4th International Conference
«ROLE OF NONMATERIAL FACTORS IN ENSURING THE SOCIAL
AND PSYCHOLOGICAL CONDITION OF A SOCIETY»

Science editor: Prof. R. Berton

Copyright © 2016
by Scope Academic House LTD
Office 1 Velocity tower
10 st. Mary's gate
Sheffield
S Yorkshire
United Kingdom
S1 4LR

ISBN-10:1-941655-43-2
ISBN-13:978-1-941655-43-6

DOI: http://doi.org/10.15350/UK_5/4

All rights reserved.

Published by B&M Publishing.
For permission to use material from this text,
please contact the publisher at
2076 – 16th Ave., Suite A,
San Francisco, California, USA 94116,

Table of contents

PEDAGOGICAL SCIENCES	
Musical pedagogy of Ukraine of the second half of the XVII th -XVIII th centuries as the important component part in the development of general musical education <i>V. Bilichenko</i>	5
Organization of independent work on the basics of pedagogical skills at students of the institute of postgraduate education of modern university <i>I. Trubavina</i>	11
Estimation of demand for the profession of sports trainer on the labor market of an industrial city <i>E. Aleshina, A. Kolesova</i>	14
Influence of aerobic exercise in recreation swimming on the functional state of cardiovascular system of children of 7 and 8 years old <i>S. Shivrinskaya, N. Nadeina</i>	18
Methods to create a creative learning tasks from the standpoint of the competence approach in education <i>M. Kaliteevskaya, M. Tomakov</i>	22
The basic principles of the system of the formation of the empathy culture of future teachers <i>I. Salamatina</i>	25
Cognitive interest as a factor in enhancing learning activities of students <i>I. Tomakova, S. Ryzhova, E. Usacheva, A. Bocharova</i>	28
Value orientation as a factor of professional self-determination in the choice of teaching profession-oriented tutoring position <i>E. Stolbova, V. Tsilitsky</i>	32
Qualification improvement of specialists, who carry out the social pedagogical work with children-orphan and children, deprived of parental care <i>L. Tsybulko</i>	34
Some features of demographic progress and manufacturing of qualifying shots of Karakalpakstan <i>G. Kutymova</i>	37
Traditions of moral education in modern families Karakalpak <i>H. Kadyrova</i>	40
Capacity and competence in the condition of russian as a foreign language students of non-philological specialties <i>K. Dusheeva, A. Akynbekova</i>	43
Study of influence of the program ERASMUS+ on intercultural competencies of students <i>M. Biryukova</i>	46
The role of the open air in creative practice in the system of professional education of design students <i>I. Besedina, T. Tolpinskaya</i>	48
The formation of readiness for foreign language communication in medical students <i>S. Zabolotnaya</i>	53
Problem of bilingualism and bilingual of personality is in pedagogical science <i>V. Dyomina</i>	56
The dynamics of individual minutes the students of 1-2 courses of Tyumen with low physical activity <i>V. Nazmutdinova</i>	58

PHILOLOGY	
Valorization of language in the modern historical-social conditions <i>T. Krekhno</i>	63
Folk tales as a genre in Georgian and English folklore <i>T. Shiukashvili, N. Geldiashvili</i>	66
Some issues of semantic aspects of proverbs (based on the Georgian and Russian materials) <i>M. Gambashidze, N. Geldiashvili, S. Asaturova</i>	72
Choosing effective activities/exercises in the process of teaching the grammatical category of voice (according to the English language grammatical material) <i>E. Nakhutsrishvili</i>	76
The main role of experimental phonetics in formation of engineering language <i>Ya.M. Hajyeva, M.E. Asgarova</i>	80
Features of translating simile (according to the novel "The Man of Property" by John Galsworthy) <i>I. Rcheulishvili, N. Geldiashvili</i>	83
Comparison as a stylistic mean (on the example of the novel E. Freud "The sea house") <i>T. Chaplygina</i>	87
The commonality Chagatai and Kyrgyz original language numerals among in their dialects <i>A. Akynbekova, K. Dusheeva</i>	89
Comparative analysis of binary concepts opposition "wealth / poverty" in the Russian and Georgian Proverbs world pictures <i>M. Tsertsvadze</i>	93
PSYCHOLOGICAL SCIENCES	
The attitude towards the motherland as an indicator of the socio-psychological state of society <i>O. Moskvitina</i>	97
PHILOSOPHICAL SCIENCES	
National and international elements in contemporary industrial design <i>Y. Lensu</i>	100
On the intercultural conception of dimaitrizm: the definition of the Second Coming God, prophecy treatise "Kalagia" and adjacent questions of theology-science <i>V. Byrdin</i>	103
The genesis of the ideas of religious freedom the new period <i>K. Zimina</i>	107
Social phenomena in the virtual space of the Internet <i>A. Veselov</i>	110
Cultural studies as a scientific paradigm <i>A. Parmanov, R. Halimmetova</i>	112
Problem of applied arts "wood carving" in Uzbekistan <i>A. Radjapova, M. Ahmedov, N. Kurbanboeva</i>	115
Problems of influence "mass culture" on the spiritual <i>H. Kholmiraev, N. Ruzemmetova, Yu. Egamberdieva</i>	118
ART CRITICISM	
Belarussian national folk toy: historical development, present situation <i>S. Andryevskaja</i>	121
The development of landscape genre in painting of Uzbekistan for the period of independence <i>D. Tulanova, N. Mansurov, N. Gulyamova</i>	124

PEDAGOGICAL SCIENCES

MUSICAL PEDAGOGY OF UKRAINE OF THE SECOND HALF OF THE XVIITH – XVIIITH CENTURIES AS THE IMPORTANT COMPONENT PART IN THE DEVELOPMENT OF GENERAL MUSICAL EDUCATION

*V. Bilichenko*¹

Abstract

The article depicts the consistent process of formation and development of musical pedagogy as the independent trend in cultural and artistic activity of Ukrainian society. It is shown that the process of reappraisal of moral values took place in the second half of the XVIIth – XVIIIth centuries. Musical education is regarded as the integral part of the general spiritual and intellectual development of personality. It is also stressed that valuable contribution to the development of musical pedagogy and musical education in general was made by outstanding theorists and composers N. Diletskiy, M. Beresovskiy, H. Holovnya, S. Byshkovskiy. In their works they stated and systematized the main principles of choir singing, musical theory, main trends of intensive education of music and rules of composing for the beginners. It is proved that note linear music books became main educational and methodological textbooks in mastering of note literacy and theological and singing practice. It is stated that the basic centers of formation and development of musical and pedagogical ideas, testing and implementing of advanced forms and methods of work in the sphere of musical education in the second half of the XVIIth – XVIIIth centuries were fraternal schools, Kiev-Mohyla Academy, Hlykhov musical school, Chernigov, Kharkov and Pereyaslav collegiums.

Keywords: musical pedagogy, choir singing, musical and theoretical works, note linear music books, musical education.

Важным аспектом и составляющей современного отечественного культурно-музыкального образования и воспитания является понимание объективности оценки, переосмысление и использование достижений музыкально-педагогического опыта предыдущих столетий. Музыкальное образование и педагогика в Украине во второй половине XVII-XVIII веков становится самостоятельным направлением деятельности в культурно-художественном пространстве государства. Украинская барокковая культура, сформированная на принципах декора, динамики и контраста, достигает апогея своего взлёта и расцвета, стимулирует и аккумулирует потенциал нации к созданию лучших образцов искусства. Происходит активный обмен опытом в области культуры и искусства с западноевропейским миром, а также глубокий и энергичный отечественный процесс переориентации моральных ценностей. В прогрессивно настроенных кругах общества постепенно меняется отношение к музыкальному образованию молодёжи. В этой связи М. Грушевский в работе «Из истории религиозной мысли в Украине» отмечает, что «... на почве ренессансно-гуманистического мировоззрения возникает период первого украинского возрождения» [1, с. 65].

Во второй половине XVII – XVIII веков в развитии художественной культуры и

¹Vladimir Bilichenko, postgraduate, deputy director in educational work of Kanev College of Culture and Arts of Pavel Tychnyna Uman State Pedagogical University, Ukraine.

особенно музыкальной педагогики существенно возрастает роль личностного начала, активно формируется прогрессивная музыкально-педагогическая мысль. В этой связи особенно необходимо отметить выдающегося педагога-музыканта, теоретика и композитора, основоположника новой школы в украинской музыке Н. Дилецкого. В своей знаменитой музыкально-теоретической работе «Грамматика музыкальная» он впервые систематизировал основные положения партесного пения, изложил правила композиции для начинающих композиторов, а также ценные методические указания и пожелания учителям хорового пения. В связи со стремительным развитием во второй половине XVII века в партесной музыке полифонических форм, педагог-композитор большое внимание уделял теоретической разработке и обоснованию составляющих элементов полифонического изложения произведений, в частности, ладу, тональности, контрапункту, имитации.

Своей работой «Грамматика музыкальная» автор подытожил почти столетнюю практику партесного пения в Украине, она стала наивысшим достижением музыкально-теоретической мысли конца XVII– первой половины XVIII века. Фактически «Грамматика музыкальная» была основным учебным пособием по теории музыки и композиции для музыкантов-профессионалов и любителей. О её актуальности свидетельствует то, что на сегодняшний день она выдержала более 20 редакций. Особенно ценным является украинский перевод работы, выполненный в 1723 году в Санкт-Петербурге и переизданный в 1970 году в Киеве [2, с. 109].

В значительной мере последователем и продолжателем музыкально-теоретических разработок Н. Дилецкого в области хоровой и инструментальной музыки был выдающийся теоретик, педагог и композитор М. Березовский. В его двухчастном учебнике «Букварь и Грамматика» изложены основы музыкальной теории, принципы интенсификации и совершенствования процесса обучения музыке. Учебный материал в работе выразительно сгруппирован по разделам и темам, в ней приведено множество музыкальных примеров из собственных произведений и композиций. М. Березовский предложил выстроенную систему обучения хоровому пению с нот методом абсолютной релятивной сольмизации. Автор акцентировал внимание музыкантов на практике взаимодействия вокально-хорового и инструментального искусства, что объясняется исполнением в то время инструментальных концертов хоровыми коллективами, тесным взаимодополнением «инструментального» и «вокального» начал в партесном многоголосии XVIII века.

Выдающимся педагогом-музыкантом и композитором, внесшим существенный вклад в развитие национального музыкального образования и педагогики XVIII века, был Г. Головня. Он имел огромный опыт в обучении партесному пению, свои профессиональные знания и навыки неоднократно демонстрировал при отборе талантливых молодых певчих из Украины в Петербургскую Придворную императорскую певческую капеллу.

На протяжении всей творческой жизни Г. Головня активно занимался музыкальной педагогикой. Результатом его трудов стала знаменитая работа «Партесная азбука», а также большой Ирмологий 1752 года. В этом выдающемся и объёмном учебном пособии, насчитывающем более 400 страниц нотного текста, в форме стихир, канонов и ирмосов представлены распевы фактически ко всем литургическим Службам относительно церковного календаря [3, л. 284–383]. Ирмологий Г. Головни был настольной книгой большинства епископов и регентов монастырей Украины XVIII века. Апробация музыкально-педагогических работ и достижений Г. Головни с большим успехом проходила в Глуховской музыкальной школе, Киево-Могилянской академии и Петербургской Придворной императорской певческой капелле.

Большую роль в формировании отечественной музыкально-педагогической

мысли второй половины XVIII века сыграл С. Бышковский. Как отмечал музыковед М. Кунин, при его непосредственном участии в 1772 году в России были напечатаны первые певческие книги «киевской квадратной нотацией» [4, с. 27].

Учебно-методическое пособие «Партесная грамматика» С. Бышковского было продолжением наработок Г. Головни и посвящалось вопросам подготовки регентов хора. Изложенные в нем правила и пожелания в значительной мере способствовали быстрому и грамотному чтению регентами хоровых партитур. Хорошее знание всех нюансов звучания хорового коллектива и творческий подход к процессу обучения хоровому искусству, позволили С. Бышковскому в своей работе предложить абсолютно новые способы системного освоения певцами музыкальной грамоты. «Партесная грамматика» – это оригинальное учебное пособие с множеством упражнений-этюдов для желающих досконально овладеть техникой постановки и звучания своего голоса. С. Бышковский впервые в отечественной музыкальной педагогике представил два разных способа систематизации звукорядов, что стало существенным толчком к переосмыслению традиционных взглядов музыкантов-педагогов и теоретиков на вопрос приобретения начальных знаний и навыков в сфере вокально-хоровой музыки.

В результате апробации вышеназванных музыкально-теоретических трудов, активного внедрения передовых форм и методов работы, музыкальная педагогика закономерно стала методологической базой в развитии музыкального образования. В свою очередь, интенсивное становление и реформа церковного образования, нотного письма и музыкально-стилистические изменения в украинской гимнографии, которая синтезировала в себе достижения латинской лексики с украинскими фольклорными традициями, обеспечили процесс массового создания Ирмологионов как основных учебно-методических музыкальных пособий в освоении молодёжью нотной грамоты и приобретении практических навыков в церковном богослужебном хоровом пении.

Фактически в Ирмологионах был сосредоточен весь годовой церковный репертуар. Так, на примере нотопиленного Ирмологиона украинского певчего А. Компайского, а в дальнейшем иеромонаха Московской Троице-Сергиевой лавры, от 1756 года на основе приведенного месяцеслова, канонов, стихир, ирмосов и Служб к основным годовым религиозным праздникам (Рождеству, Вознесению, Троице и другим) мы наблюдаем музыкальные закономерности и традиции в исполнении украинских распевов [5, л. 2–241].

Учебно-методическая функция Ирмологионов как непосредственных практических пособий по теории и практике обучения церковному пению была закреплена во львовских нотоизданиях от 1700 и 1709 годов. Они были наполнены новым ладо-интонационным хоровым материалом, что способствовало их активному использованию в церковно-певческой практике украинских монастырей.

Основными центрами формирования, становления и развития музыкально-педагогической мысли, апробации и внедрения передовых форм и методов работы с молодёжью в области музыкального образования во второй половине XVII-XVIII веков были братские школы, Киево-Могилянская академия, Глуховская музыкальная школа, Черниговский, Харьковский и Переяславский коллегиумы.

Обучение в братских школах характеризовалось прежде всего светской ориентацией и тесной взаимосвязью с профессиональным и народным музыкальным творчеством широких слоёв населения. Система обучения и музыкального воспитания в них опиралась на лучшие образцы и традиции западноевропейской и национальной музыкальной педагогики, отличалась демократическим характером. Это были школы нового типа, в которых, согласно утвержденных уставов, имела возможность обучаться молодёжь со всех слоёв общества. Так, в работе «Братства и их роль в развитии украинской культуры XVI-XVIII веков» Я. Исаевич

отмечал, что в «Школьном Порядке» Львовской братской школы было записано «богатые над бедными в школе ничем не могут быть выше» [6, с. 153].

Братские школы, в частности Львовская и Киевская, были мощными центрами развития вокально-хорового искусства. В их стенах получали фундаментальное музыкальное образование будущие учителя пения, регенты хоров и даже композиторы. В своем роде они были музыкальной средой, в которой творчески объединялись и взаимодействовали учебная, исполнительская и композиторская практики, формировалась национальная школа партесного хорового пения.

Духовным центром украинской нации со второй половины XVII века становится Киево-Могилянская академия, которая, согласно Указу Петра I от 1701 года, получила статус и привилегии высшего учебного заведения. В её стенах происходит синтез научных и культурно-художественных достижений Запада и Востока Европы, аккумулируются и воспроизводятся широкие международные связи, которые проявляются в различных формах сотрудничества. Обучение студентов в Киево-Могилянской академии из других православных стран (России, Беларуси, Молдовы, Сербии, Болгарии) способствовало распространению в них передовых научных достижений. Большое влияние на культуру этих народов имели украинские школы музыки, графики, архитектуры и живописи, представленные такими именами, как М. Дилецкий, М. Березовский, А. Ведель, Д. Бортнянский, Г. Левицкий, И. Мигура и другие.

Киево-Могилянская академия отличалась основательной подготовкой высокообразованных и квалифицированных музыкальных кадров, она по праву была центром формирования передовой музыкально-педагогической мысли в государстве. Большинство регентов православных храмов, руководителей различных хоров, преподавателей коллегиумов и школ, были её выпускниками.

В академии была создана чётко спланированная и организованная система обучения хоровому пению. Ещё в 50^х годах XVII столетия ректор академии Л. Баранович организовал специальную музыкально-хоровую школу. В самые продуктивные годы количество участников в академическом хоре достигало 300 человек. Этот хор был лучшим в Киеве, которых всегда было в нём достаточно много [7, с. 253]. Руководил хором, как правило, регент или же наиболее музыкально подготовленные воспитанники старших классов.

Продолжателями лучших музыкальных традиций академии были её воспитанники И. Мохов, В. Сербжинский, С. Лободовский, которые впоследствии стали регентами и руководителями академического хора, а М. Березовский и А. Ведель – всемирно-известными композиторами в сфере духовного концерта и лучших образцов вокально-хоровой музыки.

Воссоединение Украины и России в 1654 году способствовало более тесному и плодотворному сотрудничеству, интенсивному обмену культурным достоянием и наследием братских народов. В свою очередь стремительное развитие вокально-хоровой музыки, сложных форм партесного многоголосия, а в то же время потребность и необходимость углубления профессионализации музыкального образования и в частности музыкально-теоретических знаний, исполнительского мастерства певцов и музыкантов-инструменталистов, определило необходимость открытия специализированной музыкальной школы. Распоряжением иностранной коллегии российского правительства от 24 августа 1730 года Генеральной войсковой канцелярии было указано открыть в Глухове школу с учителями хорового пения и игры на музыкальных инструментах (гусях, скрипке, бандурах), чтобы готовить для царского двора грамотных певчих и музыкантов [8, л. 8].

В историко-культурологическом исследовании «Музыкальная жизнь на Черниговщине в XVIII–XIX ст.» О. Васюта определяет функции этого учебного заведения как специализированной детской музыкальной школы XVIII века, своеобраз-

ного центра украинской и российской культуры [9, с. 43], а Л. Барановская в диссертационном исследовании «Гетьманско-старшинская среда и культурно-музыкальная жизнь на Украине во второй половине XVII-XVIII веках» характеризует это учебное заведение как первый отечественный центр профессионального музыкально-педагогического образования [10, с. 68].

Преподавателями и регентами в школе работали выдающиеся педагоги-музыканты середины XVIII века – Г. Головня, Ф. Яворовский, Н. Шолупини. Лучших воспитанников школы отправляли в Петербургскую Придворную императорскую певческую капеллу, некоторые – нанимались артистами в российские графские поместные хоровые и театрално-инструментальные капеллы, в частности, графов Воронцовых, Голицыных, Строгановых, Шереметьевых, Юсуповых, или же становились руководителями хоровых коллективов Украины.

Большой вклад в развитие музыкального образования и, в частности, музыкальной педагогики было внесено деятельностью православных коллегиумов: Черниговского, Харьковского, Переяславского. Эти учебные заведения параллельно с подготовкой служащих государственных учреждений и служителей религиозного культа, осуществляли выпуск учителей начальных классов и музыки, регентов и руководителей хоров. Мощным центром просвещения и культуры северного региона Украины был Черниговский коллегиум. Историки педагогики Я. Звигальский и М. Иванов к числу первых учебных заведений, которые выпускали «пусть и не совсем квалифицированных педагогов», относили Черниговский коллегиум – одну из первых духовных школ в Украине [11, с. 262].

В коллегиуме большое внимание уделялось обучению студентов музыке, пению и рисованию, существовал инструментальный оркестр и хор. Учебное заведение отличалось умелым объединением основ профессионального и аматорского музыкального образования и демократичностью форм обучения. В его практике работы эффективно внедрялись лучшие музыкально-педагогические традиции и методики Киево-Могиланской академии, осваивались и успешно использовались передовые европейские музыкальные формы и методы работы со студенческой молодёжью.

Музыкально-педагогической и просветительской деятельностью коллегиума в значительной мере был заложен прочный фундамент системного музыкального образования в Украине.

Фундаментальное профессиональное музыкальное образование и исполнительское мастерство приобретали студенты в «дополнительных классах» при Харьковском коллегиуме. В них готовили переводчиков, учителей, архитекторов, художников, музыкантов, певчих [12, с. 97]. В этих классах существовала достаточно прогрессивная на то время методика преподавания и обучения, заключающаяся в том, что студентам предоставлялась возможность самим выбирать перечень музыкальных дисциплин, к которым они имели врождённые способности и наклонности.

В 1773 году при коллегиуме был открыт класс вокальной и инструментальной музыки. Сначала его возглавил выдающийся музыкант, педагог и композитор М. Концевич. В работе «Музыкальная и театральная культура Харькова конца XVIII-первой половины XIX века» И. Миклашевский отмечает, что «... произведения М. Концевича, придворного уставщика, учителя музыки дополнительных классов пользовались большим успехом» [13, с. 16]. С 1796 года руководителем музыкальных классов был выдающийся украинский композитор, дирижер, певец и скрипач А. Ведель. Под его руководством музыкальные классы достигли апогея своего художественного развития.

Основное назначение вокально-инструментальных классов заключалось в получении певцами и инструменталистами высокопрофессионального музыкально-

го образования с целью дальнейшей отправки их в Петербургскую Придворную императорскую певческую капеллу, а также в монастырские хоры других городов Российского государства, для внедрения и налаживания в них форм и методов обучения партесному пению [14, с. 83].

Благодаря плодотворной деятельности педагогов-музыкантов и надлежащей организации учебно-воспитательного процесса, с начала создания и до конца XVIII века у вокально-инструментальных классах прошли курс обучения более 300 специалистов. Получив базовое музыкальное образование, выпускники коллегіума, кроме своего основного назначения (пополнение рядов Петербургской Придворной императорской певческой капеллы), становились преподавателями музыки и пения в школах, регентами хоров, пополняли ряды профессиональных объединений музыкантов, способствовали активному культурно-художественному развитию украинских городов.

References:

1. Грушевский М.С. Из истории религиозной мысли в Украине // Духовная Украина: сб. сочинений. К.: Лыбидь, 1994. 560 с.
2. Дилецкий Н.П. Грамматика музыкальная / Н.М. Гордийчук (ред.), А.С. Цалай-Якименко (подготов.). Фотокопия рукописи 1723. К.: Муз. Украина, 1970. 109 с.
3. ИР НБУВ. Ф. 301. Ед. хр. 351п. Л. 284–383.
4. Кунин М.Е. Из истории нотопечатания / М. Е. Кунин // Краткие очерки. М., 1963. 78 с.
5. ИР НБУВ. Ф. 1. Ед. хр. 5552. Л. 2–241.
6. Исаевич Я.Д. Братства и их роль в развитии украинской культуры XVI-XVIII веков. К., 1966. 251 с.
7. Аскоченский В.И. Сковорода Григорий Савович // Киев с древнейшим его училищем Академией. Ч. 2. К., Тип. ун-та. 1856. С. 253.
8. ЦГИАК Украины. Ф. 51. Оп. 3. Ед. хр. 6718. Л. 8.
9. Васюта О.П. Музыкальная жизнь на Черниговщине в XVIII-XIX ст.: историко-культурологическое исследование. Чернигов: РИК "Десн. правда", 1997. 212 с.
10. Барановская Л.И. Гетьманско-старшинская среда и культурно-музыкальная жизнь на Украине во второй половине XVII-XVIII веках: дис.... канд. Искусствоведения / Барановская Л.И. К., 2001. 247 с.
11. Звигальский Я., Иванов М. Профессиональное образование в Украине. Х., 1927. 410 с.
12. Посохова Л.Ю. Харьковский коллегіум (XVIII-первая половина XIX ст.). Харьков: Бизнес-Информ, 1999. 168 с.
13. Миклашевский И.М. Музыкальная и театральная культура Харькова конца XVIII– первой половины XIX века. К.: Научная мысль, 1967. 160 с.
14. Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь / К.В. Харлампович. Казань, 1914. Т. 1. 980 с.

ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK ON THE BASICS OF PEDAGOGICAL SKILLS AT STUDENTS OF THE INSTITUTE OF POSTGRADUATE EDUCATION OF MODERN UNIVERSITY

*I. Trubavina*¹

Abstract

The article reveals the list of problems of learning the pedagogical skills of students of institutions of postgraduate education, gives a classification of these problems, it describes methods of detecting problems, especially in the training of students. The author offers a list of pedagogical, psychological methods and methods of social work based on the ideas of andragogy in order to overcome the problems of training of students to pedagogical skills. These methods take into account the social, professional, parental experience of students, their high motivation to learn.

Keywords: problems of teaching pedagogical skills, highly motivated to learn, learning on experience.

Проблема обучения педагогическому мастерству слушателей ИПО связана с тем, что слушатели – взрослые люди, которые уже работают учителями и за дипломом, знаниями, умениями пришли учиться на второе высшее образование – педагогическое, они сильно мотивированные практики, у которых есть опыт работы учителем и проблемы, с которыми они сталкиваются в работе. Типичными проблемами, которые называют слушатели, являются: 1. Физические (проблемы голоса, дыхания, усталости, «тяжелых ног»); 2. Психологические (проблемы работы на позициях «учитель-ученик», дисциплины, понимания учащихся, управления их вниманием, мышлением, владение преимущественно одним из стилей преодоления конфликтов, проблемы с собственной рефлексией, восприятия, невладение настроением, растерянность перед детьми, отсутствие умений принимать решения); 3. Коммуникативные (проблемы культуры речи, техники речи, умения говорить, слушать, владение преимущественно одним из стилей педагогического общения, внушением, отсутствие умений убеждать); 4. Педагогической техники (мимики, пантомимики, одежды, внешности, которые не воспринимаются детьми как учительские, проблемы управления своим психологическим состоянием, осуществления эффективного воздействия на учащихся, родителей); 5. Отсутствие своего стиля педагогической деятельности; 6. Перцептивные (неумение читать по лицу, управлять своим выражением лица, своими эмоциями, движениями); 7. Организационные (проблемы удерживать внимание детей, планировать и соблюдать время на уроке, организовывать позитивное восприятие себя детьми); 8. Отсутствие умений работы над собой в сфере педагогического мастерства. Эти проблемы нами были определены на основе выявления потребностей в обучении слушателей в начале преподавания педагогического мастерства и они являются типичными в каждой группе слушателей, несмотря на профессию учителя физики или физической культуры. Методами выявления проблем слушателей были беседа, интервью, письменные ответы, анкетирование, наблюдение, анализ продуктов их учебной деятельности (разработки конспектов уроков, воспитательных мероприятий). Отметим высокую открытость слушателей к преподавателям по выра-

¹Irina Trubavina, the doctor of pedagogical sciences, professor of the Kharkiv National Pedagogical University named after G.S. Skovoroda, Ukraine.

жению пожеланий к обучению, их стремление научиться справляться с проблемами, стать хорошим педагогом. Преимуществом таких слушателей является высокая мотивация учиться, конкретные вопросы к преподавателям о поведении детей, реальных педагогических ситуациях, желание разобраться в ситуации, правильно ее решить с точки зрения педагогической теории, что и было нами использовано максимально в учебном процессе с позиций андрагогики.

Самым эффективным методом работы над собой является самостоятельная работа как «работа по заданию преподавателя в специально отведенное время, под его контролем и с включением результатов в учебный процесс» [1]. Лучше учиться на собственном опыте и с его использованием с позиций андрагогики. Поэтому мы применяли для организации самостоятельной работы с педагогического мастерства со взрослыми слушателями – и одновременно молодыми еще педагогами – такие методы: упражнения на рефлексию и анализ, на теоретический анализ, сравнение полное и неполное, на аналогию, конкретизацию, решение педагогических ситуаций, воспоминания, перенос приобретенных знаний и умений в новую ситуацию, актуализацию собственного детского, родительского и педагогического опыта, синтез, вентиляцию, описание. При включении в занятия результатов самостоятельной работы использовалось консультирование, беседа и фасилитация. Основными вопросами при этом были информационные, альтернативные, вопросы «почему?», происходило промежуточное резюмирование и подитоживание результатов. То есть мы видим необходимость сочетания в обучении педагогическому мастерству слушателей ИППО ВНЗ чисто педагогических, психологических методов и методов социальной работы в обучении взрослых педагогов, что было обусловлено их возрастными, профессиональными, личными особенностями и проблемами, которые у них возникали.

Для преодоления названных проблем в дополнение к традиционному курсу «Основы педагогического мастерства», нами предлагались такие задания для самостоятельной работы слушателей:

- прочитать перечень педагогических источников по теории и практике педагогического мастерства, в частности, «Педагогическую поэму» А.С.Макаренко и «Сто советов молодому учителю» В.А. Сухомлинского. Задание – прочитать эти книги с точки зрения не сюжета, а с точки зрения приемов педагогической техники великих педагогов (культура речи, техника речь, умение, умение управлять своим состоянием и влиять на других, сравнить их у великих педагогов, отобрать для себя полезное и близкое);

- прочитайте книгу Я. Корчака «Как любить детей» и посмотреть на себя, проанализировать себя с точки зрения детей – поведения, речи, задач детям (понравятся ли они детям?), Попробовать перестроить свое поведение и язык в соответствии с ожиданиями и восприятием детей;

- Записать свои уроки на видео и проанализировать себя на предмет своей педагогической техники и ее недостатков: жесты и слова – паразиты, ошибки в общении, в движении, использовании дистанции и тому подобное. И подумать – как и что можно сделать лучше, от чего в себе лучше отказаться, а что еще надо развить и сформировать;

- Проанализировать свои впечатления от собственных уроков: что удалось сделать, а что – нет и почему, какие эмоции вызвало поведение детей, удалось ли сдерживать свои нежелательные эмоции, удалось ли управлять своим эмоциональным состоянием, выяснить, что именно вызвало такие эмоции и тому подобное;

- Вспомнить свой собственный опыт обучения в школе – какие учителя нравились и почему, какие приемы и методы они применяли для воздействия на учащихся и управления своим состоянием, в каком наряде они ходили на работу и как его воспринимали ученики; проанализировать свой собственный гардероб на

предмет положительного восприятия учащимися и акцентуации их внимание не на одежде, а на том, что и как говорит учитель; проанализировать свои впечатления от влияния учителей – что воспринималось, а что – нет и почему, что не нравилось и почему, не работало и тоже почему; спросить у собственных детей, что их раздражает в их учителях, манере поведения, разговоре, одежде, движениях;

-Каждый день записывать свои впечатления от работы с детьми, отмечать свое настроение до и после работы специальными отметками в календаре, анализировать, что повлияло больше на настроение, подбирать эффективные упражнения для его коррекции, успокоения; желательно вести дневник настроения;

- Определить свои потери времени каждый день – через хронометраж дня, планирования работы и анализ выполненного и невыполненного, организацию себя через применение методов матрицы Эйзенхауэра и гибкого планирования и тому подобное.

- Определение своих сильных и слабых сторон как педагога: на основе рефлексии и самоанализа, тестирования направленности личности, сравнения собственной деятельности с приемами великих педагогов, с теорией педагогического мастерства (что сформирован, что – нет), написание плана работы над собой на год и на 5 лет в контексте развития своей личности учителя и по структуре педагогического мастерства, определение мероприятий и упражнений для работы над собой в этих направлениях.

References:

1. Трубавина И.Н. Опережающие познавательные задания как средство организации самостоятельной работы младших школьников: дис..... канд. пед наук 13.00.01 – теория и история педагогики. Харьков: ХНПУ. 1995. 198 с.

**ESTIMATION OF DEMAND FOR THE PROFESSION OF SPORTS TRAINER
ON THE LABOR MARKET OF AN INDUSTRIAL CITY**

E. Aleshina¹, A. Kolesova²

Abstract

The main content of the research is the analysis of the demand for the profession of sports trainer, market profession prospects in the field of sports activities and challenges that affect its development and popularity among young people, established level of popularity of the profession of sports trainer in the industrial city and identified factors affecting the growth in popularity of this profession.

Keywords: labor market, demand, sports trainer.

В системе экономических отношений рынок труда занимает важное место. На этом рынке сталкиваются интересы трудоспособных людей и работодателей, которые представляют государственные, муниципальные, общественные и частные организации. Отношения, складывающиеся на рынке труда, имеют ярко выраженный социально-экономический характер. Они затрагивают насущные потребности большинства населения страны.

Рынок труда является наиболее сложным элементом рыночной экономики, здесь отражаются практически все социально-экономические изменения в обществе.

Рынок труда является одним из индикаторов, состояние которого позволяет судить о национальном благополучии, стабильности, эффективности социально – экономических преобразований.

Профессия спортивного тренера – очень древняя, корни ее уходят глубоко. Но в последнее время степень ее востребованности очень изменилась. Если раньше физическое развитие, различные турниры и соревнования (даже междворовые), посещение различных матчей и соревнований – все это было очень популярным, то теперь изменилось и количество, и качество перечисленного. Спорт как часть жизни для многих вовсе отходит на второй план. В связи с этим интересным представляется изучить эту проблему, понять критерии востребованности профессии, понять: что ждет наших тренеров в дальнейшем.

Рынок труда – это система конкурентных связей между участниками рынка (предпринимателями, трудящимися и государством) по поводу найма, использования работника в общественном производстве [5].

Согласно определению Международной организации труда (МОТ), которого придерживаются многие зарубежные профсоюзы и специалисты по труду, рынок труда – это сфера, где предприниматели и трудящиеся совместно ведут переговоры, коллективные или индивидуальные, относительно заработной платы и условий труда.

Составляющими элементами рынка труда являются люди, которые выступают носителями рабочей силы и наделены такими человеческими качествами, как психофизиологические, социальные, культурные, религиозные, политические и др.

Востребованность – показатель потребности в профессии [1].

¹Elena Aleshina, assistant professor, Cherepovets State University, Russia.

²Anastasia Kolesova, student, Cherepovets State University, Russia.

Популярность – показатель модности профессии. Он показывает частоту выбираемости профессии [2].

Так какие же критерии можно выделить, при соотнесении профессии с ее востребованностью? Безусловно, выделяют дефицит или нехватку специалистов в конкретной области, насколько свободен и пуст кадровый рынок данной профессии. Затем большую роль играет важность для общества: представители преподавательской, медицинской, охранной, экономической и социальной сфер наиболее необходимы обществу во все времена. Так же можно выделить значимость специальности среди других областей. Так, например, объясняется востребованность представителей рекламных и пиар-кампаний, т.к. их деятельность является неотъемлемой частью любой структуры, любого предприятия, независимо от того, частное оно или государственное [2].

Как же выглядит рынок труда «в разрезе» профессий? По данным опроса 2009 года, который проводил ФОМ, самые нужные стране профессии – это рабочие, медики, строители, педагоги [3].

Рис. 1. Данные опроса ФОМ

Исследование Информационно-справочной системы выбора профессий «В помощь ШКОЛЬНИКУ.РУ», показало, что в десятку самых востребованных современным рынком труда сфер профессиональной деятельности вошли:

- 1) информационные технологии и телекоммуникации;
- 2) строительство;
- 3) финансы, бухгалтерский учет;
- 4) транспорт, логистика;
- 5) производство, технологии;
- 6) маркетинг, реклама, PR;
- 7) медицина, фармацевтика;
- 8) кадровые службы;
- 9) юриспруденция;
- 10) туризм, сфера услуг [1].

По итогам опроса, проводимого порталом «moeobrazovanie.ru», был составлен рейтинг 300 наиболее востребованных профессий (таблица) [4].

Таблица

Рейтинговые позиции профессий в сфере спортивной деятельности

Место в списке	Профессия	Рейтинг
...	...	...
136	Тренер-преподаватель	81%
...	...	...
140	Тренер спортивной команды	81%
...	...	...
178	Инструктор по фитнесу	80%
...	...	...
275	Диетолог	74%
...	...	...
299	Массажист	73%
...	...	...

К сожалению, очевиден вывод о низкой востребованности профессии спортивного тренера на рынке труда.

Цель нашего исследования – определить востребованность и перспективы развития рынка профессий в сфере спортивной деятельности.

Для изучения этой темы «изнутри» было проведено 10 глубинных интервью с действующими тренерами по спортивной гимнастике, хоккею, восточным единоборствам и фитнес-инструкторами. Беседы проводились с людьми разного возраста, с разным уровнем образования и владеющими разными спортивными навыками. Являясь экспертами в данной сфере, респонденты указали наиболее точные причины низкой востребованности профессии тренера и попробовали дать прогноз на ближайшее будущее.

Востребованность:

- практически не востребована, особенно в бюджетных учреждениях. И особенно тяжело молодым тренерам: большая загруженность и низкая заработная плата;

- данная профессия, на мой взгляд, недостаточно востребована на современном рынке труда, т.к. сфера спорта и образования недостаточно финансируется на региональном уровне, что ведет за собой сокращение кадров и уменьшение количества вакансий;

- являясь тренером по хоккею, знаю, как хорошо финансируется и поддерживается данный вид спорта. А вот тренерам других направлений порой не позавидуешь;

- моя профессия в качестве тренера по фитнесу очень востребована, особенно в данное время, когда заниматься не только спортом стало модно;

- я считаю, наша профессия востребована. К примеру, в центре боевых искусств есть тренеры по любому виду единоборств, значит, эта профессия популярна и хорошо оплачивается.

Трудности:

- плохая поддержка бюджетных учреждений, несоразмерность ответственности и нагрузки с оплатой труда;

- нужна грамотная спортивная политика государства для регионов;

- отсутствие полноценного финансирования со стороны спонсоров или государства, нехватка спортивных залов и помещений или их несоответствие спортивным стандартам;

- стремление общества к отношениям «продай-купи» взамен «развивайся и совершенствуйся»;

– многие понимают, что профессия не слишком высоко оплачивается, поэтому стимул к развитию пропадает.

Но надежда на то, что, несмотря на все эти трудности, тренеры будут более востребованы, как и раньше, не исчезает. Вот что говорят по этому поводу сами респонденты:

– спорт еще с древних времен был неотъемлемой частью жизни общества, хочется надеяться, что в будущем востребованность этой профессии не будет падать. Особенно после сочинской олимпиады, поднявшей спортивный дух россиян;

– всегда будут появляться уникалы, которым нужен будет толковый тренер для достижения высоких спортивных результатов;

– как показывает начало этого года, востребованность профессии растет, а за востребованностью растет и популярность;

– необходимость в нашей профессии будет существовать всегда. Как минимум для того, чтобы люди держали себя в тонусе.

Исходя из этого, можно сделать вывод о позитивных настроениях среди представителей этой профессии, о нужности, важности и востребованности профессии «спортивный тренер». Она очень специфична и несет в себе не только физическую, но и духовную, культурную составляющие. К счастью, спорт сейчас все же занимает большое жизненное пространство, люди привыкают заниматься спортом под профессиональным руководством тренеров даже в фитнес-сфере. В СМИ все чаще освещаются последние спортивные события, созданы специальные каналы о спорте, ведется активная пропаганда здорового образа жизни. Спортсмены представляются нам своего рода примером для подражания. В основе всего этого и лежит заслуга тренеров, которые преданы своему любимому делу и продолжают делиться этой любовью к спорту.

References:

1. Popular profession [electronic resource]. Access: <http://www.shkolniki.ru/node/21>
2. Profession musician [electronic resource]. Access: <http://www.proprof.ru/stati/careera/vybor-professii/o-professiyah/professiya-muzykant-0>
3. Professions in demand and unclaimed [electronic resource]. Access: <http://bd.fom.ru/report/map/d090615>
4. Popular profession in applicants opinion [electronic resource]. Access: http://moeobrazovanie.ru/reiting_professii_top_300
5. Volovskaya N.M. Economics and sociology of labor market. M.: INFRA-M, 2001. 156 p.

**INFLUENCE OF AEROBIC EXERCISE IN RECREATION SWIMMING
ON THE FUNCTIONAL STATE OF CARDIOVASCULAR SYSTEM
OF CHILDREN OF 7 AND 8 YEARS OLD**

*S. Shivrinskaya*¹, *N. Nadeina*²

Abstract

The article reveals peculiarities of the development of the cardiovascular system of primary school-age children, the necessity of a regular dose of physical activity for its training and improvement of functional condition. Exercises in the cyclical nature of swimming that are highlighted show specific opportunities as a means of training and rehabilitation of the growing organism.

Experimentally it was found that aerobic exercise in recreation swimming, the volume of which corresponds to the minimum level of the training, have a more pronounced positive effect on the functional state of the cardiovascular system of children under the age of 8 years.

Keywords: cardiovascular system, recreational swimming, aerobic exercise, junior high school students.

Сердечно-сосудистая система человека является важнейшим звеном системы обеспечения нормальной жизнедеятельности организма, поддержания постоянства его внутренней среды, адаптации к действию раздражителей.

Осуществляя кровообращение, сердечно-сосудистая система вместе с другими физиологическими системами организма обеспечивает его органы и ткани кислородом и питательными веществами. Поэтому хорошее функциональное состояние сердечно-сосудистой системы весьма важно для обеспечения высокой работоспособности двигательного аппарата и адекватной адаптации организма к физическим нагрузкам.

Специалистами доказано, что в младшем школьном возрасте периоды интенсивного роста сердца и крупных сосудов отстают от периодов ускоренного темпа роста и увеличения массы тела ребенка. Это проявляется в различных функциональных расстройствах сердечно-сосудистой системы: функциональные шумы, гипертония, гипотония и др. [2]. В числе возрастных особенностей стояния сердечно-сосудистой системы детей 7-8 лет можно так же отметить высокий относительный минутный объем крови; несоответствие между нарастанием емкости полостей сердца и увеличением просвета сосудов; более частый пульс и более низкое, чем у взрослых, артериальное давление; эти показатели отличаются большой лабильностью, т.е. быстро повышаются под воздействием различных факторов [1; 3].

Можно утверждать, что данный возрастной период характеризуется определенными противоречиями развития. С одной стороны, для нормального развития сердца и его деятельности необходимо исключить чрезмерные физические и психические напряжения, нарушающие нормальный темп работы сердца, а, с другой стороны, крайне важно обеспечить тренировку сердечно-сосудистой системы

¹Svetlana Shivrinskaya, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Cherepovets State University, Russia.

²Nadezhda Nadeina, Master degree Student, Cherepovets State University, Russia.

путем рациональных и доступных для детей этого возраста физических упражнений.

Не требует доказательств тот факт, что регулярные дозированные физические нагрузки благотворно влияют на деятельность всех систем организма человека, особенно в период его развития, обеспечивая оптимальный двигательный режим и, как следствие, благоприятные внутренние условия для сохранения и укрепления здоровья растущего организма.

С учетом предмета нашего исследования отметим, что под влиянием регулярных занятий физическими упражнениями умеренно увеличивается объем сердца, утолщается его мышечная стенка; в состоянии мышечного покоя работа сердца становится более экономной, что проявляется в замедлении сердечных сокращений, тенденции к снижению артериального давления, замедлению кровотока, удлинению диастолы; повышается сократительная способность сердечной мышцы; улучшается ее обмен; повышается эластичность сосудов: снижается периферическое сопротивление току крови. Увеличение диастолической емкости сердца наряду с увеличением венозного притока и повышением мощности сокращений позволяет мобилизовать резервный объем крови для увеличения систолического выброса при физической нагрузке, что значительно повышает функциональные возможности сердечно-сосудистой системы [4].

Наиболее эффективно сердечно-сосудистую систему организма человека развивают упражнения циклического характера, которые предполагают существенное развитие аэробной системы энергообеспечения мышечной работы.

Особое место в комплексе аэробных тренировок отводится спортивному и оздоровительному плаванию. Специалистами доказана эффективность плавания как средства закаливания, формирования правильной осанки и гармоничного развития форм тела, физического развития и физической подготовки, воспитания общей выносливости; как средства воспитания личностных качеств и формирования интереса к занятиям физическими упражнениями; рассмотрены вопросы методики обучения плаванию детей различного возраста (Н.Ж. Булгакова, Т.В. Ермилова, Е.С. Жукова, Е.И. Иванченко, И.Е. Кожевникова, Л.Г. Комарова, Д.А. Косьяненко, А.И. Погребной, Ю.А. Семенов, Л.И. Широканова, Р.А. Щербакова и др.).

Для нас особый исследовательский интерес вызвали вопросы возрастных различий влияния занятий оздоровительным плаванием на состояние сердечно-сосудистой системы организма детей 7 и 8 лет.

Исследование проходило в течение четырех месяцев 2016 года на базе фитнес центра «Жемчужина» в городе Череповце, в нем приняли участие школьники в возрасте 7 и 8 лет, которые ранее не занимались плаванием.

Для оценки состояния сердечно-сосудистой системы и дозирования аэробной нагрузки использовалось измерение ЧСС в покое на лучевой артерии за 10 сек до начала тренировки и расчет уровня минимального анаэробного порога нагрузки по методу Карвонена [5]. Диапазон минимальной тренировочной нагрузки составил от 146 до 156 уд/мин.

На этапе предварительной диагностики было установлено, что у 100% 7-летних и у 80% 8-летних испытуемых ЧСС в покое превышает норму на 1-11 уд/мин, отсутствуют 7-летние испытуемые с уровнем функционального состояния сердечно-сосудистой системы, соответствующего «норме» развития, у 8-летних «норма» выявлена только у 20% детей.

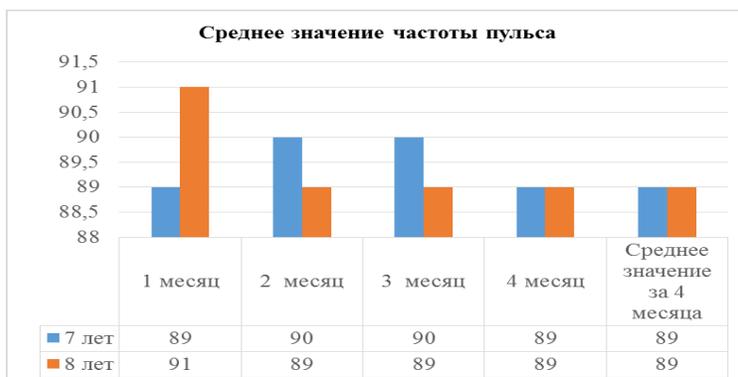
Далее покажем изменения объемов аэробных нагрузок одного занятия в начале и в конце опытной работы (таблица), а также динамику величины ЧСС в покое у испытуемых 7 и 8 лет за четыре месяца занятий плаванием (рис.).

Таблица

**Объем аэробной нагрузки одного занятия в первом
и последнем мезоцикле тренировок**

	Нагрузка	Объем	
		первый мезоцикл	последний мезоцикл
1.	Разминка на суше Разминка в воде	5 мин -	- 5 мин
2	Общеразвивающие упражнения и упражнения на дыхание в воде	5 мин	2 мин
3	Плавание ногами «кролем», руки в надувных манжетах работают произвольно Отдых – дыхательные упражнения у бортика	5 мин 1 мин	10 мин -
4	Плавание ногами «брасом», руки в надувных манжетах работают произвольно Отдых – свободные движения в воде	5 мин 1 мин	10 мин 1 мин
5	Плавание руками «кроль», поплавок в ногах Отдых – дыхательные упражнения у бортика	3 мин 1 мин	10 мин 1 мин
6	Подвижные игры в воде	4 мин	5 мин
	Общая продолжительность занятия	30 мин	45 мин

Уточним, что увеличение объема аэробной нагрузки находилось в прямой зависимости от показателя ЧСС в покое у испытуемых, и эта нагрузка обеспечивала минимальный тренировочный эффект.

Среднее значение показателя ЧСС в покое у испытуемых обеих возрастных групп за период занятий плаванием, уд/мин.

Очевидно, что при одинаковом объеме аэробной нагрузки в плавании положительные сдвиги в функциональном состоянии сердечно-сосудистой системы у детей 8-летнего возраста произошли в течение первого месяца занятий и далее приобрели стойкий характер, а у 7-летних детей эти же нагрузки не привели к снижению ЧСС в покое.

На наш взгляд, это может быть обусловлено тем, что у 8-летних детей быстрее разворачиваются адаптационные процессы, и организм более выражено реагирует на физические нагрузки.

Основным результатом исследования мы рассматриваем вывод о том, что в оздоровительном плавании дозирование аэробных нагрузок для младших

4th International Conference

«Role of nonmaterial factors in ensuring the social and psychological condition of a society»

школьников имеет выраженный возрастной характер.

Статистическая обработка полученных результатов (Т-критерий Стьюдента) подтвердила достоверность положительных сдвигов в функциональном состоянии сердечно-сосудистой системы 8-летних испытуемых лишь на уровне значимости при $p \leq 0,05$.

References:

1. Afanasiev V.Z., Vorontsov A.R. and others. Sport swimming: A Textbook for students. Executive. Proc. institutions / Ed. N.J. Bulgakova. M.: Academy, 1996. 147 p.
2. Vanyushin Y.S., Sitdikov F.G. Compensatory-adaptation reactions of the cardiorespiratory system in different types of muscular activity. Kazan: Taglimat, 2003. 128 p.
3. Vikulov A.D. Swimming: Proc. allowance for students. higher studies. institutions. M.: VLADOS PRESS, 2003. 215 p.
4. Kaljuzhnaja R.A. Physiology and pathology of the cardiovascular system of children and adolescents. M.: Medicine, 2007. 368 p.
5. http://ru.wikipedia.org/wiki/Метод_Карвонена

METHODS TO CREATE A CREATIVE LEARNING TASKS FROM THE STANDPOINT OF THE COMPETENCE APPROACH IN EDUCATION

*M. Kaliteevskaya*¹, *M. Tomakov*²

Abstract

The training tasks should be the prototype of future profession. These jobs should provide opportunities for the student to creatively. Express theoretical knowledge in the activity. The greatest training effect will be achieved in the tasks of future professional activity.

Keywords: educational technology, creative task, competence.

Основой современного образования является компетентностный подход. Для его успешной реализации в инженерном образовании следует совершенствовать и применять в педагогической практике известные образовательные технологии, учитывая многообразие свойств компетентности при их выборе [4] и инновационные образовательные технологии, направленные на совершенствование образовательного процесса в современных условиях.

В высшей технической школе эти обстоятельства вызвали обращение к компетентностным моделям выпускника [3] и инновационным образовательным технологиям [5, 6]. В частности, в учебном процессе по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности» (БЖД), реализуется интегрированное взаимоотношение субъекта деятельности (студента) с объектом (задача), направленное на цели образования: обучаемость, самоопределение, самоактуализация, развитие индивидуальности, что в методологическом плане представляет собой реализацию компетентностного подхода.

Одним из значимых средств обучения студентов являются учебные задачи. Они выполняют множество функций, и тем самым выполняют немалую роль в формировании профессиональной компетентности. Учебная задача в рамках компетентностного подхода нами используется в качестве средства: для закрепления содержания материала занятия; для создания проблемной ситуации на учебном занятии (выявление, формулировка противоречий и определение путей решения проблемы); для иллюстрации возможных физических явлений; для ориентировки учащихся в теории метода по решению реальной производственной задачи.

Чтобы достигнуть высокой эффективности использования учебных задач при изучении тем дисциплины БЖД, необходимо предварительно установить:

- какими содержательными возможностями располагает учебная задача как объект деятельности будущего инженера при решении профессиональных задач;
- какие требования надлежит учитывать при составлении заданий, предназначенных для самостоятельной работы студентов, чтобы они способствовали формированию профессиональных компетенций.

Содержательная часть может быть представлена тремя направлениями, позволяющими: решить задачу по алгоритму с помощью преподавателя (репродуктивные задачи); решить проблемную ситуацию (творческие задачи с продуктивным типом деятельности – преподаватель и студенты выдвигают различные ги-

¹M. Kaliteevskaya, Student, South-west state university, Kursk, Russia.

²M. Tomakov, Docent, Candidate of Engineering Sciences, South-West state University, Kursk, Russia.

потезы по поводу требования задачи); использовать методику решения задачи как прообраза методики для целей будущей профессиональной деятельности (профессиональные задачи).

Наибольший эффект даёт проблемная (творческая) задача, которая реализуется при частичном (или полном) незнании способа ее достижения и предусматривает усовершенствование старого или создание нового и полезного результата – продукта деятельности. Проблемность (творчество) задачи для человека зависит от его подготовки к ее решению. Вот почему одна и та же задача для одного человека является проблемной, а для другого – нет. Более того, для одного и того же человека определенная задача может представлять разную степень проблемности (в разное время и/или на разном уровне подготовки, с разными вводными данными) [2]. Если студент не обладает необходимым минимумом знаний или не умеет воспользоваться на практике ранее усвоенной информацией для решения задачи, то последняя для него будет не проблемной, а просто непосильной. Задача не является проблемной и в том случае, если решающий знает алгоритм ее решения. Студент должен быть поставлен в такую учебную ситуацию, которая содействует формированию его готовности к решению профессиональных проблемных задач. Для этого надо правильно управлять процессом, например с помощью самостоятельных учебных заданий в контексте будущей профессиональной деятельности. В основе заданий должна находиться ранее рассмотренная конкретная учебная информация, позволяющая использовать определенный минимум знаний. И, прежде чем сформулировать задание, необходимо: обосновать и обозначить практическую значимость задания; разобрать прототип (пример) конкретной задачи; рассмотреть (обозначить) способ (способы); обсудить возможности использования подходов к решению задачи; решить пример.

Включение, таким образом, студента в активную познавательно-преобразующую деятельность, приводит к тому, что он последовательно «присваивает» способы поиска путей самостоятельно выйти на эффективное решение задач. Организованный субъектом предмет собственной деятельности и перестроенный им в процессе самостоятельной деятельности в знания и умения составляет часть его профессиональной компетентности.

В основе обучения лежит задачная (поисково-исследовательская) технология. Эта технология направлена на построение учебного познания в виде системы задач и разработки средств (предписаний, приемов) для того, чтобы [1]:

– помочь обучающемуся в осознании проблемности поставленных задач (сделать проблему понятной);

– отыскать способы сделать решение проблемных ситуаций, заключенных в задачах, лично-значимым для учащегося;

– научить обучающегося вычленять проблемы и анализировать проблемные ситуации.

В этой технологии деятельность при решении задачи можно разделить на четыре вида: репродуктивная, алгоритмическая, трансформирующая и творчески-поисковая. В первом виде деятельности проблемность близка к нулю, а каждый последующий вид должен обладать большим уровнем проблемности. Любой учебный материал может состоять из различного сочетания задач всех названных типов.

Репродуктивные задачи решаются по заданной форме программы выполнения всех элементарных шагов с указанием условий их применения.

Алгоритмические задачи решаются по алгоритму, заданному в виде формул, правил, т.е. для решения необходимо трансформировать этот алгоритм в развернутую программу. Поэтому при решении такой задачи используются и действия неалгоритмического, проблемного характера.

В трансформированных задачах, когда надо применять известные формулы в новых ситуациях, эвристические шаги приобретают ведущую роль.

Основой решения творческо-поисковых задач является сочетание логического анализа и интуиции.

References:

1. Загвязинский В.И. Теория обучения: Современная интерпретация. М.: Академия, 2001. 192 с.
2. Рапацевич Е.С. Формирование технических способностей у школьников. Кн. для учителя. Минск: Народна асвета, 1987. 96 с.
3. Томаков В.И. Модель специалиста в контексте профессиональных компетентностей и качеств личности // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2006. № 10. Том 2. С. 98-103.
4. Томаков В.И., Емельянов С.Г. Прогрессивные тенденции развития высшего образования и педагогические задачи технических вузов // Известия Международной академии наук высшей школы. 2007. №1 (39). С. 24-35.
5. Томаков В.И., Томаков М.В., Коренева А.Н. Технология развития познавательных интересов у студентов к учебной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика». 2011. №2. С. 38-42.
6. Томаков В.И., Томакова И.А., Брежнева А.Н. Развитие ответственности в структуре профессиональной компетентности выпускника вуза как психолого-педагогическая проблема // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 2 (19). С. 109-116.

THE BASIC PRINCIPLES OF THE SYSTEM OF THE FORMATION OF THE EMPATHY CULTURE OF FUTURE TEACHERS

*I. Salamatina*¹

Abstract

The article presents the characteristics of the system of formation of empathy culture of the future teachers, briefly described the main components of this system: motivational target, organizational-activity, control and evaluation and analytical – correcting. List the main functions performed by each component of the system. The basic principles of functioning of the system are elicited and characterized.

Keywords: the empathy culture of the future teachers, the system, the general principles, specific principles.

The study of methodological problems of formation of the empathy culture of future teachers, its historiographical analysis and current state, led to a sufficient precondition for the design of the system of formation of empathy culture of the future teachers.

The structure of the system is determined by the presence of such components, which are interconnected with backbone factor and whose operation creates a new property – the formed empathy culture of future teachers.

The components, generating the formation of culture and empathy leads to the result, we classified motivational target, the activity of organizational, control and evaluation and analytical correction. Each component performs its functions, has the internal logic and external relations with other components, complementing and enhancing progress towards the results of the system functioning

The system type of formation of the empathy culture of the future teachers is determined by the relationship of the system components: motivation and target, organizational-activity, control and evaluation, analytical and corrective [6, p. 81].

Each component performs a specific function, leading the functioning of the system to achieve a given objective: motivation and target component has an incentive, prognostic, plan's functions; organizational-activity – organizational, activate and regulating functions; Control and evaluation – diagnostic, normative evaluation, adjustment; analytical and corrective component has an analytical, correcting, and consulting.

Analyzed methodological approaches allow identifying the principles of functioning of the system of formation of empathy culture of the future teachers [1].

The general principles include the principles of science, strength, communication theory and practice, independence and activity, humanistic orientation.

The scientific principle lets to carry out a study based on the latest achievements of pedagogical and psycho-pedagogical theory and practice, advanced pedagogical experience.

The principle of strength means taking into account the possibility and need to reproduce not only theoretical knowledge, but also received the ability to exercise in different situations professionally significant personal qualities.

The principle of connection theory and practice is a combination of theoretical and practical training, consolidation of knowledge in practical activities with quasi-professional activity.

¹Iuliia Salamatina, Candidate of Education, Assistant Professor, the Ural State University of Economics, Russia.

The principle of independence and activity involves reliance on self-understanding of knowledge, the mental activity based on reflection and self-assessment.

The principle requires the adoption of a humanistic orientation of each individual, the individual's interests, the recognition of its uniqueness and positive outlook in the development and self-development [2, pp. 40-45].

The specific principles include the principles of didactic support educational route, equal cooperation, reflexivity of quasi-professional activity.

The principle of the didactic support of educational route means creating methodological tools, consisting of a practice-oriented events forming each student empathy culture at their own pace while not deviating from the specified educational objectives. Therefore, the content of the formation of empathy culture of the future teachers should be, on the one hand, biodiversity, student-oriented, on the other hand, consist of standard didactic procedures of the educational process at the university [5].

The principle of equal cooperation requires all participants in the educational process of manifestation of empathy, sensitivity to the problems of others, compassion, sympathy, and empathy. The source of the positioning and translating cultural empathy is the teacher who organizes educational cooperation on the basis of acceptance and understanding of the other.

The principle of reflexivity of quasi-professional activity involves the formation of empathy culture under simulated conditions of professional activity. The implementation of this principle occurs in the process of solving situational teaching tasks, and during teaching practice relying on self-examination, self-esteem and self-correction empathy culture [4].

The analysis system developed allows us to ascertain its characteristics: integrative, non-linearity, consistency.

Integrative system provides mutual influence of the components, their functional interconnection and unity of purpose with respect to the functioning of the system.

Non-linearity as a property of the system is shown in the simultaneous operation of all components at various stages of the system.

Consistency is defined by consistency of content components, their functional diversity, and the specificity of the results that contribute to achieving this goal.

As we noted above, the system operates according to the general (science, strength, communication theory and practice, independence and activity, humanistic orientation) and specific (didactic support educational route, equal cooperation, reflexivity of quasi-professional activity) principles [6, pp. 84-85].

Thus, the system of formation of empathy culture of the future teachers is based on the complementary methodological approaches – systemic, cultural and student-activity approach; the system takes into account the possibilities of the educational process of high school, the specific content of training and teacher activities include motivational target, organizational-activity, control and evaluation, analytical and correction components; the system exists according to the specific and general pedagogical principles (scientific, strength, communication theory and practice, independence and activity, humanistic orientation, didactic support educational route, equal cooperation, reflexivity of quasi-professional activity) [6, pp.86-87].

References:

1. Borytko, N.M. Methodology and methods of psychological and educational research [Text]: a textbook for students of higher educational institutions / N.M. Borytko, A.V. Molozhavenko, I.A. Solovtsova; ed. N.M. Borytko. M.: Publishing Center "Academy", 2008. 320 p.
2. Ilyasov, D.F. Development of representations about educational theory and approaches to their design / D.F. Ilyasov, O.A. Ilyasova // Siberian Pedagogical Journal. 2010. № 1. Pp. 39-50.
3. Kashtanova, T.R. Theoretical and methodological aspects of the study of empathy [Text] / T.R.

4th International Conference

«Role of nonmaterial factors in ensuring the social and psychological condition of a society»

Kashtanova // Group psychotherapy in neuroses and psychoses. L., 1975. T. XXXVI.

4. Mead, D. Personality Psychology: Principles of general psychological analysis [Text] / D. Mead, A. G. Asmolov. M.: Meaning, 2002. 414 p.

5. Nasifullina, A.N. Contents and methods of formation of empathic culture at students of a teacher training [Text]: dis.... Cand. Of Ed. / A.N. Nasifullina. Kazan: KSU, 1994. 179 p.

6. Salamatina, I.V. Formation of empathy culture of the future teachers [Text]: dis.... Cand.of Ed. / I.V. Salamatina. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University of Education, 2014. 215 p.

COGNITIVE INTEREST AS A FACTOR IN ENHANCING LEARNING ACTIVITIES OF STUDENTS

I. Tomakova¹, S. Ryzhova², E. Usacheva³, A. Bocharova⁴

Abstract

In this work cognitive interest is considered as the form of cognitive requirements of the person. Motivation of cognitive interests within the system of engineering training is formed up relying on effectively – definite, profound, methodical, organizing and educational aspects. This is realized in pedagogical technology of professional-personal development and self-development of a student.

Keywords: motivation, cognitive interest, pedagogical technology.

Перевод высшего образования в компетентностный формат и интеграция вузов с реальным сектором экономики инициировали в высшей школе внутреннюю перестройку образовательной системы, направленную на повышение качества образования с целью формирования компетентной личности [6]. При реализации данного формата, немаловажным резервом повышения результативности учебной работы студентов является обращение к мотивационной сфере личности, так как именно в развитии личностных качеств особый смысл имеет процесс формирования положительных мотивов и результативных целей. В свою очередь, они приводят субъективное отношение человека к учению к его объективному смыслу, вырабатывают социально-психологическую установку на положительное отношение к учебе [3].

Из вышесказанного следует, что развитие позитивных учебных мотивов – неотделимая часть процесса формирования компетентной личности, а эффективное осуществление профессионального образования студентов неотделимо от познания закономерностей происхождения, формирования и функционирования мотивационной сферы человека, знания мотивационных механизмов регуляции познавательной деятельности.

Еще одним значимым компонентом структуры личности являются интересы, которые характеризуют «избирательное отношение человека к тому или иному объекту в силу его жизненной значимости и эмоциональной привлекательности» [3]. Суть интереса, с точки зрения ученых, заключается в его объективно-субъективном основании. Все, что составляет его предмет, берется человеком из объективной действительности, но не всегда становится интересом в дальнейшем, так как им становится то, что имеет необходимость и значимость для конкретной личности. «Интерес, – подчеркивал С.Л. Рубинштейн, – принимает характер двухстороннего отношения. Если меня интересует какой-нибудь предмет, это значит, что этот предмет для меня интересен» [2, с.630].

Познавательные интересы занимают особенное место среди различных интересов личности, обуславливая их посредством активного взаимодействия со все-

¹Irina Tomakova, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, South-West state University, Kursk, Russia.

²Svetlana Ryzhova, student, South-West state University, Kursk, Russia.

³Ekaterina Usacheva, student, South-West state University, Kursk, Russia.

⁴Angelina Bocharova, student, South-West state University, Kursk, Russia.

ми прочими интересами (материальными, профессиональными, спортивными и др. [5]). В этой связи важно отметить, что проблема познавательного интереса в педагогике, имеет давнюю историю.

Основоположник дидактики Я.А. Коменский, рассматривал развитие интереса у учащихся как стержневую педагогическую проблему своего времени и будущего. Только благодаря интересу, по его мнению, обучаемый «... будет гореть желанием учиться, не боясь никаких сложностей, чтобы постигнуть науку. Мало того, он не будет избегать труда, он даже будет искать его и не испугается напряжения и усилий. Он поставит себе целью не что-то посредственное, а наивысшее, постоянно пытаюсь научиться чему-то, чего ему не хватает, постоянно будет искать, у кого ему научиться, во всем соревнуясь со своими товарищами» [1].

По определению Е.А. Суховеровой познавательный интерес, как мотив учения, в отличие от других мотивов, имеет следующие преимущества [3, с. 27]:

а) раньше других мотивов осознается студентами. По результатам исследований, мотив в виде познавательного интереса является генетически первичным и системообразующим по отношению к другим мотивам. Его легче обнаружить, распознать, вызвать, и, следовательно, легче управлять его формированием и развитием у студентов;

б) в сравнении с другими мотивами более точно выражает мотивацию учения студентов, более ясно ими осознаются основные его категории – «интересно», «неинтересно»;

в) познавательный интерес является одним из важнейших элементов в общей системе мотивации студента к учебной деятельности и не обособлен от других мотивов.

Обобщение результатов исследований отечественных ученых по этой проблеме (П.П. Блонский, А.А. Бодалев, Ю.Ф. Худолеев, Г.И. Щукина, С.Т. Шацкий и др.) позволяет сформулировать определение познавательного интереса, как устойчивое психологическое качество личности, суть которого состоит главным образом в осознанном стремлении студента к овладению новыми знаниями, навыками и умениями.

Это стремление стимулирует его интеллектуально-эмоционально-волевою сферу познавательной деятельности, нацеливает на активное овладение будущей специальностью [7]. Познавательные интересы, став устойчивым психическим качеством личности, обуславливают инициативу в постановке целей и активность в учении студентов [6].

Формирование и развитие познавательных интересов в педагогической практике можно осуществить правильно подобранной образовательной технологией и организацией учебного процесса, обеспечивающих позитивный образовательный результат [9,10].

Следует привести результаты нашего эмпирического исследования, т.к. именно исследование поставленного вопроса позволяет вносить коррективы в процесс формирования познавательных интересов.

В проведенном исследовании [8] использовались методы педагогического наблюдения, анкетирования, анализа содержания конспектов и др. Было выявлено следующее:

- студенты пропускают некоторые разделы учебных дисциплин;
- часть студентов, в т.ч. «хорошистов» и «отличников», ограничиваются поверхностным знакомством с материалом по записям в конспектах – своих и чужих, или по самым кратким учебным пособиям;
- не пользуются фондом учебной литературы и периодических изданий и пр.;
- уклоняются от участия в различных научных мероприятиях и проектах [11].

У некоторых студентов откладывается цель получения знаний по специаль-

ности и утверждаются ближайшие цели как предпочтительные: быстрее выполнить и сдать текущие работы, чтобы избежать задолженности и быть допущенными к сессии, сдать сессию с минимальными затратами сил и времени [5].

Анкетным опросом среди студентов старших курсов также были выявлены внешние факторы образовательной среды, блокирующие познавательный интерес. К этим факторам относятся:

- трудности содержательного плана (сложность, невнятное изложение учебного материала, отсутствие в нем полезной информации, либо ранее изученный материал);

- организационного характера (неудачное расписание учебных занятий, несогласованность мест производственных практик, тем курсовых и выпускных работ),

- методического плана (отсутствие качественных методических пособий, недостаточная и старая приборная и лабораторная база, не эффективный уровень изложения материала);

- межличностных отношений (снобизм преподавателя или его пренебрежительное отношение по принципу «старший – младший», и т.п., выставление оценок по принципу «свой – чужой»). Этот фактор студенты считают самым оскорбительным [10].

Полученные данные позволяют сделать вывод, что в качестве стимулов должны задействоваться различные факторы, отношения к которым у студентов избирательно положительное. Например, стимулированию познавательных интересов студентов способствует вовлечение их в совместный с преподавателем научный поиск, выстроенный на междисциплинарной основе с учетом познавательных предпочтений студента [12]. Видоизменение учебных занятий и применение комплекса образовательных технологий, определяет каждой технологии немаловажное место в учебном процессе, поскольку каждая из технологий формирует конкретные качества выпускника. Иными словами, исходя из принципа единства содержательного и процессуального компонентов обучения, каждому виду опыта, включаемого в содержание образования, соответствует свой метод (способ) его освоения и своя образовательная технология. Только так постоянно проявляющийся в деятельности студента познавательный интерес, все больше закрепляясь, становится основой его познавательной направленности, устойчивой чертой характера. В данном случае он определяет творческий характер любой формы познавательной деятельности студента.

References:

1. Коменский Я.А. Великая дидактика. Великая дидактика // Избр. пед. соч. М.: Изд-во МП РСФСР, 1955. 628 с.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Госпедиздат, 1976. 704 с.
3. Суховерова Е.А. Развитие познавательного интереса у студентов гуманитарных вузов: дис.... канд. психол. наук. М., 2003. 222 с.
4. Томаков В.И., Томаков М.В. Психолого-педагогические условия развития профессионально-личностной компетентности и нравственности инженера-строителя // *Фундаментальные исследования*. 2007. №3. С.27–32.
5. Томаков В.И. Модель специалиста в контексте профессиональных компетентностей и качеств личности // *Вестник Воронежского государственного технического университета*. 2006. №10. Т. 2. С. 98-103.
6. Томаков В.И., Емельянов С.Г. Прогрессивные тенденции развития высшего образования и педагогические задачи технических вузов // *Известия Международной академии наук высшей школы*. 2007. №1 (39). С. 24-35.
7. Томаков В.И. Томаков М.В. Концепция формирования экологической компетентности будущего инженера: монография. Курск. 2009. 236 с.

4th International Conference

«Role of nonmaterial factors in ensuring the social and psychological condition of a society»

8. Томаков В.И., Томаков М.В., Коренева А.Н. Технология развития познавательных интересов у студентов к учебной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика». 2011. №2. С. 38-42.
9. Томаков М.В. Интегративный подход к проектированию процесса формирования готовности будущего инженера к деятельности // Известия Курского государственного технического университета. 2010. №4 (33). С. 161-169.
10. Томаков М.В., Курочкин В.А., Зубков М.Э. Образовательные технологии как объект системного исследования // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. №2 (35). С. 162-168.
11. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения: в 2-х т. М.: Педагогика, 1974. Т.1. 584 с.
12. Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни. Изд-во МПСИ, НПО «МОДЭК», 2006. 768 с.

**VALUE ORIENTATION AS A FACTOR OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION
IN THE CHOICE OF TEACHING PROFESSION-ORIENTED TUTORING POSITION**

E. Stolbova¹, V. Tsilitsky²

Abstract

The article reveals the essence of value orientations that affect the choice of the teaching profession oriented tutoring position. Directly in the work reveals the relationship of concepts "value orientation" and "professional self-determination."

Keywords: value orientations, tutorskaya position tutoring.

Социально-экономические изменения, произошедшие в нашей стране, привели к смене системы ценностей и ценностных ориентаций российского человека. По мнению А.М. Егорычева, последние три десятилетия «шел сложный процесс поиска универсальных смыслов и ценностей, форм взаимодействия, способствующих мировой интеграции культур на разной национальной основе» [2, с. 19]. Все это резко активизировало проблему формирования ценностных ориентаций молодого поколения, а также обусловило необходимость обоснования содержания, методик, форм социального воспитания, частью которого является формирование ценностных ориентаций с учетом особенностей современного состояния общества. Психологи утверждают, что формирование личностной системы ценностей происходит постепенно, на всех этапах его онтогенетического развития, в процессе социализации. Наиболее активно оно проходит в подростковом возрасте в ходе включения подростка в разнообразные виды деятельности. Специалисты подчеркивают, что деятельность человека во многом определяется его ориентирами. Понимание существа ориентиров детей и молодежи получило отражение в работах психологов и педагогов (С.Л. Рубинштейн, С.Я. Ермолич, О.В. Закревская, И.С. Кон, Н.Д. Никандров, С.Г. Степанец, А.В. Кирьякова, др.). Понятие «ориентация» определяется следующим образом: «от лат. *origens* – восток – определение своего положения в пространстве (первоначально к странам света, в частности к востоку); совокупность действий субъекта, направленных на оценку проблемной ситуации, ее обследование и планирование поведения; умение разбираться в окружающей обстановке, осведомленность в чем-либо» [1]. По отношению к человеку и свойственных ему характеристическим особенностям – «ориентир» рассматривается как движитель самопроявления развивающейся личности. Направленность ориентиров определяется их ценностью. Ценность определяет значимость (направленность на созидание или деструкцию) достижения целей для самосовершенствования подростка и способности его конструктивно влиять на социокультурную среду жизнедеятельности.

Таким образом, понятие «ценностные ориентации» выражает сложную смысловую конструкцию, которая выступает результатом осознания человеком, общественной группой всей совокупности желаемых материальных и духовных благ, необходимых нравственных норм и выбор из них наиболее предпочитаемых, в целом определяющих образ жизни конкретного индивида на всех его возрастных

¹Elena Stolbova, Ph.D., senior lecturer in social work, psychology and pedagogy, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

²Vitaly Tsilitsky, postgraduate student of the Department of pedagogy and psychology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

этапах и всего общества.

По мнению Н.Ю. Галкиной профессиональное самоопределение представляет собой динамический процесс и формируется на различных этапах развития и обучения личности и определяется системой ценностных ориентаций. Выбор профессии базируется на ценностных ориентациях индивида и формируется под воздействием внешней среды. По сути, ценностные ориентации предопределяют профессиональное самоопределение обеспечивая содержание и направленность деятельности, придавая ей смысл.

Опираясь на научные исследования Б.Д. Эльконина, можем предположить, что выборе педагогической профессии ориентированной на тьюторскую позицию система целевых и ценностных ориентаций включает в себя: ценность, умение, способность к непрерывному самообразованию; коммуникативные умения и ценность взаимодействия в полидисциплинарных областях деятельности; понимающее отношение к себе, другому, миру в целом; умение работать в исследовательском режиме по отношению к различным видам теоретического, практического и эмпирического знания; экологичность деятельностного взаимодействия. В.И. Сахарова определяет сущность тьюторской позиции педагога в обеспечении совместной с тьютором рефлексии образовательной деятельности. Предметом такого осмысления выступает образовательное действие или готовность тьютора к его осуществлению. Подводя итог, теоретического анализа проблемы можно сделать вывод, что ценностные ориентации непосредственно предопределяют выбор профессии, задают вектор в поле профессионального поведения и деятельности.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательских работ по теме «Сопровождение профессионального самоопределения студентов педагогического вуза» (договор на выполнение НИР от 18.10.2016 г. №16-1301, заказчик – ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева».)»

References:

1. Егорычев А.М. Духовно-нравственные основания в развитии человека и общества Русского мира. Социальная педагогика в духовно-нравственном становлении современного человека / под ред. А.В. Иванова, А.М. Егорычева. М.: МГПУ, 2013. 292 с.
2. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательство РГСУ, 2013. 416 с.
3. Столбова Е.А. Компоненты полисубъектной среды социально-педагогической поддержки ценностных ориентаций детей группы риска в условиях детского лагеря // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 8. С. 134-140.
4. Столбова Е.А. Модель социально-педагогической поддержки ценностных ориентаций детей группы риска в условиях детского оздоровительного лагеря // Педагогическое образование в России. 2014. № 10. С. 129-133.
5. Столбова Е.А. Социальное партнерство как условие социально-педагогической поддержки ценностных ориентаций детей группы риска // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 15. С. 309-312.
6. Цилицкий В.С. Подготовка педагогов-дефектологов к реализации функций тьютора в работе с детьми с ОВЗ // Россия и Европа: связь культуры и экономики Материалы XIV международной научно-практической конференции / отв. ред. Уварина Н.В. 2016. С. 365-366.
7. Цилицкий В.С. Место тьютора в системе психолого-медико-педагогического сопровождения ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Образование: традиции и инновации: материалы X международной научно-практической конференции. 2016. С. 243-245.
8. Цилицкий В.С. Закономерности формирования рефлексивных умений и навыков на разных этапах возрастного развития человека // Молодой ученый. 2015. № 22 (102). С. 913-917.

QUALIFICATION IMPROVEMENT OF SPECIALISTS, WHO CARRY OUT THE SOCIAL PEDAGOGICAL WORK WITH CHILDREN-ORPHANS AND CHILDREN, DEPRIVED OF PARENTAL CARE

*L. Tsybulko*¹

Abstract

The state of professional training of specialists, who carry out of social pedagogical work with children-orphans and children, deprived of parental care, is analyzed in the article. Structural components of their readiness for work with abovementioned category of children are determined. The author emphasizes, that these specialists need special knowledge and skills for realization their functions and achieving aims in practical social pedagogical activity. The tasks of qualification improvement of specialists are formulated and the most expedient forms of further training of educators, who work at the establishments of boarding type, are considered as well, they are aimed at creative self-development and self-education by means of elaborating of author's projects and programs.

Keywords: qualification improvement, social pedagogical work, boarding school, readiness for work, children-orphans, children, deprived of parental care.

Как известно, грамотное влияние на социализацию детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, разного рода социальных учреждений обуславливает решение острейшей проблемы – подготовки соответствующих кадров, прежде всего, педагогов интернатных заведений, и достижения целей и реализации своих функций в практической социально-педагогической деятельности, а для этого необходимы специальные знания и умения, позволяющие изучить, проанализировать, оценить проблемы ребенка-сироты, а затем локализовать их и использовать соответствующие системы ресурсов среды и психофизических возможностей самого воспитания в решении этих проблем.

Личность педагога, работающего в интернатном заведении, имеет огромное значение в развитии воспитанника-сироты, поэтому к специалисту предъявляются особые требования. В педагогических трудах известных отечественных и зарубежных педагогов разного времени подчеркивается, что личность педагога, работающего с детьми-сиротами, должна быть примером для своих воспитанников [1; 3; 4; 5].

В области социальной педагогики ряд вопросов, касающихся особенностей подготовки социальных педагогов к профессиональной деятельности с детьми-сиротами в учебных заведениях, оздоровительных лагерях, социально-педагогических службах в своих трудах рассматривали Л.Артюшкина, Ф.Думко, И.Зверева, Н.Кривоконь, Л.Крымчак, И.Манохина, Л.Мищик, В.Полищук, Ю.Полищук, Л.Пундик, С.Харченко и др. Однако, до настоящего времени не определены структурные компоненты готовности специалистов, работающих с детьми-сиротами и детьми, лишенными родительской опеки, к социально-педагогической работе; не сформулированы задачи относительно повышения квалификации специалистов вышеуказанной категории.

В связи с вышеизложенным, целью статьи является освещение наиболее целе-

¹Ludmila Tsybulko, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Donbass State Pedagogical University, Ukraine.

сообразных форм повышения квалификации специалистов, осуществляющих социально-педагогическую работу с детьми-сиротами и детьми, лишенными родительской опеки.

На основе квалификационных характеристик специалистов, анализа различных аспектов их работы с детьми-сиротами и результатов экспертных оценок проведенного среди них опроса были определены следующие структурные компоненты готовности к социально-педагогической работе с детьми-сиротами: эмоционально-волевой, когнитивный, мотивационный, деятельностный.

Характеризуя эмоционально-волевой компонент, отметим, что в социально-педагогической литературе выделяются следующие профессионально важные качества, определяющие профессиональную пригодность педагога, то есть совокупность индивидуальных особенностей человека, способностей и черт характера, важных для успешной профессиональной деятельности: высокий уровень интеллектуального развития; здравый смысл, беглость и острота мышления; хорошая саморегуляция, самодисциплина; большая физическая выносливость, работоспособность; чувствительность и чуткость к человеку и его проблемам; способность помогать людям в трудных ситуациях; любовь и симпатия к детям; оптимистическое прогнозирование; креативность [2].

Мотивационный компонент определяет направленность на социально-педагогическую деятельность с указанной категорией детей и характеризуется стремлением к общению с детьми, потребностью оказывать им помощь, постоянно пополнять свои знания о работе с сиротами.

Не менее важным компонентом готовности специалиста к работе с детьми-сиротами является когнитивный компонент. Он содержит в себе четыре блока знаний: знания об особенностях развития детей-сирот и знания современных социально-педагогических концепций; знание методики и технологий социально-педагогической работы с детьми, которые остались без родительской опеки; знание нормативно-правовой базы социально-педагогической работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без родительской опеки.

Знания педагога реализуются в его практической деятельности, поэтому они органически связаны с его умениями. М. Евтух отмечает, что «практические умения педагога является формой реализации его теоретических знаний» [6]. Поэтому следующим критерием подготовки специалиста является деятельностный, потому что он определяет способность к реализации социально-педагогических функций. Показателями этого компонента является умение ставить социальный диагноз, анализировать и проектировать социально-педагогическую работу с детьми-сиротами, взаимодействовать с учителями, опекунами и социальными партнерами в предоставлении помощи детям, умение выявить резервные возможности личности, умения осуществлять социально-правовую защиту детей-сирот.

В системе повышения квалификации кадров как эффективная форма обучения использовались «круглые столы». Эта форма работы, по нашему мнению, имеет ряд преимуществ: повышается мотивация деятельности специалистов, их социальной и познавательной активности, так как здесь включаются механизмы естественного соревнования интеллектуальных, организационных, коммуникативных, способностей; шире реализуются те стороны личности, которые в повседневной рабочей и обстановке не находят применения и развития; общаясь друг с другом, специалисты приобретают опыт коллективной деятельности, взаимопонимания и уважения, товарищеской поддержки: именно того сотрудничества, без которого невозможно общение и любая деятельность в человеческом обществе.

Следующей, использованной нами, формой повышения квалификации педагогов интернатных учреждений были методические семинары, которые организо-

вывались по схеме, предложенной Л.Мардахаевым: замысел – выполнение – рефлексия [6]. Для каждого занятия разрабатывался пакет методических рекомендаций по жизнедеятельности детей-сирот в учреждениях интернатного типа, приемной семье, детском доме семейного типа и тому подобное. Рекомендации носили незавершенный характер, предполагали привязку к социальной сфере и были построены на гуманистических принципах. Результатом семинаров стала организация взаимодействия между работниками различных заведений, служб и ведомств региона, появление новых программ и проектов в сфере социально-педагогической поддержки, консультаций, профориентации и реабилитации детей-сирот и детей, оказавшихся в кризисной ситуации.

С целью повышения квалификации социально-педагогических работников был разработан и предложен социальным службам школ-интернатов к внедрению спецкурс «Социализация учащихся-сирот в условиях открытой социально-педагогической системы». Заданиями относительно спецкурса являются: ознакомление со спецификой психофизического и социального развития детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, основными формами и методами реабилитационной работы с ними, организацией их жизнедеятельности; теоретических представлениях о психолого-педагогическом сопровождении таких детей. К проведению занятий помимо автора были привлечены методисты, социальные педагоги и практические психологи школ-интернатов, работники городских и региональных методкабинетов, инспекторы по охране прав детства, специалисты социальных служб, центров здоровья, медработники (всего 132 человека). Это обогатило содержание занятий, предоставило им проблемного характера, способствовало развитию мотивации на дальнейшую профессиональную деятельность с детьми-сиротами.

Таким образом, предложенные формы повышения психолого-педагогической квалификации специалистов, работающих с детьми-сиротами и детьми, лишенными родительской опеки, ориентированные на творческое саморазвитие и самообразование специалистов путем разработки проектов, авторских программ, на проведение проблемных курсов, семинаров, отвечающих потребностям специалистов; привлечение их к научно-исследовательской деятельности обеспечивают эффективность решения проблем социализации указанной категории детей.

References:

1. Блонский П.П. Психология младшего школьника/ ред. А.И. Липкина, Т.Д. Марцинковская. М.: Изд-во Ин-т практ. психологии, 199. 575 с.
2. Карпова И.А. Социально-педагогическая реабилитация безнадзорных детей в условиях социального приюта: дисс. канд. пед. наук: спец.13.00.04. М., 2005. 237 с.
3. Корчак Я. Как любить ребенка: кн. о воспитании: сборник; пер. с пол. К.Э. Сенкевича. М.: Политиздат, 1990. 492 с.
4. Макаренко А.С. Воспитание гражданина: сборник / сост. Р.М. Бескина, М.Д. Виноградова. М.: Просвещение, 1988. 304 с.
5. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика: учебное пособие для студентов вузов. М.: Гардарики, 2008. 269 с.
6. Педагогіка: теорія та історія: навч. посіб. для студ. вузів, які вивчають дисципліну «Педагогіка»/ В.М. Галузинський, М.Б. Євтух. К.: Вища школа, 1995. 237с.

SOME FEATURES OF DEMOGRAPHIC PROGRESS AND MANUFACTURING OF QUALIFYING SHOTS OF KARAKALPAKSTAN

*G. Kutymova*¹

Abstract

In article demographic features of preparation of highly qualified personnel are studied the Republic of Karakalpakstan.

Keywords: demography, training, market relation, economy, development, system of education, statistics.

Бозор мунасабатларига ўтиш шароитида Қорақалпоғистон Республикаси иқтисодиётида ҳам кенг кўламли ислохотлар олиб борилмоқда. Амалга оширилаётган ислохотлар замирида меҳнат унумдорлигини муттасил равишда ошириб бориш ва аҳоли турмуш даражасининг яхшиланишига эришиш кўзда тутилган. Шундай экан, эндиликда республика иқтисодиётига юқори малакали мутахассислар етказиб бериш бугунги куннинг энг муҳим вазифалардан бири бўлиб қолмоқда. Чунки, “Биз олдимизга қандай вазифа қўймайлик, қандай муаммони ечиш зарурати туғилмасин, гап охир-оқибат, бари-бир кадрларга ва яна кадрларга бориб тақалаверади” [1].

Юқори малакали кадрлар тайёрлаш бевосита аҳолининг табиий ўсишига боғлиқ. Мана шу нуқтаи назардан республикадаги кадрлар тайёрлаш тизимининг ривожланиш жараёнларини, унинг демографик хусусиятларин ҳисобга олган ҳолда ўрганиш мақсадга мувофиқдир.

Қорақалпоғистон Республикаси Ўзбекистондаги ўзига хос демографик ривожланиш хусусиятига эга бўлган ҳудудларидан бири ҳисобланади. Статистик манбаларга кўра, Минтақа аҳолиси 2007 йилда 1595,5 минг кишига етди. Бу кўрсаткич жами Ўзбекистон аҳолисининг 5,9 фоизига тенг демакдир.

Агар Қорақалпоғистоннинг демографик ривожланишига назар ташланса, XX асрнинг иккинчи ярмидан аҳоли сонининг мунтазам кўпайиб келганлигини кўрамиз. Аҳолининг энг юқори суръат билан ўсган даври 1979-1989 йилларга тўғри келмоқда. Ушбу даврда ўртача йиллик кўпайиш 3,25 фоизни ташкил этган. Лекин, кейинги йилларда аҳоли сони динамикасида кескин ўзгаришлар рўй бериб, ўртача йиллик кўпайиш 1,37 фоизга (1991-2007й) тушиб қолди. Республикада кузатилган бу каби демографик ўзгаришлар икки муҳим омилга: аҳоли туғулиш даражасининг пасайиши ва ташқи миграцияга боғлиқдир. Масалан, туғилишнинг умумий коэффициенти ўтиш давригача юқори даражада бўлиб, ҳар минг кишига туғилган болалар сони 1989 йили 35,7 ни ташкил этган ҳолда, 2007-йилга келиб ушбу кўрсаткич 23,0 промиллега тенг бўлган.

Ҳозирги даврда Қорақалпоғистон аҳолисининг 34,4 фоизини 0-15 ёшдаги болалар ташкил этмоқда. Яна шуни ҳам таъкидлаш жоизки, 2007/08 ўқув йилига келиб республика умумтаълим мактабларида 283 375 ўқувчи таҳсил олаётган бўлсалар, 37 249 ўқувчи 9-синфни, 12 471 ўқувчи эса 11(12)-синфни битириб, янги ҳаётга қадам қўймоқда. Бу ҳол ижтимоий-иқтисодий ривожланишининг демографик заминини ифодалайди. Шу билан бирга таълим тизими олдида ёш авлодни билимли, юқори малакали мутахассислар этиб тайёрлашдек долзарб муаммони кўяди. Мазкур муаммонинг ечими асосан ушбу тизимда олиб

¹Gulnora Kutimova, teacher, Karakalpaksky State University named after Berdakh, Uzbekistan.

борилаётган туб ислохотлар билан боғлиқ бўлиб, соҳадаги мавжуд имкониятлардан самарали фойдаланишни тақозо этмоқда [2].

Шунга мос равишда, Қорақалпоғистон Республикаси таълим тизими таркибида ҳам қатор ўзгаришлар содир бўлмоқда. Хусусан, умумтаълим мактаб битирувчиларини касбга тайёрлаш мақсадида янги академик лицейлар ва касб-хунар коллежлари ташкил этилиб, ёшларнинг узлуксиз таълим олишлари учун шароитлар яратилмоқда. Агар 1998/99 ўқув йилида республикада 1 та академик лицей ва касб-хунар коллежи бўлиб, уларда жами 904 ўқувчи тахсил олган бўлса, 2000/01 ўқув йилида академик лицейлар сони 3 тага, касб-хунар коллежлари сони эса 20 тага ошган. Юқорида қайд этилган йилларда ўрта махсус ўқув юртларида ўқувчилар сони 5,5 мингга етган. Бу жараён, айниқса кейинги йилларда янада жадаллашди.

Жадвал

**Қорақалпоғистон Республикасида ўрта махсус таълим тизимининг
ривожланиш жараёнлари**

	Ўқув йиллари:				2007/08 йил 2004/05 йилга нисбатан, % да
	2004/0 5	2005/0 6	2006/0 7	2007/0 8	
Академик лицейлар					
Уларнинг умумий сони	5	6	7	7	140
Ўқишга қабул қилинганлар сони	1565	1577	2585	3153	201,5
Жами ўқувчилар сони	2957	3834	5220	6858	232
Битирувчилар сони	513	346	845	1137	221,6
Жами ўқутувчилар сони	345	504	570	646	187,2
Касб-хунар коллежлари					
Уларнинг умумий сони	72	72	76	78	108,3
Ўқишга қабул қилинганлар сони	22819	21509	28939	31409	137,6
Жами ўқувчилар сони	57828	62846	71017	80125	138,5
Битирувчилар сони	14670	15190	18777	20959	142,8
Жами ўқутувчилар сони	5147	5522	5943	6415	124,6

**Жадвал Қорақалпоғистон Республикаси Статистика бошқармиси
маълумотлари асосида тузилди.**

Жадвал маълумотларига кўра, академик лицейларда 2007/08 ўқув йилида тахсил олаётган ўқувчилар сони 2004/05 ўқув йилига нисбатан 2,5 баробарга, ўқишни тугатиб, олий ўқув юртларига топшириш имкониятига эга бўлганлар сони эса 2 баробарга ошган. Ушбу ҳолатни касб-хунар коллежлари мисолида ҳам кўришимиз мумкин. Масалан, таҳлил этилаётган йилларда касб-хунар коллежларида тахсил олаётган талабалар сони 1,5 баробарга кўпайган. Шунингдек, ўқишни тугатиб Республика меҳнат бозорига кириб келаётган ёшлар 2004/05 – 2007/08 йилларда ўрта ҳисобда 13 фоизга ошиб борган. Агар ҳудуд аҳолисининг демографик таркибида 0-15 ёшдаги болалар солмоғининг юқори эканлигини инобатга олсак, бу ҳол кейинги даврларда ҳам сақланиб қолиши кутилмоқда. Мазкур жараён Қорақалпоғистон Республикасида янги ижтимоий муаммо, яъни ёшларни иш билан таъминлаш масаласини юзага келтириши

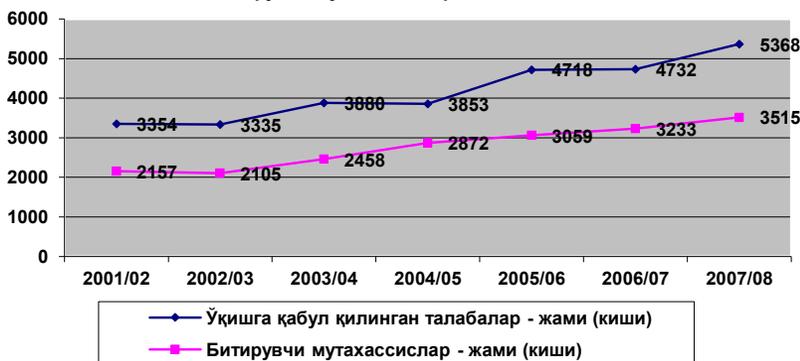
мумкин.

Шу нуқтаи назардан, ўрта махсус ўқув юртларида меҳнат бозорига талаб ва тарклифга қараб иқтисодий ривожланишда етакчи аҳамиятга эга бўлган янги тармоқлар учун мутахассислар тайёрлаш, уларга юқори малакали педагог кадрлар етиштириб бериш энг долзарб вазифаларнинг бири бўлиб қолмоқда[3].

Маълумки, таълим тизимига ва халқ хўжалигининг барча тармоқларига керакли малакали мутахассислар олий ўқув юртларида тайёрланади. Шу боис олий таълим тизими Қорақалпоғистон халқ хўжалиги ва илмий-техник имкониятининг асосий қисмидир. Ҳозирги кунда (2007/08 ў.й.) республикада 2 та олий ўқув юрти – Қорақалпоқ Давлат университети ва Нукус Давлат педагогика институти ҳамда Тошкент Педиатрия тиббиёт институти, Тошкент Давлат аграр университети ва Тошкент ахборот технологиялари университети Нукус филиаллари фаолият кўрсатмоқда. Ушбу ўқув юртларида 25 та факультет бўлиб, уларда 73 та йўналиш бўйича бакалавр ва 45 та йўналиш бўйича магистрлар, жами 19,2 минг талаба таҳсил олмақда.

Юқори малакали мутахассислар тайёрлашнинг асосий имкониятларидан бири, бу олий ўқув юртларига талабаларни ўқишга қабул қилиш ва халқ хўжалигига кадрлар етказиб бериш миқдорининг ортиб боришидир (Расм).

Расм. Олий ўқув юртларида ўқишга қабул қилинган талабалар ва битирувчи мутахассислар сони динамикаси

Юқорида келтирилган маълумотлар Қарақалпоғистон Республикаси таълим тизимининг ривожланиши янги босқичга кўтарилганидан далолат беради. Бироқ, малакали мутахассислар тайёрлаш жуда катта илмий, ижтимоий-иқтисодий имкониятларни талаб этади. Айниқса, олий ўқув юртларининг илмий салоҳияти, яъни илмий даражали ўқутувчилар билан таъминланганлиги муҳим аҳамиятга эга. Бу масалада республикада катор муаммолар мавжуд. Уларнинг ижобий ҳал этилиши эса кадрлар тайёрлаш тизимини доимо мукамал ўрганиб боришни тақозо этади.

References:

1. Баркамол авлод-Ўзбекистон тараққиётининг пойдевори. Т., 1998. 78 б.
2. Қодиров Б. Таълим тизимидаги ислохотлар, мақсад ва йўналишлар. Т., “Ўзбекистон”, 1999. 112 б.
3. Кучкаров А.С. Тадбиркор кадрлар тайёрлаш асослари. Т., 2005 й. 92 б.

TRADITIONS OF MORAL EDUCATION IN MODERN FAMILIES KARAKALPAK

*H. Kadyrova*¹

Abstract

This article explores the family as a social environment with which the person is in constant interaction; as translation of the traditional culture in the formation of national consciousness of new generations and the revival of moral values, in particular, the rules of the Karakalpak ethnic culture.

Keywords: ethnic culture, morality, revival, socialization, stabilization, the environment, family, generation, ancestor's norm.

Современное развитие межнациональных отношений, обострение этнических противоречий, как в Узбекистане, так и в некоторых других странах, выводят на первый план проблему изучения национального самосознания.

Традиционная культура каракалпакского народа является совокупностью материальных и духовных ценностей, созданных им. Традиционные народные праздники, обряды, художественное творчество с древних времен воплощали духовно-нравственные ценности и идеалы данного этноса, его самосознание, характер, стереотипы поведения, которые передавались из поколения к поколению с использованием средств этнокультуры.

Основные ценности каракалпакской традиционной культуры, объединяют её с культурами других народов, проживающих в нашей стране. Традиционная народная культура является сферой многоаспектной деятельности социальных институтов по её сохранению, развитию и трансляции в современное культурно-образовательное пространство, способствующей консолидации общества.

Кризисные явления в духовной сфере, размывание ценностных ориентаций и в обществе, и в семье требуют осмысления особенностей воспитания личности, в условиях быстро меняющихся общественных отношений, диктуют необходимость изучения роли этнокультурной воспитательной среды, механизмов трансляции этнокультурных ценностей в этом процессе. Семья является одним из главных социальных институтов, призванных обеспечить воспитание человека с высоким уровнем национального самосознания, а также сохранение и развитие традиционных этнических культур.

К сожалению, нравственные ценности традиционной каракалпакской семьи сегодня несколько утрачены. Надо отметить, что существуют и объективные обстоятельства, в силу которых затрудняется эффективное нравственное воспитание в семье. Проблемы развития каракалпакской семьи указывает узбекский философ Д.Ж. Валиев, рассматривающий развитие ребенка в связи с разными обстоятельствами: материальные проблемы, заболевания, связанные со сложным экологическим климатом, проблемы с питьевой водой, не надлежащие жилищные условия и др.

Каракалпаки по происхождению кочевники, степной народ, занимающийся животноводством.

Каракалпаки, жившие на берегу Аральского моря с древних времен занимались рыболовством, охотой на птиц и хищников.

¹Halima Kadyrova, Senior Lecturer, Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan.

Этнография, традиция и искусство, многие эпосы, мифы и легенды каракалпачков связаны с Аральским морем и коневодством (животноводством).

Народные эпосы «Гуругли», «Кырккыз» (Сорок девушек), «Алпамыс», «Айкулеш» (Обнявшие луну) и другие отличаются своими мотивами от творчества других тюркоязычных народов.

Этнография и фольклор, танцы и песни связаны с жизнью кочевников. Каракалпачки с малых лет учились ездить верхом, управлять лодкой, пользоваться охотничьим оружием.

Женщины – каракалпачки должны были обладать навыками строительства юрт (кара уй), готовить различную пищу из разного мяса (говядины, баранины, птицы и др.), и молочных продуктов. Также они хорошо умели шить, изготавливать из шерсти животных сезонную одежду.

Туркмены, узбеки, казахи и каракалпачки с древних времен поддерживали добрососедские отношения, оказывая влияние на быт друг другу.

Каракалпачки всегда вели поиски оптимальных форм самоорганизации национально-культурной жизни, в которые вовлекались множество каракалпачских семей с подрастающим поколением. Использование традиционного педагогического опыта в современных национальных семьях обеспечивает: передачу многовекового опыта народов, выверенных жизнью нравственных устоев; трансляцию традиционной культуры и формирование национального самосознания у новых поколений, открытых для других культур; потребность современного цивилизованного развития и взаимообогащения.

В семье происходит начальный и главный этап социализации, и от его успеха зависят следующие этапы социализации личности. Именно в семье происходит формирование начальных нравственных норм: привычек, умений и далее жизненных принципов. От выстроенных в семье отношений, интересов и ценностей старших, находящихся на первом плане, зависит, насколько нравственными вырастут дети. Так как уроки жизни в семье дают самые близкие и дорогие ребенку люди-отец и мать, они обладают огромной воспитательной силой.

Поэтому в настоящее время, на этапе возрождения духовного и культурного наследия, опора на семью как на средоточие нравственного богатства народа является объективной потребностью общества. Общество заинтересовано в преемственности только прогрессивного духовного богатства народа. Именно в этом смысле, возлагаемая на семью великая миссия – возрождение нравственного наследия народа может стимулировать развитие семьи.

Современная семья должна являться носителем культуры своего народа, убежденным пропагандистом педагогических заповедей и мудрости предков, вековых традиций народа. Она позволяет осуществить успешную трансляцию традиционных культур, позволяет своевременно формировать национальное самосознание при передаче многовекового опыта и возродить традиционные нормы нравственного воспитания. Чтобы достигнуть ускоренное «лечение» современной семьи, надо самым решительным образом вновь вернуться к традициям народной педагогики.

References:

1. Валеев Д.Ж. Нравственная культура каракалпачского народа: прошлое и настоящее. Т., 1989. С. 11.
2. Юлдыбаев Б.Р. Мораль как социокультурный феномен: сущность и специфика // Вестник НУУз. 2007. Т. 12. № 4. С. 140.
3. Гусейнов А. А. Философские основы этики и этический пафос философии // Проблемы этики. Философско-этический альманах. М., 2008. С. 7.
4. Апресян Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М.: Изд-во ИФ

РАН, 1995. С. 348.

5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 377.

6. Козлова О. Н. Социология духовной жизни. М., 2004. С. 147.

7. Титаренко А.И., Карвацкая Г.Ф., Титов В. А. Этика – проблемы и перспективы. Филос. науки. 1972. №4. С. 150.

8. Апресян Р. Г. Понятие общественной морали // Вопросы философии. 2006. №5. С. 7-8.

9. Дробницкий О. Г. К вопросу о специфике морали. М. София, 1973. С. 234.

CAPACITY AND COMPETENCE IN THE CONDITION OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE STUDENTS OF NON-PHILOLOGICAL SPECIALTIES

K. Dusheeva¹, A. Akynbekova²

Abstract

In the article "Capacity and competence in the condition of Russian as a foreign language students of non-philological specialties" examines the competence-oriented model of teaching Russian language and speech culture of students of non-philological faculties, proves an innovative approach to assessing communicative and subject-professional competence, based on the characteristic behavior of the dominant form of student activity on the development of appropriate skills, proficiency with language.

Keywords: competence-oriented model, subject and professional competence, intensive training in Russian language, problem-based learning, ability, competence.

В.А. Сухомлинский отмечал, что первоочередная задача состоит в том, чтобы открыть в каждом человеке творца, поставить его на путь самобытно-творческого, интеллектуально-полнокровного труда.

Решить эти задачи помогают инновационные методы, в том числе интенсивное обучение русскому языку, используемые в системе современного образования. Любая технология имеет средства, активизирующие и интенсифицирующие деятельность учащихся, в некоторых же технологиях эти средства составляют главную идею и причину эффективности результатов.

В связи с этим при интенсивном обучении русскому языку студентами нефилологических специальностей широко применяется жизненно реальное проблемное обучение как творческий процесс, как решение нестандартных научно-учебных задач нестандартными же методами. Суть проблемной интерпретации учебного материала состоит в том, что преподаватель не сообщает знания в готовом виде, а ставит перед учащимися проблемные задачи, побуждая искать пути и средства их решения. Проблема сама прокладывает путь к новым знаниям и способам действия.

Главные психолого-педагогические цели проблемного обучения взрослого контингента:

- развитие мышления и способностей учащихся, развитие творческих умений;
- усвоение учащимися знаний, умений, добытых в ходе активного поиска и самостоятельного решения проблем;
- воспитание активной творческой личности учащегося, умеющего видеть, ставить и разрешать нестандартные проблемы.

В отечественной педагогике различают три основные формы проблемного обучения:

- 1) проблемное изложение учебного материала в монологическом режиме лекции либо диалогическом режиме семинара.
- 2) частично-поисковая деятельность в ходе проблемных семинаров, эвристических бесед.
- 3) самостоятельная исследовательская деятельность, когда учащиеся само-

¹Kulbayra Dusheeva, Talas State University, Kyrgyzstan.

²Ayman Akynbekova, Talas State University, Kyrgyzstan.

стоятельно формулируют проблему и решают ее.

Данные все три основные формы проблемного обучения прослеживаются в работах Дербишевой З.К. [1, с. 93-97], Задорожной Н.П. [4, с.64-72], Дервиша О.Г. [2, с. 11-14] и во многих других статьях ведущих методистов Кыргызстана.

Рассматривая проблемное обучение как один из методов усвоения русского языка как неродного студентами нефилологических специальностей, с учетом их индивидуальных различий в способностях, природной их обусловленности (задатков), а также индивидуальной стратегии интенсивного усвоения языка, необходимо определить, с точки зрения психолого-педагогического развития, уровня учащегося, в чем различие между «способностью» и «компетенцией» (лингвисты чаще говорят о соответствующей компетенции, психологи – о компетентности).

Психологи давали различные определения способности. Способности – это индивидуально-психологические особенности, обеспечивающие легкость и быстроту приобретения знаний, умений и навыков, но не сводящиеся к ним (Б.М. Теплов, С.Л. Рубинштейн). Б.М. Теплов подчеркивал, что способностями можно назвать лишь такие индивидуально-психологические особенности, которые имеют отношение к успешности выполнения соответствующей деятельности [6, с. 62]. Связывая проблему способностей с вопросом о развитии, С.Л. Рубинштейн признавал, что «в индивиде должны существовать предпосылки, внутренние условия для их органического роста» и «что они предопределены. Не даны в готовом виде до и вне всякого развития» [5, с. 221]. С.Л. Рубинштейн придавал большое значение взаимосвязи внешних и внутренних условий развития способностей как теоретической основе для решения коренных дискуссионных вопросов теории способностей. Согласно С.Л. Рубинштейну, «нельзя определять умственные способности, интеллект человека по одному лишь результату его деятельности, не вскрывая процесса мышления, который к нему приводит» [5, с. 227].

Еще одно следствие общих способностей (или общих умственных способностей), которое, вытекая из приведенных определений, имеет прямое отношение к учебной деятельности, – это обучаемость. Обучаемость рассматривается как характеристика индивидуальных возможностей учащегося к усвоению учебной деятельности – запоминанию учебного материала, решению задач, выполнению различных типов учебного контроля и самоконтроля при обучении неродного языка. Обучаемость включает многие показатели и параметры личности обучающегося: 1) познавательные возможности (особенности сенсорных и перцептивных процессов, памяти, внимания, мышления и речи); 2) особенности личности (мотивации, характера, эмоциональных проявлений); 3) качества, определяющие возможности общения и соответствующие проявления личности (общительность, замкнутость и т.д.). С динамической стороны обучаемость характеризуют: темп продвижения, уровень достижений, устойчивость и возможность переноса (использование усвоенного приема и для решения других задач), которые очень важны для реальной жизни взрослого учащегося. Эта проблема наиболее разработана в исследованиях известных педагогических психологов (Б.Г. Ананьев, Н.И. Менчинская, З.И. Калмыкова, С.Ф. Жуйков, Г.Г. Сабурова и другие).

Говоря о компетенции или компетентности в усвоении неродного языка, подразумевается характеристика поведения, доминирующую форму активности учащегося, сформированность соответствующих навыков и умений, степень владения языком и речью. Говоря о способностях, определяется оценочный критерий, подразумевая потенциальные возможности и задатки, от которых зависит скорость, качество и уровень сформированности соответствующей компетенции. Все данные доминирующие формы и определения о способностях в современной лингводидактической методике играют очень важную роль при обучении русско-го языка как неродного. Лингвистика поставила во главу угла изучение языка как

знаковой системы, а психология – речевой процесс, процесс порождения и восприятия речи.

Речевая компетенция – это языковая система в действии, использование ограниченного количества языковых средств, закономерностей их функционирования для построения высказываний от простейшего выражения чувства до передачи нюансов интеллектуальной информации. Языковая компетенция понимается как потенциал лингвистических (языковедческих) знаний учащегося, совокупность правил анализа и синтеза единиц языка, позволяющих строить и анализировать предложения, пользоваться системой языка для целей коммуникации. Содержание языковой компетенции – это усвоение категорий и единиц языка и их функций, постижение закономерностей и правил функционирования языка (Л.В. Щерба, В.А. Звягинцев, И.А. Зимняя, Н. Хомски, Л.А. Якобовиц и другие).

Для психологического анализа процесса овладения неродным языком и индивидуально-типических особенностей усвоения русского языка студентами нефилологических специальностей можно выделить такие параметры, как усвоение (соотносимое с языковыми средствами) и применение (имеющее отношение к речевой коммуникативной деятельности). Д.Е. Дэвидсон и О.Д. Митрофанова пишут: «Отношение к учащемуся как субъекту учебного процесса связано, сегодня, с правом выбора каждым их учащихся собственной технологии овладения языком, с учетом его индивидуально-психологических особенностей – внимания, памяти, мышления, типа нервной деятельности; оно базируется на изучении индивидуально-типических процессов и способов овладения иноязычной речью, на выявление психофизиологических механизмов, лежащих в основе индивидуально-своеобразных путей овладения иностранным языком» [3. с. 11].

Таким образом, в зависимости от степени нагрузки, от типа обучения (методики, технологии), от основного канала получения информации и т.п. более способными к языкам могут оказаться либо «лингвисты», либо «коммуникаторы», причем, чем выше нагрузка, тем меньше возможности компенсаторного характера. В последнем случае особо важную роль приобретают природные факторы способностей.

References:

1. Дербишева З.К. Преподавание русского языка как иностранного в КТУ «Манас» // РЯЛКШ. 2003. №3. С. 93-97.
2. Дервиш О.Г. Мотивация как средство формирования коммуникативно-познавательной потребности на уроках изучения второго языка // РЯЛКШ. 1989. № 6. С.11-14.
3. Дэвидсон Д.Э., Митрофанова О.Д. Функционирование русского языка; методический аспект // Доклады американской делегации на Международном конгрессе МАПРЯЛ, 1990.
4. Задорожная Н.П. Насущные проблемы // РЯЛКШ. 2002. №2. С. 64-72.
5. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 221, 227.
6. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1969.

STUDY OF INFLUENCE OF THE PROGRAM ERASMUS+ ON INTERCULTURAL COMPETENCIES OF STUDENTS

*M. Biryukova*¹

Abstract

The present paper is devoted to study of influence of the program ERASMUS+ on intercultural competencies which student of the University acquires within the period of academic mobility and which also play an important role for the future employment of the student after graduation from the higher education institute.

Keywords: mobility, intercultural competencies, ERASMUS+, higher education, internationalization.

Multilingual and intercultural communication within the framework of world society is of great importance for economic, political and cultural interaction. In this global lingual field education becomes more significant. Encouragement of student mobility, e.g. investments to student exchange programs, provides considerable advantages of competence increase in the area of human resources and strengthening of competitive positions of the country in the world arena. Possibilities to study abroad under programs of the European Union and other facilities assist thousands of visits and exchanges.

Speaking on student mobility we should use a complex approach. There is a close link between education and human capital. ERASMUS+ can be considered as the most well-known program for student exchange in Europe. ERASMUS+ is a flagship of exchange programs in the area of higher education. This program not only supports mobility for the most part of students but also ensures co-financing for higher education institutes.

Within the training period of students in foreign universities mostly in foreign languages young people as a rule participate in various public activities and contact with other students having different cultural traditions. ERASMUS+ can be considered as a structure which provides not only professional qualification but also an opportunity to deepen intercultural sensitiveness. Students acquire various social qualifications by means of informal and unofficial learning.

For development of intercultural competencies knowledge about one culture is not enough, knowledge about other cultures is necessary. Intercultural competence includes an ability to respect, to appreciate and to use efficiently cultural values and traditions for perception and evaluation oneself and others. International mobility promotes integrated learning of language and peculiarities of the cultural field. One of the leading specialists in the area of intercultural competencies British scientist Michael Byram rightly noted: "In the last decade... there has been an increasing attention to and experimentation with teaching language and culture in integrated ways" [2, p. 8].

Empirical study consisted of qualitative interviews with students participated in the program ERASMUS+ in Germany and Poland. One of purposes has been to study influence of the program ERASMUS+ on intercultural competencies of students.

Students participated in the program ERASMUS+ have been differently motivated to obtain such "experience abroad". A number of factors impelled these people to leave their country have been connected with cross-cultural subjects: improvement of language skills, incentive to meet new men having various levels of training. When students

¹Marina Biryukova, Ryazan State Radio Engineering University, Russia.

went abroad, most of them actively interacted with students from other European countries and also with student from other continents. Respondents have discovered Europe that gives them and their peers opportunities to travel, to study and to work in European countries. In some cases students have expanded their cultural horizons and met the European culture.

Regarding personal development, students have informed on growth of their self-confidence and broadening of their views concerning new social contacts and interpersonal exchange. Time spent abroad under the program ERASMUS+ can be considered as a stage of the personal advancement. Besides, students participated in the program ERASMUS+ often overcome language barriers and improve their knowledge of foreign languages, they obtain communication skills and transnational contacts which similarly help to develop cross-cultural skills.

Public opinion polls have shown that most of students learn English not because of curiosity but because they are sure that the second language is necessary for their future work and it will significantly improve their chances to find a job [1, p. 82].

So, study of ERASMUS+ participants have shown that this program influences on “openness to new experience” and “expansion of the horizon”. These effects can be considered as deepening of cross-cultural skills determined as a social ability which includes openness and curiosity to “others”. The program ERASMUS+ is intended for increase of mobility, development of personality and international exchange. Besides, this program has a potential, it breaks stereotypes.

References:

1. Biryukova M.V. Realization of international academic mobility of students // Philological and pedagogical aspects of humanitarian education in higher school: collected materials of the interregional theoretical and practical seminar with international participations (May 19, 2016) / edited by N.P. Tyumeneva, T.E. Alekseeva, L.N. Fedoseeva – Ryazan: Academy of Federal Penitentiary Service of Russia, 2016. P. 80-82.
2. Byram M. Assessing intercultural competence in language teaching //Sprogforum. 2000. Vol. 6. P. 8-13 (Updated April, 29, 2002).

THE ROLE OF THE OPEN AIR IN CREATIVE PRACTICE IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATION OF DESIGN STUDENTS

I. Besedina¹, T. Tolpinskaya²

Abstract

The article describes the method of conducting a summer plein air practice in the AGAS, its role in the development of practical skills not only artistic activities, but also specialized disciplines (creating klausur, sketches, drawings); development of creative imagination, artistic and creative thinking.

Keywords: plein air, core subjects, objects of cultural heritage, architectural decoration, unconventional material, a creative imagination.

doi: http://doi.org/10.15350/UK_5/4/01

Пленэрная практика, предусмотренная учебным планом, является одной из действенных разновидностей художественной учебно-творческой деятельности и считается важным моментом в учебном процессе. В переводе с французского термин «пленэр», означает вольный, открытый воздух [1, с. 243]. Рисовать на пленэре можно все – от архитектурных зарисовок зданий до набросков фигуры человека, животных, птиц.

Процесс формирования творчески мыслящей личности протекает тем успешнее, чем активнее и разнообразнее творческая деятельность. Работа на природе является благоприятным фактором развития художественно-образного мышления. Она развивает творческую мысль, обогащает воображение [2, с. 66].

Весь окружающий нас мир богат картинами, идеями и является кладезем мыслей, фантазий, воображения, которые черпают профессиональные художники, архитекторы, дизайнеры. Не каждому дано видеть «волшебство» и «тайны» мироздания. Только творческому человеку, любознательному, внимательному, находящемуся в постоянном поиске, активно работающему, приоткрываются источник познания, красоты и осмысления естества природы, которые профессиональные архитекторы-дизайнеры используют в сохранении и преобразовании окружающего пространства. Характерной чертой творчества А. Аалто было стремление к интеграции искусств. Питательной средой его творчества была не только архитектура, но и другие пластические искусства, которые он всегда рассматривал как неисчерпаемый источник формообразования [3, с. 6].

Студентам направления «Дизайн архитектурной среды» на пленэре ставятся такие задачи:

- *во-первых*, закрепление навыков рисования по специальным дисциплинам (рисунок, архитектурная колористика, композиция);
- *во-вторых*, накопление изобразительного материала для работы по дисциплине «Основы и язык визуальной культуры» в пятом семестре коллаж «Город на контрасте старого и нового»;

¹Irina Besedina, Candidate of Pedagogical Sciences, Astrakhan state University of architecture and construction, Russia.

²Tatiana Tolpinskaya, associate Professor, head «Department of Design, reconstruction and restoration», Astrakhan state University of architecture and construction, Russia.

– *в-третьих*, приобретение и накопление навыков в умении ориентироваться в масштабной соразмерности окружающего внутреннего или внешнего пространства, сопоставлять масштабную соразмерность в открытом или закрытом пространстве; графически зарисовок ландшафта местности, архитектурных элементов фасадов зданий;

– *в-четвертых*, формирование эмоционального чувствования, творческого подъема; воспитание любви и бережного отношения к сохранению объектов культурного наследия; стимулирование обновления мышления и т.д.

Работа на пленэре учит наблюдательности, вниманию, тренирует память, способствует активизации деятельности. Прохождение практики состоит не только в работе с натуры и по предствлению, но и в проведении педагогом вводных бесед с постановкой задач, параллельном рисовании со студентами, совместном обсуждении выполненных зарисовок и набросков. Результаты практики во многом зависят от организации учебного процесса (летнего периода) и осмысленного отношения студентов к выполнению работы.

На пленэре студентам предлагается выполнить зарисовки объектов культурного наследия: фасады, интерьеры зданий, исторических памятников и других объектов, сохранившихся на территории города и области. Тесное соседство малоэтажных купеческих домов с украшающими их элементами кружевного деревянного и каменного декора с современными объемами из стекла и бетона, наталкивают на размышления и способствуют стремлению сохранить историю уникальной городской застройки в памяти и в виде зарисовок на бумаге и фотофиксацией. А. Аалто рассматривал город не только как биологически активную среду. Он считал, что критерием города является критерий целостной культурной среды, имеющей единую художественно осмысленную протяженность в пространстве и времени. Одной из наиболее сложных проблем современного градостроительного искусства, по мнению Аалто, является достижение связи новой застройки с наследием прошлого. Он утверждал, что «старение» многих городов не означает их гибели, что существуют пути гармоничного сочетания разновременной застройки и создание на базе определенных планировочных методов благоприятной и эстетически выразительной городской среды [3, с. 11]. Поэтому и хочется сохранить уникальность и самобытность застройки исторического центра нашего города, что ориентирует преподавателей на воспитание патриотических чувств у студентов.

Набросок – рисунок, намечающий лишь важнейшие черты того, что должно быть изображено. Эскиз – предварительный набросок к рисунку [4]. Набросок является началом развития творческого объемно-пространственного воображения, фиксирующий идею будущего проектируемого объекта. Выбранный вариант из нескольких набросков ложится в основу эскиза проекта, утверждаемого для дальнейшей его разработки. Таким образом, развиваются и закрепляются навыки последовательности проектирования.

Рассмотрим методику проведения летнего пленэра на кафедре «Дизайн, реконструкция и реставрация» Астраханского государственного архитектурно-строительного университета.

Летний пленэр содержит *несколько этапов*:

1. *Исследование*. Происходит визуальное знакомство с объектом, его изучение и «перенос» в виде зарисовок и набросков на бумагу. Здесь студентам понадобятся все имеющиеся навыки академического рисунка, а именно: построение основного объема здания, соблюдение пропорций строений, акцент на архитектурных деталях, сочленение форм, легкая тональная проработка рисунка. Каждая зарисовка должна быть четко выполненной, обладающей убедительным изображением

ем формы объекта, восприятия светового и цветового соотношения и расположением его в окружающем пространстве.

Занятия на пленэре направлены на развитие широкой пространственной ориентации, способности воспринимать природу в крупномасштабном трехмерном пространстве, а её изображение – в двухмерном пространстве на плоскости [5].

Трудолюбие, настойчивость, наблюдательность – те необходимые качества в создании зарисовок, выполненных с высокохудожественным вкусом (рис. 1, 2, 3).

Рис. 1. Здание консерватории

Рис. 2, 3. Зарисовки архитектурных деталей зданий

Задания направлены на интеграцию специальных дисциплин изобразительного цикла, архитектурно-дизайнерского проектирования, истории архитектуры, всеобщей истории искусств, дизайна, региональной архитектуры и являются творческой деятельностью. Поэтому важно продумать и организовать интересную, систематичную работу и придерживаться намеченного плана.

2. Сбор материала.

На этом этапе преподаватель подобен экскурсоводу: предварительно снабдив студентов краткой информацией о зданиях, оказав помощь в расположении (расстановке) студентов, настроить на работу, помочь сосредоточиться на объекте. Работая на пленэре, необходимо направить студентов в нужном направлении, сориентировать на тот или иной объект, улочку, дворик, перспективу улицы, берег реки с причалом, одинокие лодки с мачтами, мост с ажурной оградой, медленно идущие баржи с песком и многое интересное вокруг.

В своих лекциях архитектор Сергей Кузнецов (главный архитектор г. Москвы) отмечает важность рисунка для проектирования как одного из «ключевых элементов формирования и совершенствования профессионального мышления архитектора. Рисуя с натуры, архитектор учится чувствовать и использовать широкий диапазон пластических и выразительных средств, ощущать и применять детали, оценивать пространственные решения и пропорции зданий» [6].

Пленэр дает возможность продемонстрировать свои умения, испытать свои силы и возможности. Работа с натуры протекает быстро, заставляет «схватывать» самое главное, способное раскрыть и характеризовать окружающую среду.

Для рисунка по представлению в пятом семестре необходим определенный багаж изобразительного материала, который послужит мощным подспорьем для создания композиции.

Зарисовки делаются разными материалами: здесь применяется мягкий карандаш, фломастер, линер, ручка, уголь, сангина, цветные карандаши. По предварительным итогам, может сложиться графическая серия видов старого города.

3. Итоговая работа «По мотивам мастера»

В завершение пленэра 2015/16 учебного года студентами кафедры «Дизайн, реконструкция и реставрация» были созданы графические и живописные зарисовки наиболее интересных, выразительных, имеющих историческую ценность зданий города, включая ландшафтное окружение.

Согласно учебному плану, студенты-дизайнеры проходят теоретический курс «Современные пространственные и пластические искусства», где знакомятся с биографией и творчеством художников 19-20 вв. Было решено выполнить задание по специальным дисциплинам в часы летнего пленэра, как итоговую работу. За основу брались картины художников (из вышеназванного курса), которые исполнялись нетрадиционными материалами.

Студентам предлагалось разделиться на группы по двое, продумать материал, которым будет выполнена работа. Формат работ оговаривался заранее, это планшеты размером 100×100 см или 80×80 см. Прежде, чем приступить к итоговой работе, студенты искали разнообразные варианты работ художников и параллельно продумывали материал исполнения. Творческое задание для двоих закладывает основу в развитии умения работать в коллективе. Индивидуальность творческого подхода каждого студента определяет эскизная проработка по вариантам их набросков. Свобода творческого поиска дает возможность раскрыться, проявить себя индивидуально, без ограничений, и это дает положительный результат. Студенты проявляют заинтересованность по выполнению работы. Именно в таких заданиях проявляются фантазия, сообразительность, креативность и творческая активность. Такое направление выполнения работы закладывает развитие у студента умения работать в коллективе, что является актуальным для них в их дальнейшей практической деятельности.

Студенты-дизайнеры подошли ответственно к заданию и показали разнообразие подхода к материалам. При утверждении с преподавателем идеи, работы выполнялись на основном формате. Этапы композиции осуществлялись под контролем преподавателя.

В результате прохождения летнего пленэра, студенты показали зарисовки разнообразных фрагментов городской застройки, уютных дворики, малоэтажных каменных зданий, архитектурных деталей.

Заключительным «аккордом» пленэра студентов-дизайнеров стала итоговая работа, выполненная нетрадиционными (вернее, необычными на первый взгляд, материалами) рис. 6-9. Широкий диапазон подручного материала удивительно точно совпал с цветовыми красками картин художников.

Рис. 6. В стиле С.Дали «Кит»
Материал: папье-маше,
соленое тесто, ткань,
салфетки

Рис. 7. В стиле Ван Гога
«Подсолнухи»
Материал: прищепки, пряжа, пробки, сухая
травы, скрепки, природный
материал-галка, ракушки и др.

Рис. 8. В стиле П.Пикассо
«Читающие девушки»
Материал: газета,
природный материал

Рис. 9. В стиле К.Малевича
«Женщина»
Материал: пуговицы, пряжки,
акрил стебли, листья; ткань,
скрепки, компакт-диск, шнурок,
бусы, фольга

Заключение

Перечисленные этапы летнего пленэра способствуют решению главных учебно-методических задач, изучающие основополагающие принципы организации художественного пространства. Они развивают образное мышление студентов, тренируют зрительную память, воображение, способствуют вариативности композиционных решений; существенно обогащают образно-пластический язык студентов, тем самым подводят базу для развития полученных навыков в профессиональных дисциплинах.

В ходе учебного процесса студентам предстоит обратиться к зарисовкам по созданию композиции по представлению и воображению. Приобретенный материал станет подспорьем, поможет погрузиться в гармонию природы, понять окружающее пространство, связать его с поведением человека и выявить дух места. Создание рисунков по представлению дает студентам возможность участвовать в международных конкурсах архитектурного рисунка, форумах, биеннале. Благодаря организации учебного процесса, уже в рамках пленэра, закладывается багаж знаний, который будет необходим студенту в будущем.

References:

1. Согоян Н.Ш. Иллюстрированный словарь архитектурных терминов и понятий: учеб. пособие для вузов. Издание 2-е доп. и перераб. М.: Архитектура-С, 2006. 384 с.
2. Амелина, И.Р. Роль пленэра в процессе обучения студентов // Поволжский педагогический вестник. 2014. № 3(4). С. 66-69.
3. Аалто А. Архитектура и гуманизм / под ред. А. Гозака. М., Изд-во «Прогресс», 1978. 219 с.
4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
5. Варданян, В.А. Программа учебно-творческой практики. Пленэр. Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевеева, 2010.
6. Кузнецов С. Архитектурный рисунок и его роль в работе архитектора. 2013 г. Режим доступа: <http://moscowarch.ru/news/lekciya-sergeya-kuznecova-arhitekturnyy-risunok>

THE FORMATION OF READINESS FOR FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION IN MEDICAL STUDENTS

*S. Zabolotnaya*¹

Abstract

Special aspects of readiness formation in medical students for foreign language communication are considered in this article. Great attention is paid by the author to the communicative work in the “doctor – patient” mode. Foreign language training in higher medical school orientates future doctors towards investigative, exploratory pattern of education promoting the development of creative professional thinking, the ability to plan and project their educational and professionally directed activity autonomously.

Keywords: readiness, medical student, foreign language communication, future doctor.

Ситуация, сложившаяся в Российском здравоохранении, настоятельно диктует внедрение инновационных подходов к подготовке студентов медицинского вуза. Перед высшей медицинской школой стоит задача по подготовке квалифицированных кадров, способных оказывать качественную и эффективную медицинскую помощь населению и владеющих ценностными основами общения с пациентами, руководствуясь принципами гуманизма и милосердия.

Коммуникативная культура будущего врача является одной из значимых профессиональных ценностей, проявляющихся как способность личности адекватно оценивать других людей, подбирая к каждому пациенту индивидуальный способ общения. Интеграция высшего медицинского образования в мировое образовательное пространство подразумевает необходимость формирования у будущего врача готовности к иноязычной коммуникации для решения задач профессиональной деятельности. Мы рассматриваем готовность как концентрацию сил личности, направленных на осуществление необходимых действий в определенный момент [2].

Иноязычная коммуникация невозможна без знания основ делового общения, принципов и методов организации деловой коммуникации, модели речевого поведения; умения понимать устную и письменную речь на иностранном языке, обмена профессиональной информацией; владения стратегиями для эффективного овладения иноязычной и коммуникативной компетенциями, средствами иноязычного общения. Иноязычная коммуникация представляет собой интегративное качество личности студента медицинского вуза, которое обеспечивает успешное взаимодействие врача и пациента. В структуру иноязычной коммуникации в режиме «врач-больной» входят: субъекты – участники речевой коммуникации (врач и пациент), а также объект – повод возникновения речевых коммуникативных отношений. В процессе профессионально ориентированного общения с пациентом студент получает возможность оттачивать навыки опроса пациента при сборе анамнеза, оперирования различными лабораторно-инструментальными данными и результатами обследования. Будущий врач учится находить рациональное в потоке информации, мыслить логически и творчески, развивая клиническое мышление. Студент медицинского вуза овладевает мастерством установления ценностного контакта с пациентом, позволяя сделать обще-

¹Svetlana Zabolotnaya, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Orenburg State Medical University, Russia.

ние в режиме «врач-больной» продуктивным. Откровенная беседа врача с больным способствует раскрытию и пониманию сути процесса заболевания, а значит – скорейшему выздоровлению или облегчению состояния больного. При осуществлении своей профессиональной деятельности по оказанию медицинской помощи врачу приходится объяснять, разъяснять, убеждать, доказывать, а порой и перубеждать пациентов. Формируемый в процессе работы навык ценностного общения врача и больного становится одним из признанных клинических навыков профессиональной характеристики личности будущего врача. Ценность формирования готовности к иноязычной коммуникации проявляется в том, что весь процесс проходит через личность студента медицинского, его мотивы, цели, ценностные ориентации, интересы и жизненные перспективы и планы, что влияет и на формирование личности будущего врача в целом [1].

Вступление личности студента медицинского вуза в пространство иноязычной культуры происходит в условиях изменяющегося ценностного отношения к миру профессии, познанию, межкультурной профессиональной иноязычной коммуникации. Для осуществления адекватной иноязычной коммуникации необходимо, прежде всего, усвоение основных элементов иностранного языка. Следовательно, важная роль в решении этой задачи отводится языковому образованию, как фактору, способствующему формированию и развитию готовности личности к иноязычной коммуникации, расширяя ее социальную и экономическую свободу. Лингвистическому образованию в профессиональной подготовке студента медицинского вуза принадлежит особая роль в развитии аксиологического потенциала личности. Конечной целью лингвистического образования в медицинском вузе становится становление у будущих специалистов в области медицины коммуникативной компетенции, позволяющей свободно ориентироваться в иноязычной среде и адекватно реагировать в различных профессионально ориентированных ситуациях. Помимо знания иностранного языка, иноязычная коммуникация требует от студента представления о своеобразии ценностей, особенностей культуры другой страны.

Дисциплина «Иностранный язык» занимает особую нишу в профессиональной подготовке будущих врачей. В процессе изучения иностранного языка студент медицинского вуза размышляет о ценностных фактах иноязычной культуры, способах овладения иностранным языком и его употребления, получая возможность использовать иностранный язык в профессиональной деятельности. Открытость и доступность последних достижений медицинской науки и техники предоставляет людям возможность обмениваться информацией по разным аспектам деятельности человека. Это, в свою очередь, способствует развитию культурной восприимчивости, способности к правильной интерпретации конкретных проявлений коммуникативного поведения в различных культурах, а также формированию практических навыков и умений в общении с представителями других культур. Сама суть дисциплины «Иностранный язык» в аксиологической парадигме медицинского образования заключается в ценностной ориентации на общение.

Система ценностных отношений будущих врачей определяет их познавательную мотивацию в иноязычной профессионально ориентированной деятельности. Очевидной становится объективная потребность в формировании интеркультурных основ личности будущего врача с обогащением содержания образования общечеловеческими и профессиональными ценностями, ценностями современной межкультурной коммуникации.

Аксиологической направленности формирования готовности к коммуникации на иностранном языке способствует проблемность, эвристичность и проективность данной работы. Проблемность содействует преодолению отстраненности от образовательного пространства. Эвристичность продуцирует субъективно но-

вую информацию при реализации творческой поисковой деятельности, позволяющей создавать оригинальные идеи и находить соответствующие решения, активизируя процесс креативности и способствуя созданию ценностной перспективы самой личности будущего врача [3].

В работе кафедры иностранных языков ОрГМУ особое внимание уделяется воспитанию познавательного интереса и развитию познавательной активности, созданию положительной мотивации обучения и получения действенных знаний, развитию интеллектуальной самостоятельности, формированию умений и навыков иноязычной коммуникации.

Все это, в итоге, способствует сознательной постановке студентом жизненной цели в профессионально ориентированном пространстве, определению путей и средств ее достижения, в том числе и посредством иноязычной коммуникации.

References:

1. Заболотная С.Г. Ценностные технологии реализации дополнительного лингво-профессионального образования студентов медицинского вуза // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 12 (часть 2). С. 326-331.
2. Заболотная С.Г. Некоторые подходы по управлению формированием и развитием готовности студентов к иноязычной деятельности // Академический журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции». 2011. № 4 (1). С. 25-29.
3. Кирьякова А.В. Аксиология образования. Ориентация личности в мире ценностей. М.: Дом педагогики, 2009. 318 с.

**PROBLEM OF BILINGUALISM AND BILINGUAL OF PERSONALITY
IS IN PEDAGOGICAL SCIENCE**

V. Dyomina¹

Abstract

The processes of globalization, change of values, swift development of science, tendencies, in education put society before new realities. In these problems of maintenance of national culture and understanding of cross-cultural communication of representatives of different cultures specifications put a question about the necessity of forming of personality, possessing the developed culture of bilingual communication, apt at the adequate understanding of cultural values it and other people, ready to build a structural dialogue with the representatives of other cultures.

In this connection in the system of education the task of forming of bilingual competence of personality goes out on the first plan, as exactly a teacher is a key figure in transitional periods of development of society, by the factor of national safety, becoming of world view of rising generation.

Keywords: bilingualism, bilingual communication, bilingual personality, cross-cultural communication, Pedagogics.

The processes of globalization promote combination of different cultures and encourage young people to the study of foreign language as means of cross-cultural communication. Knowledge of features of bilingual personality assists mastering of norms and values as major reference-points of ethic communication and is basis for successful adaptation to the world informative processes. In the light of the newest progress of education trends there is a requirement in bilingual specialists able to carry out successful personality and professional co-operation in a multicultural sphere. It substantially influence on realization of speech politics and influences on requirements to modern education, that it is related to the all-round study of problems bilingualism.

In connection with foregoing the aim of the article there is illumination of problem of bilingualism and bilingual personality in pedagogical science.

Many scientists exploring the concept of "bilingualism", which has been made in the second half of the twentieth century in the period of global social renewal, commitment to open society and integration into the European cultural and educational space. Revealing the new bilingual educational opportunities, methods and means of forming the individual components bilingual cultural identity dedicated work U. Weinreich, E. Venyevtseva, M. Mikhailov and others. The development of integration components of culture in the process of education, multicultural education and language training did E. Vereshchagin, G.Dmitriev.

Based on the analysis of research E. Vereshchagin, U. Weinreich, M.Mikhailov definition of bilingualism can be reduced to possession of two different languages and their use at a level that provides communication in one or two areas of communication, which means master expertise native and foreign languages, bilingual identity is formed and is its integration into European and world culture, information and communication space [1].

In pedagogical and linguistic literature terms are bilingual and bilingual identity bi-

¹Viktoriya Dyomina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the department of Pedagogics of the "Donbass State Pedagogical University", Ukraine.

lingual taken by scientists to determine the identity, able to use language to communicate the two systems. E. Slepčova uses the term "bilingual person" and defines it as one that has formed skills and intercultural communication skills and bilingual speech consciousness, based on objective bilingual speech code and world view of the two peoples [3].

V. Safonov, V. Furmanov, L. Tarnaeva explore native and foreign language dialogue of cultures and focus attention on the fact that bilingual using a foreign language not only forms the basic integrative and communicative skills of intercultural interaction and communication, but at the same time immersed in another culture becomes subject and object of acculturation – the process of learning and individual approach cultural elements typical of the ethnic community, the culture of their ethnic community [3].

As a result, the bilingual person acquires the qualitatively new traits and characteristics which make it possible to define it as bilingual [2].

Thus, the bilingual culture of personality is a system of internal resources needed to implement an effective bilingual communication in situations of personal and professional interaction and self-realization. The main indicator of formation of bilingualism believes the ability to use foreign language system for communication, which is the main condition for the formation and development of the individual and is defined as a multi-dimensional process of formation, maintenance and implementation of intergroup and interpersonal interaction during joint activity of people aimed at the exchange of information, experience, knowledge, skills and abilities through various means of communication [1].

Based on the definitions of bilingualism, bilingual personality, they are interpreted as a basic condition of forming and development of bilingual communication, in basis of that are knowledge of features of foreign language, understanding of foreign subject speech code and objective pictures of the world of two nations.

In terms of expansion of social interaction becomes particularly relevant study of culture of interethnic communication, covering the totality of relations between various nations and nationalities, during which people belonging to different ethnic communities and religious denominations, exchanging experiences, material and spiritual values.

Thus, the concept of bilingualism, bilingual personality distinguishes as the main components of the concept of bilingual culture of communication and can define it as a system of moral aiming skills, communication skills and strong-willed properties bilingvocultural personality necessary for the formation, maintenance and implementation bicultural interaction and the exchange of information between bilingual individuals for professional and domestic activity by means of native and foreign language.

References:

1. Bochenkova M. Bilingualism and bilingual habitat are sociocultural and psycho-pedagogical phenomenon // Electronic Scientific-methodical journal "concept." 2016. Vol. 2. P. 591-595.
2. Panasyuk L. Diglossia: bilingualism for analysis category. [Electronic resource]. Access: <http://elibrary.kubg.edu.ua/id/eprint/2099>. The origins of pedagogical skills. 2014 Issue 14 27
3. Slepčova A. Pedagogical aspects bilingual the formative culture of the future teacher's personality: dissertation.... Candidate Pedagogical Sciences: 13.00.01 "General History of pedagogy and pedagogy". Ryazan, 2011. 221 p.

THE DYNAMICS OF INDIVIDUAL MINUTES THE STUDENTS OF 1-2 COURSES OF TYUMEN WITH LOW PHYSICAL ACTIVITY*V. Nazmutdinova¹**Abstract*

Research has found the more shorter individual minutes at girls with low physical activity. The shortening of individual minute the students is explained by stress adaptation mechanisms, especially in intense emotional States and stress. Revealed most short individual minute have boys at the end of 1st semester, at the girls in April 4 of the semester.

Keywords: the perception of time, individual minute, students.

Актуальность исследования. Чувство времени является одним из функциональных показателей, коррелирующих с настроением и состоянием моторики, изменением функционального состояния организма [8]. Изменения длительности индивидуальной минуты (ИМ) взаимосвязаны с изменениями соматовегетативных показателей организма и могут являться одним из критериев оценки возможностей адаптации [2, 3, 11]. Индивидуальная минута со счетом характеризует осознание времени индивидом, без счета – чувство времени – информативный показатель функционального состояния нервной системы человека с разным уровнем двигательной активности, соотношение в ней процессов возбуждения и торможения и степень напряжения адаптационной системы [13]. Она отражает психофизиологическое состояние организма и ее величина пропорциональна степени эмоционального напряжения. У здоровых взрослых, хорошо адаптированных в состоянии комфорта субъективное время приближено к метрическому. У людей с пониженной адаптацией, в состоянии стресса ИМ имеет более низкие значения [11].

Длительность индивидуальной минуты (ИМ) – информативный показатель ритмостаза, эндогенной ритмики и способности к адаптации, а также психоэмоционального напряжения и утомления [1, 14]. Поэтому несомненный интерес представляет изучение восприятия времени у студентов первых курсов с низкой двигательной активностью, адаптирующихся к учебному процессу вуза.

Цель исследования – изучить динамику восприятия времени студентами младших курсов г. Тюмени с низким уровнем двигательной активности в период двухлетней адаптации к обучению в вузе.

Материал и методы исследования. В динамическом исследовании в течение четырех учебных семестров приняли участие студенты юношеского возраста 1-2 курсов г. Тюмени: 80 девушек и 42 юноши 17-20 лет ГОУ ВПО Тюменская государственная медицинская академия (университет) (ТГМА). Студенты не занимались спортом и имели низкую двигательную активность (ДА). Определение особенностей восприятия времени определялось с помощью теста «индивидуальная минута» (ИМ).

Результаты собственных исследований и их обсуждение

Теоретический обзор. При различных внешних влияниях (физические, эмоциональные, интеллектуальные нагрузки) оценка длительности интервала времени разная. По изменению длительности интервала времени можно судить о

¹Veronica Nazmutdinova, Candidate of Biology Science, the Tyumen State University, Russia.

степени адаптации организма к внешним воздействиям [8]. Психоземотиональная нагрузка сопровождается различными хронобиологическими сдвигами. При адекватном восприятии времени человек способен правильно распределять свои действия во времени, что является одним из ценных качеств личности и позволяет правильно организовать производственный, а также учебный процесс [16]. *Психоземотиональный стресс* – сложное взаимодействие внешних обстоятельств, самооценки и ответной реакции на обстановку и провоцирует ряд компенсаторно-приспособительных реакций. Экзамен в первую сессию – испытание для студентов 1 курса, поэтому может служить удачной моделью для исследования психоземотионального стресса [14].

В обычном состоянии минута наиболее точно воспроизводится в 13-15 и 23 часа, т.е. когда снижается уровень бодрствования. Отсчет временных интервалов зависит, прежде всего, от генотипических особенностей. В любой обследуемой популяции можно выделить 3 типа людей: 1 – индивидуальная минута близка к астрономическому времени; 2 – недосчитывающие, которые переоценивают скорость хода времени (30-40 сек.); 3 – пересчитывающие, спешащие, до 80 сек. [13].

Восприятие времени играет важную роль при ориентации человека в окружающем мире и способствует его адаптации в различных ситуациях [11]. Норма величины ИМ – в интервале от 51 до 70 секунд. Максимальное укорочение ИМ – менее 30 секунд, среднее укорочение ИМ – от 31 до 50 с. [10]. На индивидуальное восприятие времени влияет ряд факторов: возраст (физическое время течет быстрее для старого организма), пол (у девушек ИМ короче), от интенсивности обмена веществ, суточная динамика (времени суток), уровень двигательной активности, физическая подготовленность и уровень адаптационных резервов, склонность к определенному хронотипу; уровня адаптивных способностей, степень эмоционального напряжения, тип ВНД, уровень личностной тревожности, настроение, наличие психических расстройств и соматических заболеваний. ИМ входит в перечень показателей, предлагаемых для определения биологического возраста человека. Известно, что у хорошо тренированных и адаптированных людей субъективная минута приближена к метрической минуте. В тоже время укорочение ИМ (менее 48 с) считается неблагоприятным признаком. Низкая реактивность на стресс сочетается с укорочением ИМ (37-57 с.), высокая, напротив, сопровождается мобилизацией и удлинением ИМ до 70-85 с. Субъективную недооценку восприятия времени связывают с перенапряжением адаптационных механизмов [2, 3, 12, 15].

У приезжих и иногородних студентов в начале учебного семестра не установлено корреляционной связи между укороченной ИМ и функциональными показателями сердечнососудистой системы: с вегетативным индексом Кердо, двойным произведением и коэффициентом выносливости при наличии небольшого напряжения механизмов адаптации и преобладании симпатического тонуса вегетативной нервной системы. У студентов второго курса уже имеется корреляционная связь: укорочение ИМ – напряжение механизмов адаптации. Таким образом, АП и ИМср могут служить маркерами уменьшения запасов адаптации [6, 7].

Изучение особенностей восприятия времени у студентов с разным уровнем ДА выявило следующие результаты. ИМср у студентов короче астрономической минуты (табл. 1). Трехкратное динамическое исследование ИМ в ноябре и декабре первого семестра обучения у студентов медицинского вуза показало, что у девушек с низкой ДА ИМср составила 53,40-54,54 с, что на 6,60-5,46 с короче астрономической минуты. У юношей колебания ИМ более выражены в декабре, перед экзаменационной сессией, 58,67–52,98 с. В конце декабря у юношей ИМср короче, чем у девушек на 3,81 с (6,49%). Показано, что лица с низкими способностями к адаптации изменений внешних условий и к дополнительным нагрузкам от-

считывают индивидуальную минуту ускоренно и ее значения колеблются от 37 до 57 с. [2, 3]. Стрессовая ситуация (накануне экзамена) укорачивает среднюю величину ИМ более чем на 5 с., вплоть до 40-30 с. [16]. Организм студентов, особенно юношей, в конце первого семестра обучения находится в состоянии адаптации к дополнительным психоэмоциональным нагрузкам, связанных с переходом обучения из школы в вуз и предстоящей сессией.

Укорочение восприятия ИМ свидетельствует о повышении напряжения гомеостатических механизмов адаптации, возбужденном, встревоженном эмоциональном состоянии [5]. У девушек в начале и конце второго семестра ИМ короче, чем в течение семестра, хотя и статистически недостоверно ($P>0,05$). У юношей, напротив, к концу семестра астрономическая минута и индивидуальная совпали. *Гендерные особенности:* в феврале и марте значения ИМср у студентов сходны. У девушек она составила 55,46-56,59 с, у юношей – 57,68-57,14 с. В мае 2003 г. у юношей ИМср выше, чем у девушек на 4,53 с (7,53%), при этом различия в начале месяца составили 4,17 с (6,90%), в конце – 5,51 с (9,18%).

Таблица 1

Индивидуальная минута у студентов г. Тюмени с низкой двигательной активностью

Месяц	Контрольная группа	
	Д	Ю
Первый курс, 1 семестр		
Ноябрь	53,40±1,30	56,30±1,63
начало декабря	54,86±1,04*	58,67±0,95*
конец декабря	54,42±0,92	52,98±1,60
Декабрь	54,54±0,71	56,01±1,04
Первый курс, 2 семестр		
начало февраля	55,46±0,73	57,68±0,99
конец февраля	57,00±0,97	59,25±1,65
Февраль	56,62±0,63	57,82±0,95
начало марта	57,14±0,94	59,16±1,20
конец марта	56,23±1,20	57,14±1,10
Март	56,59±0,63	58,13±0,61
начало мая	56,28±1,36*	60,45±0,59*
конец мая	54,50±1,04*	60,01±0,67*
Май	55,64±1,06*	60,17±0,45*
Второй курс, 3 семестр		
Сентябрь	54,65±0,59	56,13±0,94
Октябрь	55,50±1,00	56,99±0,67
Ноябрь	55,01±0,66*	57,41±0,70*
Декабрь	54,78±0,53	57,10±1,50
Второй курс, 4 семестр		
Март	53,26±0,88*	58,27±0,47*
Апрель	45,54±1,00*	57,61±0,80*
Май	55,17±0,97*	58,19±1,08*

Примечание: * – достоверные различия ($P<0,05$) между студентами разного пола

Динамическим исследованием установлено, что в третьем семестре девушки недооценивали ИМср на 5,35-4,95 с, юноши – на 2,59-3,87 с. Значения ИМ указывают на то, что у девушек адаптационные возможности ниже, чем у юношей. В ноябре третьего семестра ИМср юношей длиннее, чем у девушек на 2,40 с (4,18%). Однако, у студентов, ИМ не превышают значения 37-57 с, что указывает на низкую способность к адаптации на изменяющиеся внешние условия и к дополнительным нагрузкам.

На втором курсе, в марте, ИМср у юношей составила 58,27 с, что выше значений, полученных у девушек в указанный период на 5,01 с (8,60%). Следует отметить, что в апреле 2004 г. у девушек получено наименьшее за весь период изучения значение ИМср – 45,54 с, это на 12,07 с (20,95%) короче, чем у юношей. В мае гендерные различия составили 3,02 с (5,19%).

Двухлетняя динамика ИМср показала, что у девушек с низкой ДА в течение каждого учебного семестра нет изменений. Однако, у студенток с декабря по февраль первого курса ИМср повысилась на 2,08 с (3,67%) и составила 56,62 с, оставаясь неизменной до апреля второго курса. В апреле второго курса ИМср у девушек (45,54 с) короче на 7,72 с (14,49%) по сравнению с мартом, на 9,11 с (16,67%) короче, чем в сентябре третьего семестра и ниже значений, полученных в ноябре первого курса на 14,72% (7,86 с). У юношей с низкой ДА во втором семестре с февраля по май ИМср выросла на 2,35 с (3,91%), достигнув значений астрономической минуты.

Выводы: исследование установило более короткую ИМ у девушек. Укорочение индивидуальной минуты у студентов с низкой двигательной активностью объясняется напряжением механизмов адаптации (пониженной адаптацией, низкими возможностями адаптации), особенно в состоянии напряженного эмоционального состояния и стресса. Наиболее короткая ИМ у юношей выявлена в конце 1 семестра, у девушек – в апреле 4 семестра.

References:

1. Абдуллаев И.М., Губарева Л.И. Онтогенетические особенности функционирования центральной нервной системы у успешных и малоуспешных спортсменов-спринтеров // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-9. С. 1856-1860.
2. Дуров А.М., Денежкина В.Л., Вишнякова Ю.В. Актуальность определения истинного возраста у спортсменов // Формирование здорового образа жизни. Мат. Всерос. научно-практ. конф. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2004. С. 140-142.
3. Дуров А.М., Киреев А.В., Денежкина В.Л., Вишнякова Ю.В. Характеристика восприятия времени человеком в различные возрастные периоды (хронобиологические аспекты) // Актуальные теоретические и практические аспекты восстановления здоровья человека: Сборник научных трудов. Тюмень. ИПЦ «Экспресс», 2004. С. 14-15.
4. Корягина Ю.В. Фактор времени и результативность // Физическая культура, спорт и здоровье: состояние и перспективы совершенствования. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук». 2003. С. 48-52.
5. Корягина Ю.В., Тристан В.Г. Хронобиологическая характеристика лыжников-гонщиков подросткового и юношеского возраста. Методико-биологические проблемы физической культуры и спорта: Сборник научных статей. Омск: Сиб ГАФК, 1996. С. 38-42.
6. Назмутдинова В.И. Динамика индивидуальной минуты, ее корреляция с показателями сердечно-сосудистой системы у студенток юношеского возраста г. Тюмени, не занимающихся спортом // Теория и практика физической культуры и спорта в условиях модернизации образования: материалы Всерос. научно-практ. конф., посвя. 60-летию пед. ф-та физической культуры; отв. ред. П.К. Петров, 2009. С. 304-306.
7. Назмутдинова В.И., Прокопьев Н.Я. Особенности физического развития, функционального состояния кардиореспираторной системы, восприятия времени студенток медицинского вуза, не занимающихся спортом // Физическая культура и спорт: интеграция науки и прак-

- тики; материалы VI Международной научно-практической конференции; под ред. проф. В.А. Магина. 2009. С. 258-261.
8. Новикова Е.И. Восприятие времени лицами с разными профилями межполушарной асимметрии при информационных нагрузках и депривациях // Грани познания. 2013. № 5 (25). С. 126-129.
9. Ракшина Н.С., Подшивалова С.В. Особенности восприятия времени у студентов-первокурсников с различным уровнем личностной тревожности // Экологический мониторинг и биоразнообразие. 2013. № 1. С. 97а-99.
10. Ракшина Н.С., Подшивалова С.В. Особенности восприятия времени у студентов-первокурсников с различным уровнем личностной тревожности // Экологический мониторинг и биоразнообразие. 2013. № 1. С. 97а-99.
11. Свищева И.А., Олемпиева Е.В., Ходарев Н.В. Индивидуальная минута как скрининг-метод в оценке реабилитации лиц опасных профессий // Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке. 2012. Т. 14. № 1. С. 44-46.
12. Солодков А.С., Сологуб Е.Б. Физиология человека. Общая. Спортивная. Возрастная: учебник. М.: Терра-Спорт, Олимпия Пресс, 2001. 520 с.
13. Тарасенко И.Р., Марченко А.А., Ляшов И.В. Динамика индивидуальной минуты у занимающихся прыжками на батуте и акробатической дорожке в годичном тренировочном цикле // Вестник АПК Ставрополя. 2015. № 4 (20). С. 197-200.
14. Чилигина Ю.А. Влияние экзаменационного стресса на субъективную оценку времени у студентов-первокурсников // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 4 (122). С. 257-262.
15. Шатилович Л.Н. Оценка времени студентами в условиях учебного процесса // Проблемы формирования здоровья и здорового образа жизни: матер. науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2005. С. 246-247.
16. Шукуров Ф.А., Арабова З.У., Арабзода С.Н. Оценка и прогнозирование адаптационных возможностей студента к действию стресса // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2015. № 4. С. 68-71.

PHILOLOGY

VALORIZATION OF LANGUAGE IN THE MODERN HISTORICAL-SOCIAL CONDITIONS

*T. Krekhno*¹

Abstract

The article describes the main features of the new information age as a creative and at the same time supporting the unprecedented risks and threats to the socio-psychological state of society. Focused on the valorisation of language as a psychological support, a guarantor of mental equilibrium of man in the globalizing world of information space.

Keywords: information society, national idea, national language, language education.

Современный человек находится в водовороте общественных революционных изменений, называемых третьей волной трансформации в истории человечества – информационной. Французский социолог А. Турен отмечает, что быстрое развитие компьютерных технологий, а также масштабность процессов коммуникации и передачи информации в обществе конца XX в. обусловили изменение социального портрета человека. Постиндустриальное сообщество А. Турен называет программируемым, поскольку новая формация людей не считает себя эволюционным продуктом, существование которого обусловлено трансцендентными, не зависящими от сознания и опыта категориями. Наоборот, общество осознает свою способность программировать модели социального устройства, трансформироваться по желанию, даже собственную способность разрушить себя. Новое общество ученый характеризует как формацию высокого уровня активности, мобильности, коммуникации и самоорганизации, в то же время как опасное волюнтаристское сообщество [2, с. 128].

Теоретизирования по поводу нового информационного состояния цивилизации стали на материальную основу в трудах-рефлексиях американского философа-футуролога Э. Тоффлера, когда революционные изменения в обществе, предначертанные А. Туреном, интенсивно реализовывались. Э. Тоффлер констатирует реорганизацию пространства-времени на рубеже XX–XXI веков. Электронная почта, блоги, телефоны, компьютеры, массивы информации, большое количество рекламы, альтернативные источники энергии, разработки в области генной инженерии, медицины, возможности клонирования, изучение природы памяти, моделирования искусственного интеллекта, электронные деньги, нанотехнологии во всех отраслях производства – все это ученый называет новым технологическим граалем [1, с. 13]. Новая организация пространства и новые категории его измерения обуславливают совершенно иной стиль жизни, расшатывают стабильность прежних стандартов, которые были укоренены в таких сферах, как экономика, политика, наука, культура, религия, семья, общественная жизнь. Таким образом, человек страдает от масштабности и динамизма повсеместных изменений. Авантюры XXI века погружают его в атмосферу растерянности, вызывают чувство неуверенности в себе, бессилия перед жизнью и миром. Современный трансформированный мир Э. Тоффлер трактует как хаос, а состояние человека определяет

¹Tatiana Krekhno, candidate of philological sciences, associate professor, Kharkiv Humanitarian Pedagogical Academy, Ukraine.

как футуристический шок, дезориентацию и стресс, обусловленные ускорением истории [1, с. 15]. Безусловно, такая ситуация вызывает внутренние конфликты, расстройства психики, угрожает гармоничному существованию отдельных людей, ставит перед ними ряд проблем, которые разрушают личность. В то время как новая эпоха выдвигает перед человеком требования незаурядной концентрации, сосредоточенности, четкой определенности стратегий поведения и деятельности, психологической устойчивости. Ведь взрыв научного знания, информации и высоких технологий, а также вызванные им трансформационные процессы в обществе должны быть направляемыми и контролируемые человеком; именно человеку придется решать сложные морально-этические вопросы, которые возникают вместе с открытиями новой эпохи. Конфликтность переходного периода развития является закономерной и неизбежной. Задача человечества состоит, во-первых, в осмыслении противоречий современности, а во-вторых, – в начертании путей их преодоления.

Прочные основы для осознания общественной ориентации и смыслов существования следует искать в рациональном и иррациональном погружении в национальное измерение человеческой экзистенции. Обезопасить планетарное общество от эволюционных кризисов, по убеждению выдающихся мыслителей XIX–XX века А. Мицкевича, И. Франко, М. де Унамуну, Т. Масарика и многих других, может только такая концептуальная программа, в основу которой положен национальный критерий организации человечества. Именно национальная идея представляет собой здоровое и жизнеспособное основание для развития общества во время исторических коренных переворотов. Самобытные традиции, язык, культура, коллективный опыт, одна на всех этническая историческая память позволяют осмыслить гносеологию поколений прошлого, настоящего и будущего как путь познания и преобразования мира целостным духовным организмом, определиться в мировых пространственных координатах, осознать свою историческую судьбу и миссию, мотивировать существование собственной национальной социально-культурной формации.

Важным структурирующим и организующим компонентом национальных обществ является язык, именно он составляет духовную субстанцию национальных организмов. Поэтому языковое образование как основа формирования научных знаний, мировоззренческих систем и духовности должно идти в авангарде развития информационного общества. Языковые единицы являются составными элементами сознания, средствами познания, носителями ментальной информации. Тесная взаимосвязь когнитивно-ментальной и языковой структур определяет характер формирования концептуальной картины мира человека, а также профессиональной концептосферы. Усиленное внимание к системе обучения родному языку в контексте профессиональной подготовки гарантирует обеспечение стабильности, преемственности ключевых компонентов духовного мира человека, которые предстают в целостности мыслей, идей, верований, традиций, правил поведения, законов коммуникации, культурных моделей, типов мировоззрения и мировосприятия, присущих определенным национальным сообществам людей. Родной язык является воплощением и проводником сакральных жизненных этнокультурных смыслов, а значит, призван обезопасить человека от разрушительных водоворотов исторических пертурбаций, служит надежным оберегом его благополучия, веры, душевного равновесия и покоя.

Таким образом, в современном информационном обществе национальный язык является той системой координат, где человек сможет гармонизировать мировые глобальные и национальные тенденции развития, а также согласовать с ними свой личный жизненный план. Именно это положение должно стать одним из ориентиров лингводидактики XXI века.

References:

1. Революционное богатство: Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь: пер. с англ. / Элвин Тоффлер, Хейди Тоффлер; пер. М. Султанова, Н. Цыркун; под общ. ред. А. Александрова. М.: АСТ, 2008. 569 с.
2. Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии: пер. с фр. / под общ. рук. Е.А. Самарская. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

FOLK TALES AS A GENRE IN GEORGIAN AND ENGLISH FOLKLORE

T. Shiukashvili¹, N. Geldiashvili²

Abstract

The article deals with the most popular and significant genre of Georgian and English folklore – a folk tale. It reviews first of all the definition of folk tales, structure of Georgian and English folk tales as a genre of folklore. It discusses the anthropomorphic figures as a symbol of evil and kindness. The aim of our research is to consider the peculiarities of the Georgian and English folk tales, show differences of these folk tales through comparison.

Keywords: Georgian and English folklore, genre, anthropomorphic figures, structure, folk tales.

Folk tale are the tales of the folk, i.e. me, you, we and they. They are tales about the wise and the foolish, the rich and the poor, men and women, the old and the young, the brave and the cowardly. They are often humorous involving trickery or foolishness. They can also be serious tales of heartbreak and romance. They include Urban Legends – the most popular living oral tradition – humorous or grim tales that play upon the neuroses of life in the developed world [10].

Folk tales are the most ancient creations of humanity. A folk tale is one of the popular and favorite genres in folklore and in literature.

It is well known that wisdom and spirit of the people, of the nation are shown in the traditions, especially in folklore, and the knowledge of folk tales promotes not only to know a language at best, but also facilitates best understanding of views and characters of the people [7, p. 18-21].

Folk art is various and interesting phenomenon. He still records positive contribution to the development of humanity. The main formation of the genius of the people is a fairy tale, which has the largest part in formation of people's outlook, despite the seeming simplicity and linearity [6, p.107].

Fairy folk wisdom is one of the oldest and popular genre. It was created orally by our ancestors a long time ago. Orally because, that at this time when these tales were created, they did not know writing of the letters. By then people memorized these orally stories by listening and conveyed to posterity by heart again. During the many hundreds of years, these verbal fantastic stories have moved around the corners and from generation to generation. The destination of the tale was especially great as long as the script developed by the people. But neither writing nor the book did not destroy tale. It was developing and spreading alongside the writers, because it had its own function and tradition [http://elasevenia.blogspot.com/2012/12/blog-post_6874.html].

As it's known, the folklore tale is seen as related to the elements of the internal unity of the system caused by the formation of ideological and psychological content, motives, stories, genre composition and artistic styles of the signs [3, p.4].

World fairy tales have lots of things in common according to the ideological and thematic substance, the hero's character, the story, composition, and with origin and ending. Andersen told the story like everywhere confined within certain limits – it is

¹Tamar Shiukashvili, Assistant of Department Foreign Language and Literature, Telavi State University, Georgia.

²Nunu Geldiashvili, Professor, Vice Rector, Telavi State University, Georgia.

specifically thought out and provided that the main focus is transferred on right and wrong, good and evil, however, national color, its originality in all the people's tale is clearly separated [6, p.331].

A fairy-tale is the most diverse among the genres of oral literature, so it became necessary to demarcate the compositions of this kind and distinguish its sub-genres. These are: magic fairy-tale, animal fairy-tales and everyday-realistic fairy-tales. Scientific research has revealed that fairy-tale eposes of the world people are based on homogenous units – motives and despite the external diversity of these stories, their basic material is homogenous. This led to formation of catalogues of fairy-tale motives, which are successfully used by folklorists [1].

There are many different definitions of folk tales. As Chikovani mentioned it is Oral fantastic story tale. Its plot is typical for fantastic items that are included in this genre [2, p.283].

Origin of the fairy-tale, its history is lost in the depth of the past like the history of other genres of oral literature. Folklore (meaning "people's wisdom") had been orally created during centuries and orally transferred from generation to generation. Therefore, we do not have a trustworthy document of when, how, and under what conditions this or that genre originated, what way of formation it went through until it reached us in the given form [5, p.91].

Folk tale has a long history as in oral as in writing. Orally as a genre it is being society of classless. Also the history of written tale isn't long. One of the ancient fantastic fiction was written an old Egyptian language. The most famous ancient fairy-tale about two brothers was fixed in papyrus in three thousand years ago. Similar motives and plot can still be found in folklore [2, p. 284].

The Georgian writer and lexicographer Sul Khan-Saba Orbeliani (1658-1725) defines the term *zghapari* as a fictitious lie, handed down in the form of a story. The other Georgian terms for the oral prose genres are *ambavi* and *araki*, meaning "a story". The negative connotations of *zghapari* through the Middle Ages stems from theological differences between Christianity and paganism [3, p.160].

What is folk tale? Folk tales are the most ancient creations of humanity. A folk tale is one of the popular and favorite genres in folklore and in literature. A fairy tale is a wonder tale involving marvelous elements and occurrences, though not necessarily about fairies. Folktales have received literary treatment from early times <http://yun.moluch.ru/archive/6/360>

Folktales are those orally transmitted stories that are understood as fictitious; they function mainly as entertainment but also convey values. Myths and legends, on the other hand, are belief tales, regarded as true accounts of past events; they can be entertaining but principally serve to support the belief system and as folk history <http://www.georgiaencyclopedia.org/articles/arts-culture/storytelling-traditions>

Some old written sources mention Georgian folk tales, including translations of the Bible from 5th – 7th centuries and the original Georgian hagiographic and secular literature of the Middle Ages. The term "Zghapari" the Georgian word for fairytale, translates "lie" and "fictitious story". "It was but it was nothing" – so reads the traditional beginning of Georgian fairytales. *Zghapari* connoting a "fictitious story" is used in Georgian hagiographic literature with the negative meaning in contrast to the factual report [3, p. 160].

According to the classification of modern Georgian oral folklore by professor Chikovani contain various genres covering 1. Animal tales, 2. Magic tales, 3. Novelistic – realistic tales, 4. Legends, 5. Anecdotes, 6. Herotic epos http://elasevenia.blogspot.com/2012/12/blog-post_6874.html

The Georgian folktales feature numerous cases where the plot of the fairytale is based upon myth but the myth has not been transformed into a fairytale. The majority of these examples comes from the mountain regions of Georgia, suggesting that mythical

thought was more prevalent in these regions than in the plains [3, p.162].

One of the peculiarities of the English and Georgian folk tale as a genre is that it is intended not only for children but for adults. Such kind of Georgian folk tales are: Natsarqeqia, Aspurtsela, Conkiajgharuna, Gulambara and Sulambara, Ghvthisavari (I am of God) and etc. in English they are: tom tit tot, The Three Sillies, Jack and the Beanstalk, Nix Nought Nothing, Cinderella, snow white, Little Red Riding Hood; Princess Furball; Why Mosquitos Buzz in People's Ear; How Many Spots Does a Leopard Have? And so on. The world of a magic folk tales of Georgian and English folklore is an unreal world.

Comparing English and Georgian folk tales can make it clear that they contain much in common. All English and Georgian folk tales begin this way. For example:

Traditional formula at the beginning of narration in English folktales is „**Once upon a time there was...** And in Georgian it is „**There was and there wasn't**“ – {**ყოფიდა არა იყო რა..... iyo da ara iyo ra**}. These beginning phrases clearly points to the fact that the narrated story is taken beyond the time and space in both folk tales of Georgian and English languages. It should be noted that the Georgian and English folk tales show the national originality of folklore. Besides that they are the first publisher of peculiar rhythm and tone, they create the mood for English and Georgian readers.

About an opening phrase like “Once upon the time and place” of folktales Aarne A, Thompson mentioned in his book which is about “The types of the folktales” that it may be considered cumbersome and even perhaps regarded as unnecessary (“Long, long ago and beyond the beyond” may be an acceptable alternative) [1, p. 976].

As for the end of the phrase, it differs the Georgian and English languages. Georgian folk tale ending can be found diverse and more traditional forms. Several types of endings are represented. However, it is known that the Georgian folk tale has fantastic, abstract, and other typical blessed endings. The most popular form of Georgian folk tale ending is „**ჭირი იქა, ლხინი აქა, ქატო იქა, ფქვილი აქა**“ {**chiri iqa, lxini aqa, qato iqa, pqvili aqa**}. Georgian folk tales characterized to start and finish text – according to the stereotype blick. „**Plague there, fest here**“, („ჭირი იქა, ლხინი აქა,“) („**tchiri iqa, lkhini aqa**“); „**Carried the cart on the mountain**“ („მთას ურემი ავიტანე“) („**mtas uremi avitane**“) „**Elasa-melasa**“ („ელასა მელასა“) are the common endings of Georgian folk takes.

Different from the Georgian language the ending of English folk tales carries a non-figurative character. For example: „**And the king married his daughter to the young man that had delivered her, and gave a noble's daughter to his brother; and so they all lived happily all the rest of their days**“ The Red Ettin <http://www.surlalunefairytales.com>

As for the plot of Georgian and English folklore there are many names between two different languages of folk tales that serving as a symbol of evil. In Georgian: **დევი** – {**devi**}, **კუდიანი დედაბერი** – {**kudiani dedaberi**}, **წყეული** – {**tsyeuli**}, **ეშმაკი** – {**eshmaki**}, **ავსული** – {**avsuli**}, **ქაჯი** – {**qaji**}, **გველეშაპი** – {**gveleshaphi**}. In English: The difference is minor between the languages. In English folk tales Giant and Dragon have corresponding meaning as symbols of evil. It has been revealed that all magical folk tales reflect in the relation of contradiction where kindness always wins. Symbols of kindness in the Georgian folk tales are: **წიქარა** – {**tsiqara**}, **ფასკუნჯი** – {**paskunji**}, **რაში** – {**rashi**}. **In english are: Fairy, Steed, Swans, Griffin of the Greenwood.**

Many Georgian fairytales feature a supernatural being with an ambivalent character: the **gveleshapi** (“snake-whale”) which represented dragon. In general, the word dragon in the folklore of the peoples of Europe (as well as its variants such as German Drache, English dragon) are derived from the Latin word draco, which means ‘snake [3, p.162].

One of the important supernatural beings in Georgian folk tales is the giant called

devi, a representative of the principle of evil, but with certain limitations, neither incorporeal nor immortal, but half demon half man, i.e. an unclean spirit in the form of a giant. He is subject to death even a man can kill, cheat and terrify him; he can marry a woman. His nature is also ambivalent like the snake: sometimes he is an enemy but sometimes a friend of the hero [3, p.165].

Like **Devi** in Georgian Folks the personages who are წყეულო – {**tsyeuli**}, ეშმაკი – {**eshmaki**}, ავსულო – {**avsuli**}, ქაჯი – {**qaji**} they all serve the evil in folk tales.

According to the dictionary of etymology there is such definitions of Giant: “fabulous man-like creature of enormous size”, from old French *geant*, earlier *jaiant* “giant, ogre” <http://www.etymonline.com/index.php?term=giant>. In English folk tales the Giant is a symbol of evil and also he is a man who can kill enormous people in folks. In Georgian folk tales we meet “**The Gveleshapi**” – {გველეშაპი}, but in English folk tales like Georgian it is “**Dragon**”. They both can either be an enemy of the hero or a friend.

There are various kinds of witches in Georgian folk tales. One of them is *devis deda* “the mother of the devi”. She is dangerous but if the hero speaks politely and respectfully to her, she will help him. Further witches are *ali* – the beautiful women with golden hairs living in water, in forest or in huge rock caves, *rokapi* – the ugly woman with demonical character, and *dedaberi* – the old wise woman. All of them have an ambivalent nature. Whether they show their positive or negative power depends on the hero’s behavior [3, p.166].

In English folk tales we also meet the face of withches. Like Georgian folk tales she is an independent personages of English folk tales who is dangerous, magician and sorceress. She is a woman supposed to have dealings with the devil or evil spirits and to be able by their cooperation to perform supernatural acts.

The most common helpful animals and birds in Georgian and English folk tales are **the horse, the bullock, the ram (sheep), Steed, Swans, Griffin of the Greenwood**. Many Georgian and English folktales feature a supernatural being with an ambivalent character.

The motif of the grateful animals is one of the most popular motifs in the magic tales: A hero earns the thanks of several animals (deer, fish, bird, snake etc.) and with their help solves all difficulties in his life. There are some fairy tales in the Georgian folklore which present the animals not just as grateful minor characters of the plot but as trustworthy friends of the hero. In the genres of the Georgian folklore, different relationships between a human being and the environment are presented. The mythic hero respects the natural world because he is afraid of it. Conversely the fairy tale hero feels responsible for the natural world and loves it because he regards it as similar and equal friend [4, p. 256].

In many Georgian and English folk tales the hero usually goes down into the underworld, rescues the king’s daughter from the captivity of the **Snake, Gveleshapi or Dragon** and returns to earth. In English folk tales there has always known the name of hero and he is Jack. As for Georgian hero hasn’t known as a name. In Georgian folk tales it is the bird “**Paskunji**” – {ფასკუნჯი} and the animal bull named “**Tsiqara**” – {წიქარა} as his helper, but in English folk tales they are the **Griffin of the Greenwood and Swans**. They are always the symbol of kindness.

A *paskunji* (Lat. *Neophron percnopterus*, Eng. Egyptian vulture, common also in Georgia) is a very important character in Georgian folk tales. In Georgian fairytales *Paskunji* belongs to the range of fantastic creatures [3, p. 164].

The **Paskunji** and the **Gveleshapi** represent the couple that will necessarily be present in tales of the hero’s adventures in the underworld. In Georgian folk tales the meeting point of the opposing *gveleshapi* and *paskunji* is the tree where the *paskunji* has a nest. This motif preserves the oldest myths of the cosmic tree (the World Tree, *Iggdrass*-

il). According to the Georgian mythological tradition, the centre of the Universe is occupied by a poplar tree emitting myrrh, and in ancient Georgian ornaments the motif of the World Tree is abundant [3, p.164].

In Georgian and English folk tales the animals and birds possessed ambivalent qualities in folklore, where the bird dwells in the lower world, and the animals can move on the ground, they can also fly. In Georgian folk tales the gveleshapi, defeated by the hero, has no wings, but in English folk tales the dragon can fly and has always wings. As for animals especially “horse” which is known as “rashi” in Georgian folk tales and “steed” in English, both of them have miraculous qualities they can fly from one place to another.

Conclusion: Anthropomorphic figures are very interesting both of two different kinds of folklore. The universe of the Georgian and English folk tales are the time. Everybody is equal here. It is the universe which cannot exist on the earth. Time does not move and the characters’ age does not change. In Georgian and English folklore have many characteristics common to the beginning structure of the folk tales.

From the perspective of artistic chronotope and its linguistic units’ expression, the initial and final formulae of Georgian and English folk tales are close to both folk tales and the inner opposition of its real world.

Despite the system of the different languages the initial formulae of folk tales are related to the name of one specific essential formula (animate and inanimate). The rhythm and figurative ending is characterized for Georgian folk tales. The ending of English folk tales is non-figurative.

Georgian and English Folk tales are the artistic chronicle of fight against the evil. It has been proved that all magical Georgian and English folk tales reflect to the relation of contradiction where kindness always wins.

We came to a conclusion that Georgian and English folk tales have similarities and differences

Folk tales elements	English folk tales	Georgian folk tales
Special beginning and/or ending words	<i>Once upon a time...and they lived happily ever after.</i>	<i>There was and there wasn't იყო და არა იყო რა.....{iyo da ara iyo ra} Plague there, fest here", „ჭირი იქა, ლხინი აქა“ - {chiri iqa, lxini aqa}.</i>
Good characters	<i>Steed, Swans, Griffin of the Greenwood.</i>	<i>წიქარა - {tsiqara}, ფასკუნჯი - {paskunji}, რაში - {rashi}.</i>
Evil characters	<i>Dragon, witches</i>	<i>დევი - {devi}, კუდიანი დედაბერი - {kudiani dedaberi}, წყეული - {tsyauli}, ეშმაკი - {eshmaki}, ავსული - {avsuli}, ქაჯი - {qaji}, გველეშაპი - {gveleshaphi}.</i>
Time	<i>The tale doesn't indicate an exact timeline of occurrences</i>	<i>Doesn't indicate an exact timeline of occurrences</i>
Place	<i>The tale doesn't indicate any specific location of occurrences. If it does the location is fictional</i>	<i>The tale doesn't indicate any specific location of occurrences. If it does the location is fictional</i>
Plot structure of folk tales	<i>Realistic plot. Everything was taken from real everyday life</i>	<i>Realistic plot. Everything is described rather realistically</i>

References:

1. Aarne A., Thompson S. (1961). The types of the folktales. A classification and Bibliography. Second Revision, Helsinki: Academia ScientiarumFennica.
2. Chikovani, M. (1946). Georgian folklore, publisher the newspaper „Ленинское знамя“.
3. Gogiashvili, E (2013). About Georgian Fairytales, BABELAO 2 (2013), p. 159-171, ABELAO (Belgium).
4. Gogiashvili, E (2011). The Dynamics of Mythical and Religious Symbolism in the Structure of the Magic Tale. Tbilisi: Universal, 2011. 256 p
5. Kurdovanidze, T (2002). Kurdovanidze, T. Georgian Folk tales, Tbilisi.
6. Nateladze, N (2012). About the Translation of the Opening and the End of the Georgian Folk Tale, In Modern And Contemporary History 1 (11) Studies, Tbilisi.
7. Sikharulidze, K (2012). Fairy – Tale as a genre, Journal of Education, 1(2):91-94, 2012 ISSN:2298-0245, At International Black Sea University, Tbilisi, Georgia.
8. Tchilaia, A. Tchilaia, R (1984). Main Concepts of Literary Criticism, Tbilisi.
9. Гайнелъянова Д. Д., Хабибуллина А.И., Гайнелъянова Л. А., Минахметов А. А. English and Bashkir folk tales // Юный ученый. 2016. №3. С. 18-21.
10. <http://www.crickcrackclub.com/MAIN/TYPES.PDF>
11. <http://yun.moluch.ru/archive/6/360>
12. <http://www.georgiaencyclopedia.org/articles/arts-culture/storytelling-traditions>
13. <http://www.surlalunefairytales.com>
14. <http://www.etymonline.com/index.php?term=giant>

SOME ISSUES OF SEMANTIC ASPECTS OF PROVERBS (BASED ON THE GEORGIAN AND RUSSIAN MATERIALS)

M. Gambashidze¹, N. Geldiashvili², S. Asaturova³

Abstract

Analysis of proverbs gave the opportunity to answer the following questions: a) By which lexical means is achieved connotative-denotative paradigm; b) Which lexical means contribute to the expressive connotation and logical completion in proverbs; It is found that synonymy and homonymy is identical in both languages; absolutely equal synonyms in the Georgian and Russian proverbs constitute 4-5%.

Keywords: proverbs, homonyms, synonyms, referential, differential.

Анализируемые источники и методы исследования дали возможность определить структуру и семантику грузинских и русских пословиц. В работе использованы следующие материалы: сборник грузинских пословиц, составленный Н.Накашидзе, «Русско-грузинские пословицы и поговорки» Дж. Сонгулашвили, Т. Сахокия «Грузинские пословицы и загадки», А. Канделаки «Грузинские пословицы». В качестве главного источника для исследования русских пословиц был использован двухтомник В.Даля «Пословицы русского народа» [1984], так как в данном сборнике представлен обширный материал.

Лексика, как известно, самая гибкая и изменчивая часть языка. Каждый язык, в том числе и грузинский, имеет свои средства обогащения лексики.

Использование стилистического своеобразия пословиц связано с парадигматическими условиями. Звучанием и изобразительными средствами, паремии, передают важнейшую дидактическую мысль.

Предмет наших изысканий представляет собой ответ на вопрос: какими лексическими средствами достигается коннотативно – денотативная парадигматика пословиц в грузинском и русском языках. Мы задались целью определить в обоих сопоставляемых языках влияние на паремии таких лексических средств, как синонимия и антонимия.

В лексической парадигме сосредоточены такие лексемы, у которых имеется идентичная семантическая основа и в разговорной речи занимают одинаковое место. Таковыми являются семантически эквивалентные лексемы – синонимы, оппозиционно – полярные – антонимы. Вслед за Г. Небиеридзе [7, 22] мы считаем, что говоря о синонимии, следует уточнить значение данного понятия, т. е. надо определить **референциальность** и **дифференциальность** синонимии. На уровне **референциального** значения две лексемы на разных языках имеют один и тот же **референт**.

Д.Бахтадзе [2,163] выделяет частичные (парциальный – *parcielle*) синонимов, которые отличаются неидентичностью значения лексем, они одинаковы какой-то семей, но разные по контексту (ситуативному контексту), стилистическими признаками, региональными отличительными чертами, эмоциональными

¹Manana Gambashidze, Doctor of Philology, Assistant, State University of Telavi, Georgia.

²Nunu Geldiashvili, Doctor of Philological Sciens, Professor, Telavi State University, Georgia.

³Seda Asaturova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associated Professor, Telavi State University, Georgia.

коннотациями. Автор отмечает также, что в этих отличительных чертах надо искать типологические оценки языковой лексики.

Б. Почхуа утверждает, что парадигматические («ассоциативные») взаимоотношения ярче всего проявляются в синонимических и антонимических отношениях. Мы постараемся определить роль данных лексических средств в передаче экспрессивности паремий. Синонимия и антонимия считаются языковыми универсалиями, но они проявляют некоторое своеобразие в отношении паремий.

Вслед за Б.Почхуа [9,266] мы считаем, что абсолютно идентичных семантических синонимов в языке обнаружить не удаётся. Наши изыскания показали, что количественный показатель синонимов идентичен в обоих языках. Мы обратили внимание на так называемый синонимический параллелизм, или синонимические пары. Например: **ტირილითა და გლოვითა** მტერნი არ შეგვიბრალევენ [11,64]; (**тирилита** да **гловита** მტერნი არ შეგვიბრალევენ) досл. **тирилита** – воплем, стенаниями, рыданиями, причитаниями и **гловита**–плачем, трауром враг нас не пожалеет); **საოხრეში** აღებული **სატიალოში** მოხმარდებაო [10,170]; (**саохреш**ი აგებულებული **სათიალოში** მოხმარდებაო) досл. **саохреш**и-в брани приобретённое, **сатиалоши**-, в проклинании используется, т. е. нечестным путём добытое никому впрок не пойдёт); **ქრისტე-ღმერთი** თუ გუთნისდედად მეყოლება, გუთანი არ მომეშლებაო [11,200];(**кресте-гмерти** თუ გუთნისდედად მეყოლება, გუთანი არ მომეშლებაო) досл. **крестэ**-Христос-гмерти-Бог, Боженька, Господь если на моей стороне будет, дело пойдёт на лад); **უგზო-უკვლოდ** მთარული მკვდარზე უარესაო [4, 72]; (უგზო უკვლოდ მთარული მკვდარზე უარესაო) досл. (უგზო-бездорожный, (здесь-непутёвый), – **уკვლოд** – досл. бесследно, (здесь – безалаберный), бесшабашный, хуже мёртвого);

Русские примеры: Не хвали меня в **очи**, не брани за **глаза**. **Продал на деньгу, а проел на алтын** [4, II:33]; **Всё рассовано по сучкам, по веточкам** [4, II: 7]; **Лошади чужие, хомут не свой – погоняй не стой** [4, II:99]; **Ты с бородой, да я сам с усами** [4, II:43]; Позавидовал **плешивый лысому** [4, II: 148]; Бояться себя **заставишь**, а любить не **принудишь** [4, II:203]; Где моя **суженая**, там моя **ряженая** [4, II:203]; Что **плохо**, что **худо**, что куда не годится [4, II:289]; **Конь горбат, не мерину** брат [4, II:291]; Не **били** только **колотили** [4, II:291]; **Кручина** с ног собьёт, **нужда** и вовсе заклует [4, I 105]; Видна **печаль** по ясным очам, **кручина** по белу лицу [4, I:105]; **Печаль** не красит, **горе** не цветит [4, I:105]; **Ненароком** в лес пошёл, **невзначай** топориче вырубил [4, I:141].

Отметим, что пословицы в обоих языках активно используют синонимический параллелизм с максимальной идентичностью: ნაცად-ნახული; (нацад-нахули) ტირილითა – გლოვითა; (тирили-глова) საოხრეში – სატიალოში; (саохრე – сатиало) უგზო-უკვლოდ; (უგზო-უკვლოდ) ქრისტე-ღმერთი; (кресте-гмерти); ჯიშსა – ჯილაგს; (джиши – джилаги); печаль-горе; ненароком–невзначай; били-колотили; плохо-худо; заставишь-принудишь; плешивый-лысый; сучки-веточки; чужой-не свой.

Наши разыскания подтверждают, что абсолютно идентичных синонимов очень мало. Частично идентичные синонимы различаются смысловым разнообразием: деньга – алтын; борода-усы; конь-мерин; кручина-нужда.

Стилистические синонимы: очи-глаза; печаль-кручина отличаются речевым стилем и имеют разные эмоциативно-оценочные оттенки очи – (высокий стиль), глаза (нейтральный стиль), печаль (нейтральный стиль), кручина (высокий стиль). Также и в грузинском языке: тирили=плач (нейтральный стиль); глова=плач (высокий стиль) и т.д.

близко, да скользко [4, II:53]; **Переднее** колесо подмажешь, а **заднее** само пойдёт [4, II:165]; **Вместе** – тесно, **розно-тошно** [4, II:53]; Антонимы – дополнены: **ბავშვს** ის არგებს, რაც **დოღებს** არ აწყენსო [11, 11] (**бавшвс** ис аргебс, рас **дидебс** ацкенсо; перевод: что **ребёнку** хорошо, **взрослому** – во вред); **Недоля** пудами, **доля** золотниками [4, I:43]; С прямым дополнением: Не бойся **начала**, а жди **конца** [4, II:7]; Дай сердцу **волю**, заведёт тебя в **неволю** [4, II: 279]; С обстоятельством места: **ხვალინდელ** კათამს **დღევანდელი** კვერცხი მირჩევნიაო [11, 86]; (**хвалиндел** катамс **дгевандели** кверцхи мирчевниао; прервод: лучше **сегодняшнее** яйцо, чем **завтрашняя** курица); **Рано** оседлали, да **поздно** поскакали [4, I:352];

Таким образом, сопоставляя русские и грузинские пословицы, мы затронули лишь некоторые вопросы лексики в типологическом разрезе. Итоги исследования выявили типологическую релевантность синонимии и антонимии в паремиях с точки зрения лингвистики.

References:

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология. Учеб. пособие для бакалаврского уровня филол. образования. Москва. Изд-во "Флинта. Наука. 2009.
2. Бахтадзе, Д. Проблемы фразеологической предикации (на основе типологических изысканий немецкого и грузинского языков). Тбилиси. Изд-во «Саранги» (на грузинском языке). 1992.
3. Глonti, Ал. Основы грузинской лексикологии. Издание третье., Тбилиси: Изд-во «Ганатлеба» (на грузинском языке). 1988.
4. Даль, В.И «Пословицы русского народа»; т.1-2 Москва. Изд-во: Художественная литература, 1984.
5. Канделаки, А. «Грузинские пословицы» Тбилиси. Изд-во «Сабчота мцeralи» (на грузинском языке).1959.
6. Накашидзе, Н. Сборник грузинских пословиц. Тбилиси. Изд-во Грузинской ССР. 1953.
7. Небиеридзе, Г. Вступление в языкознание. Тбилиси: Изд-во «Ганатлеба» (на грузинском языке).1991.
8. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремологии. Москва. « Наука». 1988.
9. Почхуа, Б. Лексикология грузинского языка. Тбилиси. Изд-во Тбилисского государственного университета. (на грузинском языке). 1974.
10. Сахокия, Т. «Грузинские пословицы и загадки», Тбилиси. Изд-во «Ганатлеба» (на грузинском языке).1967.
11. Сонгулашвили, Дж. «Русско-грузинские пословицы и поговорки» Тбилиси.Изд-во «Мецниереба». (на грузинском языке) 1991.

**CHOOSING EFFECTIVE ACTIVITIES/EXERCISES IN THE PROCESS OF TEACHING
THE GRAMMATICAL CATEGORY OF VOICE
(ACCORDING TO THE ENGLISH LANGUAGE GRAMMATICAL MATERIAL)**

E. Nakhutsrishvili¹

Abstract

The paper deals with revealing effective activities/exercises in teaching the grammatical category of voice. In general, grammar teaching is based on three main sources of teaching/non-teaching materials, they are: 1. School Books; 2. Authentic Materials; 3. Additional Materials. Using only schoolbooks are not enough for introducing the peculiarities of the grammatical category of voice. The reason is that the books include only few exercises about voice. That is why we had to carry out an experiment during which we offered pupils different types of modified, adapted exercises and, consequently, the most effective ones in teaching the grammatical category of voice turned out to be newspaper articles, headlines, statements and brochures, which promote motivation increase towards study process.

Keywords: effective, educational, authentic, modified, adapted, motivation.

Teaching the English language grammar has the century-old tradition. Grammar, as the combination of rules, with the purpose of selecting and joining words, plays an important role in language teaching. Studying different aspects of grammar is impossible only by comprehending and making separate sentences. The best way for gaining knowledge in grammar is using complete (whole) texts with the form of contexts. The texts serve for the explanation of distinct grammatical aspects; they demonstrate lexical material and reveal the ability for putting texts in structural order as well. In case of the text authenticity, it is possible to understand how to use different grammatical aspects in real communication. Moreover, using texts in the classroom promotes preparation for independent learning. And, if the pupils compose texts themselves, they will reveal more interest towards them. Herewith, the negative sides, characteristic to the text specificity, in general, should be mentioned as well. They will not be equally interesting to all pupils. Additionally, neither very difficult, nor very easy texts could bring us desirable outcomes (Teaching Grammar through texts (n.d.)).

Teaching English language grammar, in our case the grammatical category of voice is based on three main sources of teaching/non-teaching materials, they are as follows:

- Schoolbooks;
- Authentic Materials;
- Additional Materials.

Successful teaching of any grammatical item, as well as the grammatical category of voice is possible only in case of co-existence of all three resources. Using only schoolbooks is not sufficient for introducing separate nuances of the voice category. It constantly needs adapting materials into a desirable context.

Furthermore, schoolbooks aim to combine all studying items in one book and they are structurally compiled in that way, that in case of need it is possible to be used as the only schoolbook during a whole year. In this book, teaching the voice category takes very little time and without giving additional material at the lesson, the pupils will not be able to understand the abovementioned item. The notion of additional material

¹Ekaterine Nakhutsrishvili, Doctor of Education in Teacher Education (English Language Teaching Methodology), Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia.

means the special material used in the combination of the teaching program and serves for developing and improving the reading, writing, listening and speaking skills (Tsitsishvili, Nijaradze, Darchia, Tevzaia, Tkavashvili, 2006, 288).

Making changes in the teaching material or the adaptation including reduction, addition, omission and modification turned out to be sufficiently effective in teaching the grammatical category of voice. Some teachers use adaptation of the material while using schoolbooks in order to increase their value before learners.

According to our experiment, it should be mentioned that modification of one of the exercises given in the English language textbook (Garton-Sprenger, Prowse with Gomm, 2012, 27) turned out to be very effective for understanding the formation of the passive voice in a better way. Namely, there was given a listening task in the schoolbook aimed at listening to the main informational part in order to choose the correct answer. According to the task, it was necessary to use the present indefinite passive form as well (though it was not indicated in the listening task), that is why we have modified it so that pupils should select correct answers and pay great attention to the correct arrangement of words, or form passive constructions in a right way before listening the task; then they could check the accuracy of building sentences after listening and finally circle the correct answer.

As for non-teaching texts, or the notion of authenticity, in accordance with the online encyclopedia (Encyclopedia, n./d.), the word “authentic” is derived from Greek **αὐθεντικός** having the meaning of “real thing” in Georgian language. Authenticity in language teaching means using all four skills (reading, writing, listening and speaking) taking place in teaching language through using or making those different texts which are not made definitely for the classroom, but are developed with the purpose of communication.

David Taylor (1994, 4) denotes that the word “authenticity” is tightly connected to the following words: “originality, reliability, sincerity, actuality, validity.”

Linder (1999, 34) considers that additional authentic materials should be chosen from the materials printed in English language speaking countries, at the same time they should not be mechanically conveyed from reality to the classroom environment. While choosing the additional materials language learners’ age and their abilities should be urgently taken into consideration. This is very important because some of the materials are quite difficult for the English language learners to be used.

Non-teaching (authentic) materials are:

Authentic audio materials including news, cartoons, publicities, advertisements;

Authentic visual materials – images searched in internet, pictures, post cards, festive decorations;

Authentic printed materials: internet materials, newspaper materials – articles, ads, astrological page, sport reports, restaurant menus, catalogues, congratulatory cards, applications (Katsiashvili, 2011, 106).

This list will not combine all those authentic materials, which is possible to be used in language teaching. There is great number of such materials, though the teacher has to make a correct choice in selecting such additional materials for the learners that correspond to their level and age, as well as to the concrete situation (Teaching style online 2005).

Tsitsishvili et al. (2006, 292) mention that nowadays there is a great deal of published material for English language learners to choose from. However, it often seems that none of the available material is exactly right for a particular group. This is clear as the authors of the textbooks cannot give authentic materials fit to all concrete situations. Therefore, the teachers need to look for ways of tuning materials appropriately for the students’ use. This means producing own materials. Authentic material searched/chosen and modified by the teacher offers real life situations, modern vocabulary, themes and

problems to the learners, which promote increasing their motivation towards the subject.

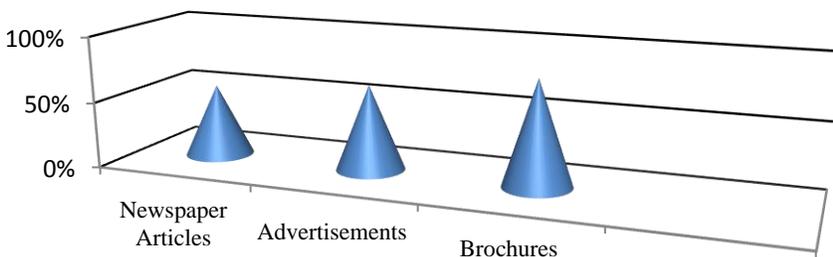
Authentic material is successfully used in teaching the grammatical category of voice as well, that is confirmed by our school experiment. Different modified texts, exercises and activities offered by us after explaining the voice category raised great interest among students, because in compare with the dull and oppressive tasks given in the textbook, our material made students more cheerful and even the weak students were actively involved in different exercises/activities.

Newspaper articles including mainly the passive voice constructions offered by us turned out to be exceptionally entertaining to them. The students were working in groups; they were choosing interesting articles about sport, culture, fiction, policy or business according to the headlines. Then they had enough time to read the article that was followed by short presentation of one of the group members around the given article. Sometimes, they were given different advertisements, publicities and they had to make articles. These activities enhanced group work, development of speaking and reading skills.

Additionally, using our brochures offering students to spend their Christmas/New Year holidays in different countries or hotels turned out to be very interesting for students. The mentioned brochures were full of passive voice constructions. Students were reading brochures and making decisions followed by discussion by using active/passive voice forms. Such kind of activities considerably increased learners' motivation.

Consequently, explanation of different grammatical aspects (in our case the voice category) needs original approach. Theoretical explanation only is not sufficient for understanding the material completely. Practice or different exercises offered by the teacher are also very important. In view of the fact, that the English language textbook comprised few exercises about the voice category we had to make various exercises served for developing all four-language skills. Only the present indefinite passive was taught in the first semester of IX grade, that is why we had to fit our tasks to that passive voice form. Mainly the exercises were as follows: changing active sentences into passive, writing the verb in brackets in a proper form (active/passive), putting words in order. Besides, the pupils had to describe pictures by using active/passive voice, reading texts and answering to the questions, matching situations with the appropriate pictures that turned out to be the most favorite exercise to everybody, doing listening tasks for filling gaps, etc.

Therefore, it should be denoted that according to the experiment we have revealed the exercises/activities that turned out to be very effective in the process of teaching the grammatical category of voice. The results are given in the form of a diagram:

In view of the fact, that non-teaching/authentic material plays an important role in teaching the grammatical category of voice the English language teacher, nowadays, has no right to be slackened. He/she should become more active and combine author's functions urgently in order to make additional materials and use them effectively along with the schoolbook.

References:

1. Encyclopedia online (n./d.). Authentication. Retrieved December 10, 2013 from <http://www.encyclopedia.com/topic/Authentication.aspx>.
2. Garton-Sprenger, J., Prowse, Ph. with Gomm, H. (2012): *New Inspiration*. Student's Book. Macmillan.
3. Katsiashvili, E. (2011): *Teaching Speaking based on Listening Material by using Authentic Ones (While Teaching English at the Faculty of Humanities and Social Sciences)*. Doctoral Dissertation. Iakob Gogebashvili Telavi State University. Telavi.
4. Linder, D. (1999): Authentic Foreign language materials in the EFL classroom. *TESL Reporter*. April, vol. 32, 1. 34-36.
5. Taylor, D. (1994): Inauthentic authenticity or authentic inauthenticity? *TESL – EJ*, 1(2) A-1. Retrieved October 22, 2014 from <http://writingBerkeley.edu/tesl-ej/ej02/a.1.html>.
6. Teaching Grammar through texts. (n./d.). Retrieved March 20, 2013 from <http://www2.vobs.at/ludescher/pdf%20files/grammar.pdf>.
7. Teaching Style Online. (2005): *Teaching functional English through authentic materials*. Retrieved August 7, 2014 from <http://jns-wwwblogger-jns.blogspot.com/2009/04/teaching-functional-english-through.html>.
8. Tsitsishvili, R., Nijaradze, N., Darchia, M., Tevzaia, M., Tkavashvili, E. (2006): *Theory and Practice of Teaching English in Georgia*. Tbilisi.

THE MAIN ROLE OF EXPERIMENTAL PHONETICS IN FORMATION OF ENGINEERING LANGUAGE

Ya.M. Hajyeva¹, M.E. Asgarova²

Abstract

The article talks about the main role of experimental phonetics in the creation and development of engineering linguistics and language engineering. That led to the emergence of engineering linguistics experimental phonetics.

Keywords: somatics, pneumatics, electro-acoustic, reproduction, articulation, accumulation.

Development of linguistic theory increases interest to structural and mathematic methods of studying languages.

On the other hand, the structural linguistic view points began to be criticized, on the other hand it is closely approached to logical-mathematic linguistics and semiotics. Semiotics, as you know, is the study of human communication especially the relationship between words and the objects or concepts they represent. In 1960 for the first time compiled articles were published in *News in Linguistics*. It was full of popular ideas and methods of structuralism. Structuralism is an approach to various areas of study, literary criticism and linguistics which seeks to identify underlying patterns or structures, especially as they might reflect patterns of behavior or thought in society as a whole.

It should be noted that since that time, the problems of semiotics language structure and its stratification began to be discussed in those articles. Stratification means the formation of layers of sedimentary matter on the Earth's crust, the way in which these layers are arranged and act of stratifying or stratified condition. But what is a sedimentary matter? It denotes any of a group of rocks, clay, limestone and compaction of layers of sediment.

MATHEMATICAL LINGUISTICS is the study of mathematical structures and methods that are of importance to linguistics. As in other branches of applied mathematics, the influence of the empirical subject matter is somewhat indirect: theorems are often proved more for their inherent mathematical value than for their applicability. Nevertheless, the internal organization of linguistics remains the best guide for understanding the internal subdivisions of mathematical linguistics, and we will survey the field following the traditional division of linguistics into → Phonetics, → Phonology, → Morphology, → Syntax, and → Semantics, looking at other branches of linguistics such as → Sociolinguistics or → Language Acquisition only to the extent that these have developed their own mathematical methods. Phonetics The key structures of both mathematical and phonetic interest are → Hidden Markov Models (HMMs). Their importance stems from the way their structure is set up: discrete, psychologically relevant underlying units as hidden states coupled with continuous, physically relevant output. Though phoneticians routinely use the mathematical apparatus of ACOUSTICS ever since the pioneering work of Helmholtz (1859), neither DIFFERENTIAL EQUATIONS nor HARMONIC ANALYSIS are considered part of mathematical linguistics, because they enter the picture only indirectly, as part of the physics of the medium carrying the linguistic signal.

¹Hajyeva Yaqut Mubariz, Ganca State University, Azerbaijan.

²Asgarova Munavvar Etibar, Azerbaijan State Agrar University, Azerbaijan.

The question status of mathematic linguistics is put forward as a science. Three main approaches might be noted here:

1) *Mathematic linguistics* is considered to be lingua-mathematic subject developing on the basis of interest to the problem of linguistics. It is also the science which deals with measurements, numbers, quantities and shapes usually expressed as symbols in linguistics. This is not a part of linguistics, because the latter deals with concrete languages but the former deals with abstract notions particularly used in linguistics as models of different aspects of the language:

Linguamathematics deals with metalanguage and metatheory. Metalanguage is a language or symbolic system. In other word it is a language described by means of another language. This language is also a language into which a program is translated by a compiler. Naturally, all those works take interest from the point of such mathematic discipline, as mathematic logics, the theory of algorithm, typology and the theory of graph. Graph is an instrument for writing or recording information. It should be noted that their linguistic meaning needs to be proved:

2) *Mathematic linguistics* is understood as connecting some mathematic ideas and methods with linguistic ideas and methods. On the other hand, this is the relation of mathematics, structural and semiotic ideas and applying of investigations, on the other hand it is information and objectives of machine translating and engineering linguistics [71,77-89;75,46].

In this sense mathematic linguistics can exactly be used here.

3) *Finally*, those research works belong to mathematic linguistics which are used symbols and mathematic logics, as well as statistic ideas and methods. First of all, it is traditional linguistics which are used model and statistics. In the middle of XX century engineering linguistics began to be developing rapidly. This is the application of scientific knowledge, especially that concerned with matter and energy, to the practical problems of design, construction, operation and maintenance of devices encountered in everyday life. Engineering linguistics began to be appeared as experimental phonetics. This part of linguistics tries out new styles and techniques or is used in experiments. It was founded by B.A.Bogoroditsky in Russia and P.Ruslo in France. B.A.Bogoroditsky laid the foundation of laboratory of experimental phonetics in Kazan University. In 1899 C.K.Bulich organized such kind of laboratory in Petersburg University and then L.B.Sherba headed it. In Azerbaijani, at the University of Foreign Languages such kind of laboratory was organized for the first time by professor Z.Kh.Tagizadeh in 1968. Then after his death, professor F.Y. Veysalov headed this laboratory and a lot of experimental research works have been made comparatively in this laboratory. We can note some scholars who are closely connected with this laboratory and have made a lot of useful experimental works. They are: F.Aslanov, F.Zeynalov, E.Mirzayev, M.Safarov, N.Mammadov, D.Yunusov, S.Najafova, J.Mammadgulyev and others.

Experimental phonetics is the branch of general phonetics that deals with the study of the sounds and other human speech units by applying the experimental method. This scientific field covers basic areas of phonetics-articulatorphonetics, acoustic phonetics and auditory phonetics. Moreover, experimental method used in study of the segmental phonetics and suprasegmental phonetics, in exploration of the typological phonetics. Experimental phonetics is used to test theories or hypotheses in order to support or disprove them.

Experimental phonetics embraces three main devices: 1) Somatics; 2) pneumatics; 3) electro-acoustic.

Somatic device refers or relates to the body, rather than the mind. It refers or relates to the body as opposed to reproduction. Main phonetic devices here are: Palatography, photography of organs of speech-articulation-ray of speech apparatus and so on, and so forth. In pneumatics device we understand that the curved lines which are registered the

pronunciation of the action of speech organs and their changes in main tone in the mouth and nasal cavities.

Electro-acoustic device is the technology of converting sound into the electrical energy and electrical energy sound. It is also used both acoustic and computer generated sound.

Experimental –phonetic devices give tight and exact articulatory and acoustic characteristic features of speech sounds, formant structure etc. Formant structure is the dominant component or components which determine the particular sound quality of all vowels and some consonants being peaks of acoustic energy which reflect the principal points of resonance in the vocal tract.

Linguistic translation plays a great role in solving modern and actual problems of machine translation. Without exaggerating we should mention that it should rich the linguistic theory with the achievements. The phonetic natural language translation system receives audio output from an electro acoustic device connected as a component in an audio system presented in a theater or auditorium, to identify any speech signal contained within the audio output. The speech signals are broken down into recognizable phonemes. The sequentially generated phonemes are then regrouped to form recognizable words in one of the 6,700 languages spoken around the world. Sentences are then formed using the grammatical rules of the recognized language so that each sentence translated into each of the audience's preferred language without any external translators. The preferred language of each audience is identified during ticket booking; an algorithm stores the audience seat number along with preferred language. The translated audio signals are distributed to each seat's armrest such that each viewer listens and understands the foreign language audible program or speech in their own preferred language.

References:

- 1.Dunyamin Yunusov, Leyla Khanbutayeva. Comparative Typology of the English and Azerbaijani Languages. Baku: Mutarjim, 2008, p. 205-20.
- 2.PotterS. Our language. London, 1990, p, 78.
- 3.Reformatsky A.A. Introduction to Linguistics. M.: 1967, p. 92-93.

**FEATURES OF TRANSLATING SIMILE
(ACCORDING TO THE NOVEL “THE MAN OF PROPERTY” BY JOHN GALSWORTHY)**

I. Rcheulishvili¹, N. Geldiashvili²

Abstract

The article deals with the translation of one of the main stylistic devices—simile, from English language into Georgian. The process itself is quite consuming, as the translator has to consider several nuances while translating. The content of the original should be maintained and at the same time similes should retain the same level of expression. Material for analyzing was sought in the original and translated texts of the novel “The Man of Property” by John Galsworthy. The research revealed that the translator was translating similes quite carefully and was trying not to lose or change them.

Keywords: Translation, Simile, Original, Expression, Comparison.

Introduction

During the last 30 years many scientific works have been dedicated to theoretical and practical issues of translation both in Georgia and abroad. It means that theory of translation is getting stronger and taking its place along with other philosophical disciplines. Theory of translation is usually guided by one common idea: literary translation is a creation, which is linked to the philological work [8]. Fiction always attracts the interest of translator, in order to give a new life to work and at the same time to convey the same feeling or content that is expressed in original version, which is mostly connected to certain difficulties.

Studying the literary translation usually happens from historic, literary, linguistic, stylistic, philosophical or psychological view point and each of them has its scientific value. But the researches show that translation is quite complex artistic phenomenon and it cannot fit in one of the above mentioned disciplines, thus makes a synthesis of all of them.

Literary translation should be understood as a dialogue of cultures, which implies not only relations and exchange between the cultures, but as Goethe said it implies: “creative confrontation between the languages” as well. While translating the translator is not only in service of his nation, but also in service of the nation he is translating from [4].

We consider the issue of translating stylistic devices quite interesting. More exactly, observing similes in translation. We think that the process itself is quite consuming, as far as the translator has to consider many nuances. He should maintain the content of the original, should select appropriate vocabulary and what is most important, he should not lose stylistic devices in order to make translation as expressive as the original is.

Basic Idea. The article highlights the contrasting relations of translating the simile. Material for analyzing was sought in original and translated texts of the novel “The Man of Property” by English novelist of XX century John Galsworthy. We separated the samples where simile is maintained by the translator and the samples where simile is changed or lost by the translator.

¹Nunu Geldiashvili, Full Professor, Deputy Rector for Scientific Field, Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia.

²Ia Rcheulishvili, PhD student, Faculty of Humanities, Field of Typological Linguistics, Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia.

The simile is a stylistic device in which objects or events are compared or opposed to each other. It's one of the oldest types of tropes.

While translating "The Man of Property" Georgian translators E. Maghradze and V. Chelidze had to consider "European specification" of the story described in the book and the taste of English reader, which in the end determined the style of the novel and the character of the translation methods and techniques. Comparing original and translation is a critic's job. The reader does not analyze stylistic compliance or non-compliance between the original and translated texts. The main thing for the reader is to find the same language and portraits of the characters in the translation and to remember specific faces created by the author in the original text. After reading the translation the reader should have a feeling that he read fiction in native language, which had a foreign fragrance as well [7].

The observation on the examples showed that mostly the simile in original is expressed by the linking word, „like”: and the noun, also we have cases when the simile was expressed by the linkers, „as...as” and, „so...as”. Similes expressed by the linking word, „like” are mostly translated in Georgian with the help of the word, „მსგავსად” („msgavsad”) and by adding the preposition, „ვით” („vit”) to the noun. And those expressed by, „so...as” and, „as...as” are translated with the help of the linking word, „ისევე როგორც” („iseve rogorc”).

1., „Like an artist for ever seeking to discover the significant trifle” {msgavsad mxatvrisa, romelic mudam imis dziebashia, rom damaxasiatibeli tsvrlmani gamomsaxvelobi tisashualebebi ipovos} („მსგავსად მხატვრისა, რომელიც მუდამ იმის ძიებაშია, რომ დამახასიათებელი წვრილმანი გამომსახველობითი საშუალებები იპოვოს”)[2, p.32] – In original text the simile is expressed by the linking word, „like” and in Georgian translation with the word, „მსგავსად” („msgavsad”). The translator could use the linking word, „როგორც” („rogorc”), instead of, „მსგავსად” („msgavsad”) („როგორც მხატვარი”, „rogorc mxatvari”), though it seems that with the word, „მსგავსად” („msgavsad”), the translator increased the quality of expression.

2., „The perfect luxury of his latter days had embedded him like a fly in sugar” {pupnebam is shakarnasusvni buzivit gaabrua} („ფუფუნებამ ის შაქარნასუსვნი ბუზით გააბრუა”) [2, p.42]. In original version the simile is expressed by the linking word, „like” and in Georgian by adding the preposition, „ვით” („vit”) to the noun („ბუზი-ვით”, „buzi-vit”). The translator could express simile with the help of the linking word, „როგორც” („rogorc”), but in this case the expression could be somehow lost.

3., „Looks to me for all the world like an alf-tame leopard” {gashmagebul avasavit iyureba} („გაშმაგებულ ავაზასავით იყურება”) [2, p.13]. In English text the simile is expressed by the linking word, „like” and in translation by adding the preposition, „ვით” („vit”) to the noun („ავაზასა-ვით”, „avazasa-vit”). The translator had a chance to express the simile by using the words, „მსგავსად” („msgavsad”) or, „როგორც” („rogorc”) („გაშმაგებული ავაზის მსგავსად”, „gashmagebuli avazis msgavsad”, „როგორც ავაზა”, „rogorc avaza”). Though, we think that he made a right decision, because the simile expressed by the preposition, „ვით” („vit”) is more expressive in the case given.

4., „He prized nothing so highly as a distinguished appearance” {igi arapers ar apasebda ise, rogorc gamorcheul garegnobas} („იგი არაფერს არ აფასებდა ისე, როგორც გამორჩეულ გარეგნობას”) [2, p.38]. The linker, „so...as” expresses the simile in the original text and in Georgian translation the simile is expressed by the word, „მსგავსად” („msgavsad”) which precedes the noun, „გარეგნობა” („garegnoba”). We

consider that in this case using the linking word, „როგორც“ „*rogorc*“ was the best way to express the simile instead of expressing it with the auxiliary word, „მსგავსად“ „*msgavsad*“.

5. „*In a house high up on Campden Hill, shaped like a giraffe*“ {*kempden hilis Tavze cxovrobdnen, jirapis msgavs saxlshi*} („კემპდენ ჰილის თავზე ცხოვრობდნენ, ჟირაფის მსგავს სახლში“) [2, p.43]. The linking word, „*like*“ and the noun, „*giraffe*“ express the simile in the original text. In Georgian translation the simile is expressed by the word, „მსგავსი“ „*msgavsi*“ and the noun, „*ჟირაფი*“ „*jirapi*“. It seems that the translator made the idea more expressive.

6. „*He was as upright – very nearly – as in those old times when he came every night*“ {*mas iseve stsorad echira sxeuli – titkmis iseve, rogorc dzvelad, roca kovelgam operashi dadioda*} („მას ისევე სწორად ეჭირა სხეული – თითქმის ისევე, როგორც ძველად, როცა ყოველლამ ოპერაში დადიოდა“) [2, p.54]. In the English text the simile is expressed by the linker, „*as...as*“ and in Georgian translation with the words, „*ისევე, როგორც*“ „*iseve, rogorc*“ and the noun, „*ძველად*“ „*dzvelad*“. In this case, we think that the translator did not have a chance to express the simile with another word. The linker, „*ისევე, როგორც*“ „*iseverogorc*“ was the only way of expressing the simile with the same quality of expression.

7. „*It has a past and a future, like a deposit paid into a bank*“ {*mas bankshi shenaxuli pulivit tavis tsarsuli da momavali gaachnia*} („მას ბანკში შენახული ფულივით თავისი წარსული და მომავალი გააჩნია“) [2, p.67]. The simile expressed by the linking word, „*like*“ and the noun, „*deposit*“, in Georgian translation is expressed by the preposition, „*ვით*“, „*vit*“ and the noun, „*ფული*“ („*ფული-ვით*“), „*puli*“ („*puli-vit*“). The translator could also use the auxiliary word, „*მსგავსად*“ „*msgavsad*“ in order to express the simile.

8. „*His sleek hair under the brim of the tall hat had a sheen, like the hat itself*“ {*kudidan gamochrili stsori tmebi sakutari tsilindrivit ubrkinavda*} („ქუდიდან გამოჩრილი სწორი თმები საკუთარი ცილინდრით უბრწყინავდა“) [2, p.76]. In English text the simile is expressed by the word, „*like*“ and in Georgian the preposition, „*ვით*“, „*vit*“ is added to the noun, „*ცილინდრი*“ „*tsilindri*“ („*ცილინდრი-ვით*“, „*tsilindri-vit*“). It seems that the translator decided to express the simile by adding the preposition, „*ვით*“, „*vit*“ to the noun, instead of using the auxiliary word, „*მსგავსად*“ „*msgavsad*“.

As the languages are not identical, determination of strict compliances between the languages is quite difficult. That's why it is impossible to have an accurate translation. „The one who translates, has a debt and in the end has to repay the same amount of money, but with a different currency“ [4].

The cases when the simile is changed or lost by the translator are also worth mentioning. But as our observation reveals the translator's position is justified, as he was doing his best to convey the emotion and mood of the original text. Such kind of differences are minor in the translation, that's why we don't consider it as a defect of translation.

1. „*Forsyte and Treffry, whose tea, like no other man's tea, had a romantic aroma*“ {*porsaiti da trepris chai romantikuli aromatit sruliad gansxvavdeboda sxva pirmis chaisagan*} („ფორსაიტი და ტრეფრის“ ჩაი რომანტიკული არომატით სრულიად განსხვავდებოდა სხვა ფირმის ჩაისგან“) [2, p.49]. In the original text the simile is expressed by the linking word, „*like*“ and in Georgian translation the simile cannot be found.

2., **„It was cold too, the wind, like some slow, disintegrating force”** {**tanac sitsive dzvalsa da rbilshi ujdebodat**} („თანაც სიცივე ძვალსა და რბილში უჯდებოდათ”) [2, p.122]. In the original text the simile is expressed by the linking word, **„like”** and in Georgian translation the simile cannot be found.

3., **„That promised to autumn lovers such cover as was never seen before”** {**tkeda buchknari ingvarad gapotliliko da iseti piri uchanda, rom shemodgomisatvis shekvarebulebs jer arnaxul tavshesafars hpirdeboda**} („ტყე და ბუჩქნარი იმგვარად გაფოთლილიყო და ისეთი პირი უჩანდა, რომ შემოდგომისათვის შეყვარებულებს ჯერ არნახულ თავშესაფარს ჰპირდებოდა”) [2, p. 198]. In English text the simile is expressed by the linker, **„such as”** and in Georgian translation the simile is lost.

Our observation showed that the majority of the examples we studied from the translation of the novel express the simile invariably.

In his article „Art of Translation” the famous translator Iujin Naida forms general characteristics of a good translation: 1., „the translator must understand the original both semantically and stylistically”. 2., „the translator must overcome the difference existing between two languages”. 3., „in the translation he must recreate a stylistic structure of the original” [4].

Conclusion.

The research revealed that in our case the translator satisfies all the criteria mentioned above. He understands the language of the original and deals with the similes distinctively carefully. He was trying not to lose them, in order to make his translation as expressive as the original is, but sometimes he had to make certain changes while translating them, which implies the use of such lexical units that would be legible and perceptible for Georgian reader.

References:

1. Galperin, 1997: Galperin, I.R. Stylistics, Higher School, Moscow, 1997.
2. Galsworthy, 1965: Galsworthy, J. Forsyte Saga, Publishing House, „Sabchota Sakartvelo”, Tbilisi, 1965.
3. Galsworthy, 1974: Galsworthy, J. The Forsyte Saga – The Man of Property. Progress Publishers, Moscow, 1974.
4. Iujin, 2013: Iujin, N. Art of Translation, from the book, „Tvalsatsieri” by Tamaz Chkhenkeli, Tbilisi, 2013.
5. Jashi, Jashi, 2003: Jashi, M. Jashi. K. Techniques of Translation, Publishing House “Lingvaplus”, Tbilisi, 2003.
6. Marghania, 2006: Marghania, M. Literary Translations and the ways of its development in Georgia, journal Intercultural Communications, Tbilisi, 2006.
7. Panjikidze, 1980: Panjikidze, D. Letters, publishing House “Merani”, Tbilisi, 1980.
8. Panjikidze, 1988: Panjikidze, D. Theory of Translation and Practice, Publishing House “Gantleba”, Tbilisi, 1988.

COMPARISON AS A STYLISTIC MEAN (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL E. FREUD "THE SEA HOUSE")

T. Chaplygina¹

Abstract

The article represents the functioning of the stylistic mean such as "comparison" in fiction, the basic methods of creating comparisons and compositional structure are described.

Keywords: stylistic mean, trope, figure of speech, comparison.

Сравнение является одним из видов стилистического приёма, представляющего собой обобщенное, типизированное воспроизведение нейтральных и выразительных фактов языка в различных литературных стилях речи [1]. Важно отметить, что общая классификация стилистических приёмов («фигур») и средств (в частности, тропов) отсутствует. Большинство исследователей склоняются к тому, что сравнение – это троп, который, по мнению, М.Н. Кожиной заключается в употреблении слова не в прямом, а в переносном значении [2]. Однако О.С. Ахманова рассматривает сравнение как фигуру речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому [3].

В стилистическом приёме сравнении можно увидеть контраст при сопоставлении двух предметов и явлений. Как выразительное средство, оно зачастую выполняет разъяснительную функцию при художественном описании объекта.

Классическая модель стилистического приема сравнения имеет четыре составляющие: А – С – f – В, где А – референт сравнения, В – агент сравнения, С – основание (признак), f – связка (like, as, as if, as though) [5].

Таким образом, в сравнении можно выделить следующие основные компоненты: 1) сравниваемый предмет или явление (subject); 2) объект, с чем сравнивается предмет или явление (object); 3) основа сравнения, тот признак или качество, который является общим для двух совершенно разных предметов или явлений (basis).

Наиболее распространённым способом образования сравнения является форма сравнительной степени прилагательного или наречия при помощи суффиксов: – er, – or. *"The storm had taken something with it, and just for a moment he felt **lighter, purer, more able to forget**".* [6, с. 45]

Сравнение может образоваться также с помощью союзов и союзных слов: like

*"Her face was **like a mirror**,..."*. [6, с.19]

*"But just **the sight of her, the light in her long eyes, the blue, like irises blooming, made him incapable of speech**".* [6, с.31]

as if

*"It was **so beautiful she felt a pull inside her, as if the tide were drawing out her heart**".* [6, с.112]

as

*"She laughed and her laugh came out **as a quiver**".* [6, с. 174]

В художественных текстах сравнение, как стилистический приём, выполняет несколько функций, главными из которых являются:

¹Tatyana Chaplygina, a student of the North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Функция создания образности. Является ведущей стилистической функцией всех типов сравнения. Образ основан на использовании сходства между двумя далёкими друг от друга предметами.

"Gertrude's neck seemed extravagantly long, her head as fierce as a bird's". [6, с. 162]

"Why didn't you find me?" he asked, but before she could answer his mouth was on hers, his breath as sweet as air, his stubble warm and rough, prickling her chin". [6, с.174]

Оценочная функция сравнения. Реализуется в функции эмоциональной и интеллектуальной оценки.

"Max felt his body grow rigid in the water, an energy pulsing through him as if he were being pumped full of iron ore". [6, с.93]

"She opened the dark door of Fern Cottage and flicked on her own light and as she pulled the curtains she imagined her window shining out like a beacon in the dark". [6, с.159]

Экспрессивная функция сравнения. Экспрессивная функция сравнения наиболее ярко проявляется в художественных текстах. В понимании В.П. Москвина, сравнение есть сопоставление, которое может быть использовано как приём экспрессивной деривации [4]. Экспрессивная функция способствует интенсификации, усилению и акцентированию признака или комплекса признаков объекта посредством сопоставления с другим объектом.

"It was lit up to glow like Egypt, the orange light trickling warm over its steps". "It was so beautiful she felt a pull inside her, as if the tide were drawing out her heart". [6, с. 82]

"He shook his head, but even as he said it, he looked round anxiously and placed a large cushion over the telephone as if the mouthpiece had ears".

Рассмотренные примеры сравнения представляют собой образные сравнения. Москвин также выделяет логические сравнения, выражающие качество, в одинаковой степени присущее и объекту сравнения.

"Her arm, narrow like her leg, hung so close that he felt his whole chest quake with the desire to touch her. It was like a sickness, like the ache,...". [6, с. 119]

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что сравнение играет важную роль в художественном произведении, выполняет функцию экспрессии, оценки, а также создания образности, что придаёт эмоциональность художественному тексту.

References:

1. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 462 с.
2. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1976.
4. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 102 с.
5. Уарова О.В. Функционирование стилистического приёма сравнения в романе Д. Лоджа "Nice work". Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49).
6. E. Freud «The Sea House». Penguin books. 2004. 288 p.

THE COMMONALITY CHAGATAI AND KYRGYZ ORIGINAL LANGUAGE NUMERALS AMONG IN THEIR DIALECTS

A. Akynbekova¹, K. Dusheeva²

Abstract

In this work, was used the commonality between the Kyrgyz and Chagatai literary language, among Turkic peoples and enumerate in their dialects. The combination of the specified question to this particular examples and were investigated the views of scientists against this direction.

Keywords: phonetics, part of speech, noun, numerals, ordinal numbers, collective numbers are approximate numbers, fractional numbers, multiple numbers.

Общность между чагатайским и кыргызским литературным языками и их говорами, как и другие части речи, прослеживается в имени числительном. Например, в кыргызском языке имя числительное по морфологическому разряду делится на количественные, порядковые, дробные, собирательные, приблизительные (чамалама), также сказание количественных числительных как *бир, үч, төрт, беш, алты, он, кырк, сексен* характерны и чагатайскому языку: *bir, üç, dört, beş, alti, on, úrk, sèkzen*. Разницы в них в применении имен числительных в разных фонетических вариантах: в чагатайском языке: чаг.яз. *iki, ikki //* в кырг. яз. *эки; чаг.яз. yèti, yètti //* в кырг. яз. *жетти; чаг.яз. sèkiz, sèkkiz //* кырг. яз. *сезиз; чаг.яз. toúuz, toúúuz //* кырг. яз. *тогуз; чаг.яз. yigirmi, yigirme //* кырг. яз. *жыйырма; чаг.яз. otuz, ottuz //* кырг. яз. *отуз; чаг.яз. ellik //* кырг. яз. *элүү; чаг.яз. altmış, altmış //* кырг. яз. *алтымыш; чаг.яз. yétmiş, yétmiş //* кырг. яз. *жетимиш; чаг.яз. toúsan //* кырг. яз. *токсон* и другие.

Хотя данные фонетические особенности в кыргызских литературных произведениях редкое явление, но встречаются в речи героев: *Кула эт тартса саккис жүз грамм сөөк чыгар эле* [3, с. 90]. Также во многих говорах южно-западных диалектов фонетические и грамматические формы встречаются часто: *эки, сèккиз // сèккиз, токкуз, эллик, жигирма, үз атымыш, йетти, йьгьрма* и.д. [2, с. 71]. Они прослеживаются и в числительных больше 100 и 1000: чаг.яз. *yüz, üz //* кырг. яз. *жүз; чаг. яз. üç yüz, üç üz //* кырг. яз. *үч жүз; чаг. яз. miÆ, ezâr //* кырг. яз. *миң* (слово «ezâr» на чагатайском языке особенно встречается в поэзии); чаг.яз. *on sèkiz miÆ //* кырг. яз. *он сегиз миң; чаг. яз. yüz miÆ //* кырг. яз. *жүз миң; чаг. яз. on tümen (100,000) //* кырг. яз. *он түмөн; чаг. яз. yüz tümen (1000.000) //* кырг. яз. *жүз түмөн; чаг. яз. yüz miÆ tümen (1000.000.000) //* кырг. яз. *жүз миң түмөн*.

Древнее слово *түмен (түмөн)* в приведенных примерах в кыргызском языке употребляется в значении как *десять тысяч*, очень много: *Түндүгүнөн ай чыккан, Түмөн журттан бай чыккан* (народные песни). Это слово (*түмөн*) в кыргызском и чагатайском языках впоследствии применялся параллельно с понятиями бесконечность *сансыз, чексиз* (чаг. яз. *sonsuz, sayısız*) [6, с. 156].

Подобные общие схожести можно заметить и в порядковых числительных. Например, порядковые числительные в исследуемых обоих объектах образуются при помощи морфемы – *нçı*, которая широко применима в тюркских языках. Эта морфема добавляется всем количественным числительным: чаг. яз. *birinci //*

¹Ayman Akynbekova, Talas State University, Kyrgyzstan.

²Kulbayra Dusheeva, Talas State University, Kyrgyzstan.

кырг. яз. *биринчи*; чаг. яз. *ikinci, ikinci* // кырг. яз. *экинчи*; чаг. яз. *üçüncü* // кырг. яз. *үчүнчү*; чаг. яз. *törtüncü* // кырг. яз. *төртүнчү*; чаг. яз. *bêşinci* // кырг. яз. *бешинчи*; чаг. яз. *altıncı* // кырг. яз. *алтынчы*; чаг. яз. *yétinci, yéttingi* // кырг. яз. *жетинчи* и другие.

Кроме того порядковому числительному, который указывает порядок предмета *первый* (*биринчи*) сравнительно первоначальный (*алгачкы*), *средний* (*ортончу*) и *давний* (*мурунку*) в кыргызском языке также встречаются в чагатайском языке в такой же форме: *evvelgi bâb* “биринчи бап” *evvelgi faâl* “алгачкы бөлүм”, *evvelgi úsm* “биринчи бөлүк”; *Erdeşir Bâbek samânilerniÆ evvelgi pâdsâhdur* “Эрдешир Бабек саманилердин алгачкы падышасы”. *AniÆ üç ođlı bar êrdi... ortançısı...Tûr* “анын үч уулу бар эле...ортончусу...Тур.

Собирательные (жамдама) числительные в кыргызском литературном языке образуются при помощи суффиксов – оо, – өө (*бирөө, экөө, үчөө, төртөө, бешөө, алтоо, жетоо*), в чагатайском языке при помощи суффиксов – av, – ev: *birev* “бирөө”; *ikev* “экөө тең”; *ikev úacıp Kazvînga keldiler* “экөө тең качып Касвинге келишти”; *siz ikev bir atanıÆ ođlı siz* “сиз экөөңүз тең бир атанын уулусуз”; *ücev* “үчөө”; *memâlikin ücevge úsmet úldı* “(ал) мамлекетти үчөөбүнө тең бөлүштүрдү”. Б.М.Юнусалиев отметил то, что губно-губные звуки чагатайского языка в кыргызском языке не похожи на нелабиализованные [v], а тождественны с [w] и дается в Таласском говоре северного диалекта, в северо-западном говоре южно-восточного диалекта и в южно-западном диалекте вышеуказанными губными дифтонгами (*бирəw, экəw, үчəw, төртəw, бешəw, алтəw, жетəw*) [8, с. 202]. Такие особенности часто можно встретить в художественных произведениях представителей северо-западных говоров южного диалекта Т. Касымбекова, С. Шатманова: *Экөбү биринбири тиктебей, ара тым-тырс болуп, олтуруп калышты* [5, с. 484]. *Төртөбү бата кылышты* [5, с. 302]. *Топурак, Күн – экөөбү эне-бала. Баласы Боору жумшак борпоң талаа* [7, с. 55].

Иногда прослеживаются общности в образовании собирательных (жамдама) числительных при помощи суффиксов –la(sı) / – (sı) или –ele(sı) от количественных числительных эки, торт во внутреннем говоре кыргызского и чагатайского языка. Например, у жергетальских кыргызов: Акшэйир менен Гүлшэйир, Экиләси тең шэйир [8, с. 205]. В чагатайском языке: *ikelesi* “экөөсү”; *uluú úardaş ve kiçik úardaşını ikelesin birâder dêrler* “улуу жана кичүү бир тууганынын экөөсүн бир тууганым дешет”; *tör-tele* “төртөө бирдикте, төртөө тең”, *her rubâêiniÆ törtele miârâ í* “ар бир рубаинин төрт сабы”.

Некоторые диалектологи считают характерным суффикса –la(sı) / – (sı) же –ele(sı) Ошскому говору кыргызского языка [2, с.69], южно-западным говорам [9, с. 190], языкам горных алтайцев, уйгурским и озбекским языкам [4, с. 195].

Таким образом, сохранение вышеуказанных форм собирательных (жамдама) числительных в некоторых говорах кыргызского языка можно считать остатками видов древнетюркских языков.

Общность приблизительных (чамалама) числительных отмечается в образовании морфологическим и синтаксическим путями в кыргызском и чагатайском языках. Например, в обоих изучаемых объектах при морфологическом образовании суффиксы – ça / – çe употребляются в равной степени. В чагатайском языке: *yüzce âbdân yügütler* “эки жүздөй жигиттер”; в кырг.яз.: *жыйырмача, жетимишче, отузча, кыркча, жүзчө*. А также приблизительные числительные (чамалама) в чагатайском языке оканчивающиеся суффиксами – ar / – er или гласными звуками образуются при помощи морфем – şar /-şer: *birer, ikirer* // *ikiler, üçer, beşer, altışar, yétişer, yigirmişer, altmışar, yüzer*; *ol furâatlarda birer ikirer beyt aytur êdim* “ал мүмкүнчүлүктөрдө бирээр-экээр бейит (эки сап) айтат элем”, *birer ikiler úaçtaúúa yüz úoydılar* “бирээр-экээр кача башташты”.

Однако употребление суффиксов – ar/ – er в кыргызском языке исследователями южного говора не отмечалось. Тем не менее Э.Абдылдаев [1, с. 85] и Б.М. Юнусалиев [8, с. 205], которые исследовали местные особенности кыргызского языка в Узбекистане, отметили то, что суффикс – эр образует имен числительных, которые приблизительно показывает количество предметов. Например: *Кыргыздар бирэр миң үйлүүчө бар дешет (Анд. обл). Бизге бирэр чек (жер) бере аласыңарбы деп сураптыр. Үргөнүп алат эдек комусту, бирэр ай жөнөтпөй койсок болот экен* (Ферг. обл.).

Общность образования приблизительных числительных синтаксическим путем следующая:

1. Отмечается совокупность в приблизительных (чамалама) числительных, образуя тип парных слов, употребляя количественные числительные по ряду. В таком случае их первый обозначает маленькое число, последующее – большое: *bir ikki күн* “бир-эки күн”; *үч төрт жыл мурунурак*; *үлү тадминен он төрт он беш үгари болгай* “узундугу он төрт-он беш аршын (узундук өлчөмү) болот”, *tört беш киши миЭле бирле Бауи келди* “Баки төрт-беш миң киши менен келди”.

2. Количественному числительному дательного падежа сочетается слово *yavuu*. Это в кыргызском языке дает значение «близко» (жакын): *үч үз миЭге yavuu* “үч жүз миңге жакын”; *ikki yulga yavuuca padshahlu uldi* “эки жылга жакын падышалык кылды”, *miЭге yavuuca kiши* “миңге жакын киши”.

3. В некоторых случаях в чагатайском языке дается через предлог *ya*. Этот предлог соотносится к предлогу или (же) в кыргызском языке: *tört ya беш yashlarinda* “төрт же беш жаштарда”.

В образовании дробных числительных в чагатайском и кыргызском языках особенных различий нет. Например, и в чагатайском языке знаменатель дробных чисел стоит в родительном, творительном падежах, числитель стоит в форме третьего лица: *nece ogsem, ayitman miEden birin* “канчалык мактасам да, миңден бирин сүйлөгөндөй болбойм”; *vaafnu miEdin biri aytilmagay* “(анын) мүнөзүнүн миңден бири айтылбайт.” Если в кыргызском литературном языке и в их говорах после дробных числительных употребляются слова бөлүгү, үлүшү (экиннин бир бөлүгү, ондун тогуз үлүшү), то и в чагатайском языке объясняется в форме число + үлүш (бөлүк): *bu ummetniE tort ulushidin bir ulushi* “бул үмөттүн төрт бөлүгүнүн бир үлүшү.”

В исследуемых объектах нет морфем, именно касающиеся множественным (топ) числительным. Множественные (топ) числительные в кыргызском языке образуются повторяющимся количественным числительным при помощи суффиксов – дан творительного падежа, в чагатайском языке – дважды повторением количественного числа: *bir bir varaу miuula'a uldi Gedâ barin: divan-ı körk içinde seni taptı intidâb*. “Геда жалбырактардын баарын бир-бирден изилдеди, сулуулук диван (ырлар жыйнагы) ичинен сени тандады.” В чагатайском языке множественные (топ) числительные образуются при помощи падежа курал: *MoğulnuE çarüncisi birin ikin çerignie keynidin kelip, ba'zilarını birin birin vilâyetüa perîşân uldi*. “Монгол чабуулчулары аскеринин артынан бирин-экин келишип, кээ бирлерин бирден-бирден дубанда айласын кетирди.” Это имя числительное, образующееся древним падежом курал, сохранен в той же форме в кыргызском языке и их говорах: *Шопоктун бирин-экин малын Дүйшөнкул багып, атасынын колун жумуштан бошотуп, оңдуруп салды* (Ж. Бөкөнбаев).

Кроме этого, такие числительные как *жолу, эсе, ирет, мертебе* употребляемые в кыргызском литературном языке и их говорах до какой степени больше один другого, объясняется в чагатайском языке, особенно нижеследующими словами, принятыми из арабско-фарсского языка: ар. *uatla* // *uat* (кырг.яз. *кат, катмар, кабат*); *үч uatla* “үч катмар”; ар. *adım* // *derece* (кырг.яз. *кадам, даража*); ар. *nevbet*

// *mertebe* (кырг.яз. *жолу, эсе, ирет, мертебе*) *běš mertebe* “беш жолу”; *tört nevbet* “төрт жолу”; *ikinci nevbet* “экинчи жолу”; *něce nevbet* “канча жолу”; ар. *âdir* // *soÆi nevbet* “акыркы жолу”. В чагатайском языке также имя числительное в значении умножения образуется при помощи морфемы *tâ* // *te* с фарсского языка: *kîši ðlgenge tîg-ı kîn sûrmes, bir ðlğni iki te ðltürmes* “киши өлүгүнө кын суурубайт, бир өлгөндү эки өлтүрбөйт.” *Bir te, nâr* “бир (жалгыз) нар.” Эта морфема применяется в южных говорах кыргызского языка, также широко применяется в Чаткалских говорах. Однако по материалам Чаткалского говора при помощи этой морфемы образуются (дааналык) четкие числительные от одного до пяти чисел. Б.М. Юнусалиев подчеркнул то, что сфера применения данной морфемы широкая, прибавляясь как морфема ко всем количественным числительным, в кыргызских говорах дает значение ближе собирательных (жамдама) числительных: *биттэ, эмитэ, үчтэ, төрттэ, бештэ, алтытэ, секкизтэ, кырктэ, жүзтэ, миңте* и.д. [8, с. 204].

В чагатайском языке сложные числительные по произношению не отличаются от литературного языка. Они начинаются с чисел, примыкая друг другу как корень: *on iki* “12”, *miÆ bēš yüz seksen tört* “1.584”, *yigirmi ikki miÆ tört yüz sēksen bēš* “22.485”.

Числа внутри сложного имени числительного различаются от кыргызского литературного языка взаимосвязью предлогом жана (ve): *üç yüz ve toúuz* “309”, *üğü ve yēti* “47”.

Однако в некоторых тюркологических трудах отмечается наличие в говорах кыргызского языка предлога –ү (иногда фонетические варианты –ү,ы), участвующий в образовании сложного имени числительного. Это в основном употреблялось в смешанных говорах узбеков и таджиков южно-западного диалекта: *жетимиш-у алты* // *жетимиш алты*; *бир жүз-ү он* // *бир жүз он*; *эки жүз-ү жыйырма беш* // *эки жүз жыйырма беш* и.д. [8, с.204]

Таким образом, вышеуказанные факты показали то, что кыргызский язык и их говоры и имя числительное чагатайского языка очень схожи по значению. Ну, а некоторые имя числительные и другие варианты в них, можно предположить, связаны с развитием тюркского языка как самостоятельно народного, национального языка.

References:

1. Абдулдаев Э. Кыргыз тилинин Чаткал говору. Ф. 1956, 91-б.
2. Бакинова Г. Кыргыз тилинин Ош говору. 1956, 69-71-б.
3. Байтемиров Н. Тарых эстелиги. Фрунзе. 1970, 90-б.
4. Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.Л. 1940, с.171.
5. Касымбеков Т. «Сынган кылыч» романы. Фрунзе. 1990, 484-б.
6. Сартбаев К. Түркологияга киришүү. Ф.: Илим. 1978, 15-б.
7. Шатманов С. «Көз жаштары» драмасы. Фрунзе. 1935, 35-б.
8. Юнусалиев Б.М. Избранные труды. Фрунзе, 1985. С. 202-205.
9. Юнусалиев Б.М. Кыргыз диалектологиясы. Фрунзе. 1971, с.190.

COMPARATIVE ANALYSIS OF BINARY CONCEPTS OPPOSITION "WEALTH / POVERTY" IN THE RUSSIAN AND GEORGIAN PROVERBS WORLD PICTURES

M. Tsertsvadze¹

Abstract

The article reflects the results of a study of the concepts of wealth\ poverty in the Russian and Georgian Proverbs and sayings, reveals general and differences in the two linguistic cultures.

Keywords: concept, structure, opposition, lexical meaning, proverbs, wealth, poverty.

Одной из основных характеристик человеческого общества является наличие культурной составляющей. Современное общество не мыслит себя вне культуры. Отсюда актуальным является рассмотрение представлений человека об окружающей действительности, которые находят свое воплощение в языке, т.е. в рамках лингвокультурологии. Исследование паремий имеет большой потенциал, так как благодаря паремиям можно проследить пути становления того или иного представления человека и выявить изменения в восприятии того или иного явления действительности. Большой толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова определяет паремию как «чтение, отрывок из Ветхого завета» [7, с. 487]. В филологии паремии (половицы и поговорки) трактуются как особый вид устойчивых высказываний, носящих образный характер, которые в сжатой форме выражают моральные нормы [4]. В.Н. Телия отмечает, что к паремиям принадлежат половицы и поговорки, обладающие одновременно и «прямым», и иносказательным значением [6, с. 58].

Цель данной статьи заключена в сопоставлении русской и грузинской картины мира на примере концептов "богатство"/"სიმდიდრე" "бедность"/"სიღატაკე".

Концепты «богатство» и «бедность» обладают высокой социальной значимостью, как для носителей русского, так и грузинского языков, недостаточная разработка его репрезентации в пословично-поговорочном фонде позволяет говорить об актуальности предлагаемой работы.

Материал исследования включает 57 русских и 45 грузинских (всего 113) пословиц и поговорок, отобранных методом сплошной выборки из сборников пословиц и поговорок русского и грузинского языков.

В работе используются описательный и семантический методы исследования, а также элементы лингвокультурологического и сопоставительного анализа.

Содержательный минимум оппозиции «богатство – бедность» определяется как *наличие или отсутствие достатка, имущества, средств для жизни, изобилия, избытка, излишества* [3, с. 78].

Лексема *деньги* ассоциируется у человека с материальным благополучием, поэтому в паремиях наблюдается частое упоминание денег как мерила богатства.

Большая часть русской и грузинской паремии построена на контрастном восприятии богатства и бедности, бедных и богатых: «Богатый бедному не брат»; «Богатый бережет рожу, а бедный одежду»; „*მდიდარი მკვდარს სჭობდა, ღარიბი ბებჯის სვინჯის*“ (букв. *Богатый оплакивал мёртвого, а бедняк переживал за рас-*

¹Mzia Tsertsvadze, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kutaisi State University named after A. Tsereteli, Georgia.

ხოდ), „ლატაკს საჭმელი ენატრება, მდიდარს – მადა“ (Бедняк мечтает об еде, а богатый – о хорошем аппетите),

Оппозиция «богатство – бедность» представлена двумя мономами (структурными компонентами).

Моном «богатство» передают паремии с позитивным и негативным отношением к материальному достатку и его обладателю.

На основе анализируемого материала внутри структурного компонента (монома) «богатство» нами выделены следующие группы субмономов: квалитативные (или качественные), реляционные, оценочны, аддитивные.

Качественные субмономы представлены субмономом «**ценность**», который квалифицирует такие характеристики богатства, как положительную оценку

в народной среде материального благополучия и финансовой независимости: «*Богатому и в пекле хорошо*», «*Богатому черти деньги куют*», «*У богатого все сладко, все гладко*», «*Ему и умирать не надо*» (в таком довольстве живет), «*Как деньги при бедре, так помогут при беде*»; „*ფული ფულოთბ მიდის*“ (Деньги идут к деньгам), „*მდიდარი კაცის მამალიც კვერცხის მღებელიაო*“ (У богатого и петух несётся)

Реляционные субмономы представлены противоположно направленными структурными единицами. С одной стороны, выделяется СМ «**социальный успех**»: «*Сила и слава богатству послушны*», «*Тому живется, у кого денежка ведется*», «*У богатого черт детей качает*», «*Мошна туга — всяк ей слуга*»; „*რადგან ჯიძემი ფული მაქვს ბევრი, მონა ჩემი დათვიც*“ (букв.Раз деньги есть, то и медведь мне слуга), „*ფული პატარა ღმერთიაო*“ (букв. Деньги-маленький бог). С другой стороны, отмечен противоположный по семантике СМ «**негативное отношение**» к богатству и к обладателю богатства: «*Грязь и деньги ходят рядом*»; „*ფულის ახლოს კაცი მალე გაფუჭდებაო*“ (букв. Деньги портят человека), „*ფულისა ჯოჯობეთსაც კი ემისი არ დამხვრიოსო*“ (Денег и ад боится).

Оценочный субмоном «**аморальность**» выражает народное мнение о том, что богатство прехолящее, приобретается и преумножается нечестным путём (обманом, воровством), что богатство отрицательно влияет на человека, не всегда может являться источником благополучия жизни: «*Богатство — вода: пришла и ушла*», «*Богатство рождается на людских слезах и гор*», «*В богатстве сыто брюхо, голодна душа*», «*Богатый никого не помнит – только себя помнит*», «*Будешь богат, будешь и скуп*», «*Богатому ни правды, ни дружбы не знавать*», «*Богатство добыть — и братство забыть*», «*Кто богат, тот и рогат*», «*Богатство человека от смерти не избавит*», «*Богатством в рай не взойдешь*», «**Здоровья на деньги не купишь**»; „*სიმდიდრე წყალია: მოვიდა, წავიდა* (Богатство — вода: пришла и ушла)“, „*სადაც ფული ლაპარაკობს იქ სიმართლე დუმს*“ (букв.: Где деньги, говорят, там правда молчит), „*ვინც მდიდარია ფულითა, ის ღარიბია სულითა*“ (букв.Кто богат, тот беден душой), „*ფულით შეიძლება იყიდო წამალი, მაგრამ არა ჯანმრთელობა*“ (букв.: За деньги можно купить лекарство, но не здоровье), „*ფულით შეიძლება ჯოჯობეთი გაანათო, მაგრამ ვერ დაინახო*“ (букв.: Деньгами можно осветить ад, но не увидеть).

Аддитивные субмономы включают СМ «**богатство и ум**», который репрезентирует разнонаправленные признаки: положительного ценностного отношения к материально благополучному человеку, как к человеку умному, а также признаки отрицательного отношения – богатство зачастую достается не по заслугам и не по уму: «*Богатство – ума даст!*», «*Богатство ум рождает, а нужда щеки вяжет*», «*У богатого гумна и свинья умна*», «*Судят не по уму, а по карману*», «*Денег много, да разума мало*» и т. д. В грузинских паремиях частотно

противопоставление ума богатству: „სწავლა სჯობია სიმდიდრეს“ (букв.: Ученье лучше богатства), „ფულით ჰკუთას ვერ იყიდის“ (букв.: За деньги ум не купишь).

Второй **моном «бедность»** представлен следующими группами субмономов:

Бытийные СМ включают:

-**СМ «отсутствие средств, данный субмоном»** представляет бедность как образ жизни: «В одном кармане – вошь на аркане, в другом – блоха на цепи», «Всей одежи: две рогожи да куль праздничный», «Каша не наша, котел не свой», «Кашица постная, да еще и без круп»; „მშვიერს პური არ დაუობდებ“ (букв.: У голодного хлеб не заплесневеет), „გაჭირვებამ ფარხის კაბა მაცვეთინაო“ (букв.: Нужда заставила износить парчовое платье), „მშვიერი პურსა აქებდა, უმსა და უმარილოსაო“ (букв.: Голодный хвалил сырой и несоленый хлеб),

- **СМ «несчастье»** репрезентирует тяжелое существование бедняка: «Бьется – как рыба об лёд», «Зубы есть, да нечего есть», «У бедного ежедневно пост», «Хоть песенки пой, хоть волком вой»; „სიღარიბე წელში გაგტეხს, თუ გინდ იყო ტარიელი“ (букв.: Бедность сломит даже Тариэла), „ღარიბი კაცი დღეში ცხრაჯერ მოკვდებაო“ (букв.: Бедный человек в день умирает девять раз), „საწყალო კაცის გაჩენაში ღმერთი არ ურევიაო“ (При рождении бедного человека бог не участвовал), „უბედურ კაცს ქვა აღმართში მიეწევიაო“ (Несчастливого камень на подъеме догонит).

Аддитивные субмономы представлены более широко:

-**СМ «бедность и ум»** прямо противоположен рассмотренному ранее **СМ «богатство и ум»**, указывает на наличие ума у бедных или наличие ума как стимула к активной деятельности). Данный субмоном представлен только в русских пословицах: «От нужды умнеют, от богатства жиреют», «Разума много, да денег нет», «Нужда мудрости учит», «Голь на выдумки хитра».

-**СМ «сочувственное отношение к бедному человеку»**, данный СМ имеет одинаковую репрезентацию в сравниваемых лингвокультурах: «Голодный и архимандрит украдет», «Гольный, что святой: с него взятки гладки», «Бедность – святое дело», «Бедность не порок»; „მშვიერი პატიოსნად ვერ იაზროვნებსო“ (букв.: Голодный не сможет мыслить порядочно), „სიღარიბე სირცხვილი არ არის“ (букв.: Бедность не стыд).

- **СМ «бедность и труд»**. В русских и грузинских пословицах довольно часто в качестве путей к богатству, благосостоянию подчеркивается роль труда: «Станешь ленишься, будешь с сумой волочиться»; «Из нужды труд да пот вызволят!», «Денежки труд любят», «Что за нужда, коли в руках сила есть!»; „სიზარმავე სიღარიბის გასაღებიაო“ (букв.: Лень-ключ к бедности), „ვიბვ არ გაირჩება, სიღარიბით დაისჯებაო“ (Кто не трудится упорно, тому угрожает бедность).

-**СМ «бедность и любовь (семья)»**. **СМ «бедность и любовь (семья)»** представлен паремиями с противоположной семантикой С одной стороны, бедность рассматривается как препятствие семейному счастью: «Бедному жениться – и ночь коротка»; в грузинском языке нами не были выявлены паремий с этим значением, с другой стороны, подчеркивается, что бедность может не являться помехой счастью в семье: «В семье любовь да совет, так и нужды нет», «С милым рай и в шалаше». Среди грузинских паремий выявлена одна: „სიყვარული ქობნოც არის“ (букв.: Любовь есть и в шалаше). Другая особенность семьи бедного селянина – это большое количество детей: «Слава богу, не без доли: хлеба нету, так дети есть», «У богатого телята, а у бедного ребята». Аналогичное обнаруживаем и в грузинской пословице: „ღარიბის სიმდიდრე ბავშვებიაო“. (букв.: Богатство бедного его дети).

Реляционный СМ «неуважение» (конкретизирует признаки презрения к бедняку): «Нищему нет друга», «Богатого по отчеству, убогого по прозвищу», «Богаты – так здравствуйте, а убоги — так прощайте!», «Богатого и в чуже знают, убогий и в своих невидим»; „*მდიდრისას კატას სჭიროდნენ და ღარიბისას – კაცსაც არა*“ (букв. Оплакивали кошку богатого человека, а бедного даже человека не оплакивали).

Противоположный по семантике **аксиологический СМ «положительное качество»** подчеркивает высокие моральные качества бедняка или указывает на выгодность его положения: «Бедный знает и друга и недруга», «Богачи едят калачи, да не спят ни днем, ни в ночи, убогий чего не хлебнет — уснет», «Богат, да плутоват; беден, да честен», «Бедный часто откликается, хоть и не его кличут»; «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом»; „*ძუწი მდიდარი მათხოვარზე უარესიაო*“ (букв.: Скупой богач хуже нищего), „*ღარიბი კაცის ლუკმა ტკბილიაო*“ (букр.:Кусок хлеба бедняка сладок), „*კარგი სახელი სიმდიდრეს სჯობია*“ (Доброе имя лучше богатства),

В отдельную группу мы выделили СМ, выражающие 1) взаимоотношения между богатыми и бедными: «Сытый голодного не разумеет», «Богатый бедному не брат!», «Богатый бедному не верит»; „*მადლარს მშვირთვ მადლარი ევინაო*“ (букв.:Сытому и бедный казался сытым); 2) мечту бедных людей о жизни в достатке: «Эх-ма! Кабы денег тьма, купил бы деревеньку да зажил бы помаленьку»; „*ობოლი ვაზრდას მოელოს, ღარიბი – გამდიდრებას*“ (букв.: Сирота мечтает вырасти, а бедняк – разбогатеть),

Таким образом, в результате сравнения пословично-поговорочного фонда двух языков, можно сделать вывод о наличии общих черт концептов «богатство» и «бедность». В обеих культурах отношение к богатству и бедности проявляется в положительных оценках для бедного и отрицательных для богатого.

References:

1. Голембовская Н.Г. Лингвокультурные антиномии в русских и литовских паремиях: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 240 с.
2. Грузинские народные пословиц/ kids.ge/saying
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.3. 2-е изд. М.: Русский язык, 1882. 430 с.
4. Лызлов А.И. Оценка и языковые способы ее выражения в паремиях (на материале компаративных и негативных конструкций английского языка). М., 2011.
- 5.Пословицы и поговорки о богатстве, бедности //www. ermak.su /pogovorki/o _bogatstve.htm
6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- 7 Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М., 2008.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

THE ATTITUDE TOWARDS THE MOTHERLAND AS AN INDICATOR OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL STATE OF SOCIETY

*O. Moskvitina*¹

Abstract

The article is devoted to analysis of the interaction of patriotism and the psychological state of society. The examples below show events from the history of the country associated with the manifestation and embodiment of patriotism and, on the contrary, the lack of people striving to represent their country, historical event confusion and uncertainty.

Keywords: patriotism, the psychological state of society, history, values, meanings, ideology.

На социально-психологическое состояние общества влияют такие нематериальные факторы как институциональные, культурные, этнонациональные, историко-наследственные (генетические) [1], охватывающие сферы управления обществом, содержание его духовного производства и потребления, особенности народов, составляющих общество, их развитие как исторических субъектов, во всем многообразии отношений и взаимодействий.

Значимым фактором, определяющим экономические успехи, политическую стабильность, социальное благополучие или их отсутствие, является психологическое состояние общества. А.В.Юревич с соавторами разработали оценку психологического состояния общества, основанную на учёте конкретных показателей результата развития общества на определённом историческом этапе. К таким показателям относят: количество самоубийств в год, доля психических заболеваний, число сделанных женщинами аборт на десять тысяч человек, количество детей, оставшихся без попечения родителей [2].

В истории нашей страны психологическое состояние общества было разным: периоды духовного подъёма сменялись периодами спада, уныния, безразличия. Такие перепады связываются с реакцией на определённые исторические события власти, общества, народа. Исследователи З.В.Брагина и Е.В.Пономаренко приводят примеры послереволюционного трудового энтузиазма «... с высокой степенью слияния патриотизма и трудовой активности» и послевоенного восстановления народного хозяйства «...с высокой социально-значимой мотивацией труда» [3]. Противоположными характеристиками отмечено Смутное время XVI века, а также начала и конца XX века.

Историк А.И.Фурсов [4] отметил, что современный интерес к эпохе Сталина, в которой появилось понятие «советский патриотизм» и «Советская Родина», связан с потребностью людей в социальной справедливости, достоинстве страны, самодостаточности на определение вопросов права, этики, культуры; возвращение былого «status quo» как социально-психологического самоощущения. СССР – сложная и многогранная веха русской истории, но, безусловно, имевшая чёткий вектор, устремлённый в будущее, в нём себя видевшим и утверждавшим. «А со-

¹Olga Moskvitina, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Russia.

стояние уверенности или неуверенности людей в завтрашнем дне и, тем более, в будущем своих детей и внуков оказывает влияние на то, с какой интенсивностью и отдачей люди работают» [5].

Исторический этап развития общества последних двадцати пяти лет характеризуется не только расхождением общества, социальная несправедливость, отсутствие уверенности в будущем, но и «...дефицит у значительной части населения смысловых ориентаций (в частности, отсутствие внятной национальной идеи), которые тоже могут создавать массовую неудовлетворенность происходящим» [6, с. 36]. Но следует отметить, что в связи с изменением обстановки на международной арене, внешней политики руководства страны последние годы «...отмечены невиданным патриотическим подъёмом, поддержанным многими слоями общества. Идеологический вакуум, поставивший под угрозу существование страны, заставил людей искать иные пути, нежели вестернизация и проживание в обществе ширпотреба – одних ради сохранения себя лично, других – ради сохранения страны и государства» [7].

Исследователь Т.В.Беспалова отмечает, что патриотизм является формообразующим принципом «национально-государственной идентичности характеризуется многоуровневостью объективаций конституирующей активности, которая разворачивается в единстве трех основных типов идентификации: государственной, национальной и личностной. Этим обеспечивается возможность самоопределения человека, осваивающего духовный опыт и национально-культурные практики народа в интервале от имперской до республиканской форм государственности» [8]. По мнению же И.А.Лукиновой в обществе патриотические идеи и чувства являются итогом деятельности основного субъекта патриотизма – политической власти, политической элиты, осуществляющей утверждение ценностных начал, а конкретно-национальный патриотизм как элемент социального конструирования вырастает из отечественных ценностей и идентичностей [9].

Лицам, облеченным властными полномочиями важно понимать что «...личное благополучие зависит от экономического благополучия страны, в которой живешь, прежде всего, это максимальное содействие экономическому прогрессу государства, которое основывается на реализации потенциальных возможностей экономики и эффективном использовании всех внутренних и внешних ресурсов» [10, с.94], то есть желание жить лучше в материальном смысле, рост потребностей и их удовлетворение находится в тесной связи с «работой на государство и общество».

Нередко рост бездуховности, аморализма, нарастание социальных девиаций сочетается с высоким уровнем материального благосостояния общества [11, с.36]. Патриотизм как идея и смысл развития общества и государства подменяется ценностью материальных благ и бесконечного роста потребностей. Можно привести исторический пример, когда в 1961 году в программе КПСС утверждалось, что приоритетной задачей отныне является удовлетворение растущих материальных потребностей советских граждан. Идеальный проект будущего был погребён под стремлением к приобретению, обогащению и потреблению, что характерно и является ценностью для капиталистического общества. К излёту советской эпохи повышение уровня жизни и общая стабилизация в стране не заменила человеку психологического комфорта, смысла общественного существования, идейности, но сделала их отсутствие более ощутимым. Психологические проблемы позднего советского общества вышли на первый план и способствовали русской смуте конца XX века.

Должное отношение к Родине, её историческому и культурному пути, принятие, как положительных, так и негативных особенностей её развития является залогом здорового социально-психологического состояния общества. Духовными

скрепами являются ценности и единые социальные представления членов этнокультурной общности, они определяют то, как те объясняют свое прошлое и будущее [12] и видят настоящее.

References:

1. Протас Н.Г. Материальные и нематериальные факторы развития как объект управления в регионах // Проблемы экономики и менеджмента. 2011. №1 (1). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/materialnye-i-nematerialnye-factory-razvitiya-kak-obekt-upravleniya-v-regionah> (дата обращения: 05.11.2016).
2. Юревич А.В. Психологическое состояние современного российского общества // «Психологическая газета: Мы и Мир» (№2[138]2008)
3. Брагина З.В., Пономаренко Е.В. Экономический патриотизм как управленческий ресурс // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова № 4, 2014 с. 94-99.
4. Фурсов А.И. Россия на пороге нового мира. Холодный восточный ветер 2. (Серия «Игры мировых элит»). М.: Книжный мир, 2016. 384 с.
5. Юревич А.В. Психологическое состояние современного российского общества // «Психологическая газета: Мы и Мир» (№2[138]2008)
6. Юревич А.В., Юревич М.А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: ИП РАН, 2013.
7. Москвитина О.А. Социальный, психолого-педагогический и возрастной аспекты формирования образа Родины / Сборник материалов II-й Международной научно-практической конференции «Духовно-нравственное развитие молодежи: междисциплинарная проблема XXI века» 20-22 октября 2016 г. Набережные Челны, 2016.
8. Беспалова Т.В. Патриотизм как форма социокультурной идентификации в конфликтных условиях российского переходного общества / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук, Санкт-Петербург 2011. URL: <http://www.famous-scientists.ru/list/10152> (дата обращения 03.11.2016).
9. Лукинова И.А. Место и роль российского патриотизма в современном обществе / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, Ставрополь 2013.
10. Брагина З.В., Пономаренко Е.В. Экономический патриотизм как управленческий ресурс // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова № 4, 2014 с. 94-99.
11. Юревич А.В., Юревич М.А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: ИП РАН, 2013.
12. Социальная психология / Л.Г. Почебут, И.А. Мейжис. Издательство: Питер, СПб, 2010 г. 672 с.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

NATIONAL AND INTERNATIONAL ELEMENTS IN CONTEMPORARY INDUSTRIAL DESIGN

Y. Lensu¹

Abstract

The article analyzes main trends of national and international elements in contemporary industrial design. It has been revealed that in spite of the current predominance of international and cosmopolitan features in design works, national peculiarities in design works are still preserved.

Keywords: design, subject form making, form making factors, national culture, globalization.

Современный промышленный дизайн – порождение массового индустриального производства, которое в принципе «космополитично», поэтому внешние формы объектов современного дизайна имеют в основном ярко выраженный интернациональный характер. Однако, несмотря на это, и сегодня формам объектов предметного мира зачастую свойственны определенные национальные черты. Но проявляются они не поверхностно, а в некой глубинной сущности объектов, можно сказать, внутренней одухотворенности. Это связано с тем, что, как отмечает О. В. Чернышев, «...в качестве основного предмета дизайн-деятельности и ее конечных целей теперь должны выступать не только и не столько эстетическое осмысление и функционально-техническое совершенствование искусственных систем ... сколько конкретное бытие человеческой личности во всем богатстве ее существенных проявлений (духовная культура, социальная активность, творческий потенциал и т.п.)» [1, с. 33].

Чем же определяется это соотношение интернационального и национального в современном дизайне, и каково значение подобного интегрирующего свойства дизайна для развития современной материально-художественной культуры?

Вначале определим факторы, влиявшие в прошлом на формирование национальных особенностей предметного мира. Во-первых, с давних времен на формы вещной среды воздействовала специфика природных условий обитания данной нации или народности. Во-вторых, надо отметить влияние на предметное формообразование особенностей национального характера народа и его национальной культуры.

Теперь обратимся к современному предметному миру. Произшедшая в течение позапрошлого века замена кустарного ремесленного способа производства массовым промышленным вызвала потребность новых форм. Если формы ремесленных уникальных изделий, создаваемые конкретным человеком, выражали сущность индивидуального творчества, в том числе и особенности мироощущения мастера как представителя определенной нации, то новые промышленные

¹Yakov Lensu, PhD in History of Arts, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Design of Belarusian State Academy of Arts.

формы отражали сущность массового машинного производства, сущность машинной технологии. Промышленная же технология сама по себе лишена каких-либо национальных признаков, она космополитична. Эта космополитичность промышленного способа производства выразилась и в космополитичности промышленных форм изготавливаемых предметов.

Однако, наряду с тем, что промышленные формы стали выражением объективных требований технологии, в процессе их создания неизбежно присутствовал субъективный человеческий фактор, человек-проектировщик со своими индивидуальными особенностями, с определенным мировоззрением, обусловленным особенностями национальной среды, его породившей. «Для многообразия одинаково экономических решений (а для исходной строительной задачи их существует большое количество), – отмечал В. Гропиус, – творчески работающий художник в пределах ограничений, диктуемых его эпохой, выбирает нужное ему решение исходя из личного восприятия» [2, с. 56-57]. Поэтому факторы, которые действовали во времена господства кустарного производства и вели к проявлению национальных особенностей в предметном формообразовании, в известной степени продолжают действовать и теперь.

Безусловно, зависимость человека от природы, которая существовала на ранних этапах его развития, со временем ослабевает. Сегодня контакт человека с природной средой намного меньше, чем в древности, теперь люди больше имеют отношения с объектами «второй природы», созданными ими самими, с искусственным миром вещей. Увеличивается количество вещей, которые окружают человека, увеличивается количество предметных форм. Теперь при формообразовании человек уже опирается не столько на природные, сколько на предметные формы, созданные им самим. Форма автомобиля родилась на основе формы кареты, форма пишущей машинки – на основе формы фортепиано, форма холодильника – на основе формы шкафа и т.д. Трансформация искусственных форм при предметном формообразовании в настоящее время явно доминирует.

Таким образом, один из важнейших факторов, определявших национальные особенности предметного мира, – влияние специфики природной среды, – сегодня явно ослаблен. Однако это не значит, что его действие совершенно прекратилось. Даже живя в большом промышленном городе, человек и сегодня не изолирован от природы родного края, и ее формы, ее общий образный строй не может не оказывать определенного воздействия на сознание человека, творящего вторую природу – вещную среду. Знаменитый бразильский архитектор Оскар Нимейер говорил, что его учили линии гор. «Архитектор в своей работе, – писал он, – всегда призван отразить ту среду, в которой она создавалась» [3, с. 136].

Сохраняется сегодня также влияние на предметный мир особенностей национального характера и национальной культуры. Безусловно, сейчас в мире наблюдается определенное сближение культур, сближение обычаев, привычек людей разных национальностей, проявляется созвучие в области культуры разных народов, что, однако, отнюдь не означает исчезновения специфики национальных культур, а, напротив, их обогащение и расцвет. Все это отражается в дизайне, потому что предметная форма идет не только от функции и конструкции, но также и от тех относительно устойчивых психологических и социальных стереотипов, которые обычно связываются у разных народов с той или иной предметной формой. Черты современного дизайна разных народов, связанные со спецификой национальной культуры, с особенностями национального характера, продолжают традиционные черты предметного формообразования этих народов, отражая преемственность в национальной культуре, относительную независимость национальных характеров.

Таким образом, выявляя в формах предметного мира интернациональные

начала, связанные со спецификой массового промышленного производства, дизайнер все же вносит в визуальные формы вещной среды определенные национальные особенности, некую внутреннюю национальную одухотворенность. И, как уже говорилось, эти национальные особенности объектов современного дизайна проявляются на фоне усиления интернациональных черт в формах предметного мира, создаваемого массовым промышленным производством. Однако возрастающее сегодня в предметном формообразовании нивелирующее промышленное начало не является шагом назад. Массовый промышленный способ производства дал толчок прогрессу и в дизайне: проектировщики-дизайнеры стали искать пути выявления в предметных формах их интернациональной функциональной основы. И в этом с большой силой начала проявляться важная интегрирующая роль дизайнера в современном мире, дизайн, таким образом, стал выявлять в предметном мире то общее, что присуще людям, раскрывать общечеловеческие основы общения людей с предметной средой. Сегодня единение национальных качеств дизайнера с его интернациональной направленностью открывает путь к широкой интеграции национальных культур наряду с сохранением и развитием их национальных черт. Предметы, созданные в разных странах и обладающие своими национальными особенностями, благодаря их интернациональной направленности, могут органически входить в культуру, в быт любого народа. Эта возможность объектов современного дизайна является значительным шагом к единению национальных культур, к созданию единой общечеловеческой материально-художественной культуры.

References:

1. Чернышев О.В. Концептуальный дизайн: опыт разработки базовой модели и учебно-методического обеспечения профессиональной подготовки дизайнеров в Республике Беларусь. Минск: ЕГУ, 2004. 152 с.
2. Бегенау З. Функция, форма, качество. М.: Мир, 1969. 168 с.
3. Нимейер О. Архитектура и общество. М.: Прогресс, 1975. 191 с.

ON THE INTERCULTURAL CONCEPTION OF DIMAITRIZM: THE DEFINITION OF THE SECOND COMING GOD, PROPHECY TREATISE "KALAGIA" AND ADJACENT QUESTIONS OF THEOLOGY-SCIENCE
V. Byrdin¹*Abstract*

Dimaitrizm (Second Coming God), prophecy esoteric publication "Kalagiya" (A. P. Naumkin, M., 1992, 320p.) and related matters theological science analyzed. Scientific and philosophical knowledge, as expansive *flagship*-trend, must be the master and the essence of God, and all mystical world (cf. with scientism and Husserl's Program and in exc. from the *short*-limits of the knowledge of God and agnostic). Postulated *objective reality* the God's substance, implicit generally – *theontological* classic problem ("God is?"). The problem of *theology* in the narrow sense of its own, on the material and the spiritual essence of God, as an extremely advanced (absoluter, altitudinal) *megasystem* of *noocosmos*, *perfect*, intelligent, omnipotent, social, pan – and epi-space; in exc. from the "Summa Theology", 1273, from the apophatic and positive theology. In "Kalagia" from the name of God-Creator is given a very tough, very negative assessment of our morality and civilization, up to the "irreversible self-destruction" and "imminent death" (p. 164, 208-210). *Intercultural prophecy* about the Second Coming of Christ-Maitri-Mahdi analyzes (Christianity, Buddhism and Islam). Coming planned for the near future, in the 1990s (pp. 4-6, 8,164,166,233) – euphoria neophytes? Or "God the Son" is already incarnated and dwells among Earthlings (Parousia), probably in Russia? (Precedents known: theosophical pseudomessiah J. Krishnamurti in beginning of XX century, pro-Maitreya present in London and etc.). Then we are on the threshold of grandiose, spiritual and social achievements. Dimaitrizm acceptable for World cosmism, Russian ideas, Roerich-science and the whole for modern science-philosophical paradigmatic. "Special way of Russia" (PY Chaadaev, 1828/48 y.) treated as noocosmological mission: through culture and status of Russia to eschatology of World, to global-cosmological *perfection-ideal* ("Terrible Court" (or "Judgment Day") – *Court of conscience*, war – harmony, "hi-tech" – technological *absolutism*, Cosmism – Noocosmism, etc.). Problematic of articles subject not only of philosophy and religious studies, but and *multidisciplinary*. It uses the method: hypothetical-deductive, historical, analogies, generalizations. Evidence of physical science, literary criticism involved. Generally of analysis is based on a multiprofile noocosmological conception (VI Vernadsky, Edouard Le Roy, GV Chefranov and others). "Kalagiya" seems quite solid and worthy, pro-Sacred writing. *Loyal presumption* to the extra-scientific works and passages appropriate (cf. the principle of a confidence of Richard Swinburne). Their verification, as the supreme criterion – debt of the scientific community. Emphasizes the dignity of prophets, adherents and informal authors, these *romantic-ascetics* civilization – Christ crucified... but now it is the color of our culture, "Tear and Fire" eternal hope of the World. Movement of Kalagiya welcome, at least, as uplifting and spiritualized person, contrary to the permanent degradation, moral depravity and soulless standstill.

Keywords: Second Coming; dimaytrizm; theology-science; "Kalagiya"; noocosmology; problem Essentially of God; Holy Easter fire; eschatology civilization Earthlings; Cocmism; presumption of confidence to declarer.

¹Vasilij Byrdin, PhD, senior researcher, A.A. Blagonravov Mechanical Engineering Research of RAS, Moscow, Russia.

«И звёзды падут, и солнце померкнет, и луна. И все увидят Сына Человеческого, грядущего во славе и в силе. И всё сие будет скоро, не пройдёт и род сей. О дне же том и часе никто не знает, только Отец наш Небесный»...

– [Библия]: Матф. 24, Мар. 13, Лук. 21 и др. – 1–2 век н.э.

«“Калагия”– предтеча пророкам и самому Христу, который явится к людям в земном воплощении (...) Произойдёт это очень скоро, в ближайшие годы».

– А. П. Наумкин, «Калагия» [8], март 1991г

Мы ждём Христа уж три тысячелетия, Христа-Майтри-Махди. ... Как чудо и Завет пасхально не палящего Огня.

– Автор

Рис. 1. Схождение пасхального благодатного не палящего Огня. Иерусалим, храм Воскресения Господне и кувуклия (часовня) Гроба Христова. kommersant.ru/gallery/2183535#id=866961, Интернет (*Инет*), 03.15 г.

Кроме данного тезисно-сокращённого варианта, полностью данная статья (с объёмом брошюры в 3,5 п. л., 140 тыс. зн.) опубликована в научном печатно-сетевом журнале «Scientia», № 2 (М., авг. 2016г), см. на его сайте <http://scientia-journal.ru/wp-content/uploads/2016/08/SCIENTIA-2.pdf> (11.16г).

Содержание статьи (полное по пп.)

- 1) Вступление и о статусе пророков и адептов и необычных авторов. О канонизации Писаний. О научно-этическом ракурсе.
- 2) «Калагия» начала 90-ых: первые впечатления и последние замечания.
- 3) Димайтризм, Русская идея и пророчества о глобально-космологической миссии России.
 - 3.1. О Символе веры и димайтризме. 3.2. О Русской идее.
 - 3.3. Исламский аспект. 3.4. О духовной миссии России.

4) О вкладе и привлечении физической науки.

5) Рельефный профиль? Литературные заметки о «Калагии», субъективно и критически.

Глоссарий и о книжных мини-словарях.

6) Постановка проблемы и постулат о материальной сущности Бога.

6.1. Постановка тео-проблемы, основного теологического вопроса, о сути Бога, и некоторые философские замечания.

6.3. Постулативная дефиниция бога.

6.4. О фундаментальной первичности теологии-проблемы и снятии исторического теонтологического вопроса.

7) О нашей безнравственности, секулярной глобальной идеологии, экуменизме и новом монотеизме.

7.1. Мировые интеграционные процессы и Калагия.

7.2. Обращение Бога к Землянам (в «Калагия»).

7.3. О нашей безнравственности – эсхатология и релятивизм нашей цивилизации в Откровении «Калагии», в оценках Ноокозма.

7.4. Дефиниция димайтризма (в широком и частном смысле).

8) Заключение и футурологический эскиз.

9) Цитированная литература (137 наим.)

References

1. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Философия Древности и Средневековья. Ч. 1 / В. В. Соколов и др. М.: Мысль, 1969. 576 с.
2. Алёшин А. И. Размышление о феномене русского космизма // Вопросы филос. 2015. № 4.
3. Башкова Н. В. Преображение человека в философии русского космизма. М.: КомКнига, 2007. 224 с.
4. Бог – Человек – Вселенная. (Соборные возможности Человечества перед лицом глобальной катастрофы) // Тезисы докл. Междунар. конф. / ред. О. Д. Куракина и др. М.: Нооф. синархия, 1995. 277 с.
5. Бырдин В. М. О концепции димайтризма и необычном трактате «Калагия»: эзотерика пророчества, определение Второго Пришествия и смежные вопросы теологии-науки // Scientia. 2016. № 2. С. 5–28.
6. Бырдин В. М. Глобальная информация и проблема развития (ведомости) Земной цивилизации // А) Семинар каф. МОП ЭВМ Таганрог. радиотех. ун., 10.3.1994; Б) Семинар по космической филос. НКЦ SETI, ГАИШ МГУ, 7.12.2001/ lnfm1.sai.msu.ru/SETI/koi/bulletin/19/khron.html (11.16г).
7. Де Клере Р. Математическое доказательство необходимости бытия Божия / пер. с фр. под ред. свящ. П. Флоренского. Серг. Пос., 1915.
8. Декарт Рене. Доказательство существования Бога / пер. с лат., фр. Соч. в 2-х т. Т. II. М.: Мысль, 1994. 640. С. 3–72.
9. Евлампиев И. И., Кольчев П. М. Рец. на кн.: *В. В. Варава*. Неведомый Бог философии (М., 2013) // Вопросы филос. 2014. № 10. С. 181–184.
10. Калагия или власть над временем. Учение Эволюции Человека и Вселенной (...) / А. П. Наумкин. М.: Прометей, 1992/93. 320 с.
11. Мери Латьенс. Жизнь и смерть Кришнамурти. М.: КМК, Лтд., 1993. 406 с.
12. Нестеров В. «Вторично пришёл, и опять не узнали его» // Наука и религия. 1999. № 2.
13. The new age of Russia: Occult and esoteric dimensions/ В. Menzel, М. Hagemeister, В. G. Rosenthal, eds. Berlin: Verlag Otto Sagner, 2012. 448 p.
14. Оккам Уильям (1285–1349 гг. ж.). Естественная теология. Доказательство существования Бога // Оккам У. Избр.; пер. с лат. М.: УРСС, 2002. 272 с.
15. Roerich N. Shambhala. N-Y., 1930 / Рерих Н. К. Шамбала Сияющая // Рудзитис Р. Я. Братство Грааля. Рига: Угунс, 1994. 320 с.
16. Сидоров Валентин: А) Знаки Христа. Повесть. М.: ВО-Книга, 1992. 191 с. (На титульном листе: «Бог воплощён» ...); Б) Единственный шанс // Правда. 20.1.1992. № 15. С. 5.

17. Суинбёрн Ричард. Существование Бога. (ориг. 2 изд. 2004); пер. с англ. М. О. Кедровой; науч. ред. Р. Суинбёрн. Ин-т филос. РАН. М.: Языки славян. культуры, 2014. 464 с.
18. Франк С. Л. Онтологическое доказательство бытия Бога // По сторону правого и левого. Париж, 1972. С. 109–151.
19. Хайруллин К. Х. Философия космизма. Казань: Дом печати, 2003. 370 с.
20. Петр Яковлевич Чаадаев. Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: в 2 т. Т. 1 / сост., биогр. очерки и прим. В. В. Кунина. М.: Правда, 1986. 640 с.
21. Черновицкая Ю. В. Ноокосмология: социально-этические аспекты контакта с внесемными цивилизациями // Космология, физика, культура. Ин-т филос. РАН; В. В. Казютинский и др. М.: ИФРАН, 2011. С. 220–242.
22. Чефранов Г. В. Бог. Вселенная. Человек / вступ. ст. и ред.: проф. В. А. Ивлиев и др. Таганрог: ТРТИ, 1992. 343 с.

THE GENESIS OF THE IDEAS OF RELIGIOUS FREEDOM THE NEW PERIOD

K. Zimina¹

Abstract

This article explores the concept of "religious freedom" at every stage of its development, as well as the works of thinkers who have made a significant contribution to the concept of "tolerance" and "religious freedom" in the culture of Europe.

Keywords: religious freedom, religious tolerance, freedom of conscience, tolerance, a secular state, the Church, religion.

Хотелось бы подчеркнуть, что мы не будем осуществлять полный обзор философских мыслей касательно вопроса религиозной свободы. Сосредоточимся на идеях тех мыслителей, которые внесли существенный вклад в развитие идей религиозной свободы.

В рассматриваемый нами период значительную роль в закреплении принципа религиозной свободы сыграл Роджер Уильямс. В своем трактате «Кровавый догмат преследования за убеждения», теолог высказывает идеи, определяющие содержание принципа религиозной свободы. Приводя свои рассуждения, исходя из текста Евангелия, он подчеркивает, что преследование за веру не основано на Священном Писании. В понятие «религиозная свобода» Уильямс включает не только приверженцев каких-либо религиозных конфессий, но и лиц атеистических взглядов. А ее границы определяются соблюдением гражданских прав. Помимо этого, Уильямс проводит идеи светского государства, поскольку оно организовывается по свободному согласию людей, тем самым не являясь продуктом божественного происхождения. И поскольку Христос не установил конкретной формы правления, государство и Церковь автономны. При этом в светском государстве необходимо установить равенство различных убеждений, единообразие одной религии приведет к ущемлению религиозной свободы.

Исходя из этого, мы видим, что идеи религиозной свободы Уильямса были достаточно полно разработаны для того периода. В 1644 г. английский парламент выдал Уильямсу хартию, признающую законы самоуправления Провиденса, в том числе «свободу в религиозных отношениях», таким образом, впервые в истории законодательно закрепив в рамках колонии принцип религиозной свободы [1, с. 36].

Английский поэт, политический деятель и мыслитель Джон Мильтон неоднократно осуждал отсутствие религиозной свободы в Англии, поскольку свобода выбора вероисповедания является Божественным даром. По его мнению, принуждение к внешнему, обрядовому исповеданию веры формирует лицемерную позицию, противоречащую духу и букве Евангелия, согласно которому сущность религии заключена в вере и любви. Наиболее полно гражданская позиция Мильтона выражена в «Трактате о гражданской власти в духовных делах» (1659). Мыслитель призывал парламент законодательно закрепить веротерпимость, потому как она является проявлением христианского милосердия. В то же время Мильтон не распространял религиозную свободу на язычников, поскольку они отрицали

¹Ksenia Zimina, Post-graduate Student of Research and Teaching Staff Training Faculty of VLI of the FPS of Russia.

Евангелие, и на католиков за нетерпимость к иноверцам.

Джон Локк, являясь разработчиком идейно-политической доктрины либерализма и концепции естественных прав человека, полагал, что не стоит отдавать исключительное преимущество какой-либо религии, потому что в вере в Мессию сходятся все христианские учения. «Нигде не сказано, что Бог предоставил людям право насильно заставлять других людей принимать чуждую им религию», «истинная религия состоит в глубокой внутренней вере души» [2, с. 95]. Исключение из изложенных взглядов Локк, также, как и Мильтон, делает для католиков и атеистов. Католиков он не терпел за то, что они имеют своего главу в Риме, с атеистами он не мог примириться из-за того, что твёрдо держался понятия об откровении, отрицаемого теми, кто отрицает Бога. Также как и Р. Уильямс Локк решительным образом отстаивал на отделении Церкви от государства: «...либо правитель – это лишь посредник между человеком и человеком; он может отстоять меня от ближнего, но не может защитить от Бога» [3, с. 68]. Государство, по мнению Локка, только тогда имеет право суда над совестью и верой своих подданных, когда религиозная община ведёт к безнравственным и преступным деяниям [4].

В 1689 году королем Англии был подписан Акт о терпимости, последствия которого были достаточно скромными. Введенный принцип не преследования за религиозные убеждения, относился только к протестантским деноминациям, верующих в Святую Троицу. Католиков преследовали по-прежнему вплоть до 1832 года, поскольку принадлежать к католической Церкви считалось изменой.

Немало размышлений по поводу религиозной свободы было и в других странах Европы. Например, французская школа мыслителей считается одной из первых, вынесших свободу вероисповедания из рамок религиозных интересов в рамки гражданских прав и свобод личности.

Шарль-Луи Монтескье в своих размышлениях уделял большое внимание происхождению религии, придя к выводу, что, в конечном счете, она возникла под влиянием деятельности законодательства и зависит от политического устройства страны. Так, католическая религия согласуется с монархией, протестантская с республикой, мусульманство же, как прямое следствие деспотии. Отсюда вывод: церковь не имеет права претендовать на светскую власть. Все религии допустимы, если они не противоречат государственным законам и не мешают гражданам выполнять свой общественный долг. Не желая порывать с католицизмом и отдавая ему предпочтение, он все же верен своему положению – даже если католицизм есть истинная религия, не следует её утверждать огнем и мечом.

В книге «Дух законов» Монтескье рассматривал два возможных варианта урегулирования религиозной свободы: если в государстве имеется несколько религий, то на законодательном уровне необходимо закрепить веротерпимость, если существует одна религия, то запретить распространение других.

Франсуа Вольтер в «Философских письмах» (1720-1730-е гг.) впервые затронул вопрос о религиозной свободе. Мыслитель всячески отстаивал идею веротерпимости, при этом считал весьма полезным контроль государства над религиозными конфессиями, более того считал разумным, чтобы церковные уставы издавались гражданской властью. Исходя из этого, проблема законодательного закрепления религиозной свободы им не ставилась.

Во Франции Эдикт о терпимости был подписан Людовиком XIV лишь в 1785 г. Эдикт обязывал не отказывать людям в их основных правах по причине принадлежности к некатолическим конфессиям. А в 1789 г. в период Великой Французской революции была принята Декларация прав человека и гражданина, десятый параграф которой постановлял: «Никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом» [5].

Религиозной свободе посвящено немало и художественных произведений. Так, основоположником немецкой классической литературы Готхольдом – Эфраимом Лессингом была сочинена драма «Натан Мудрый», ставшая впоследствии проповедью о веротерпимости, справедливости, равенстве и братстве народов. Герои поэмы – еврей Натан, арабский султан Саладин и христианин храмовник принадлежат к трем враждующим национальностям и религиозным конфессиям. Философским же звеном произведения становится притча о трех кольцах (иносказательно подразумевая три религии – христианская, иудейская, магометанская). Смысл ее заключается в том, что не вероисповедание и не принадлежность к какой-либо национальности, а только личные заслуги и достоинства человека украшают и возвышают его над окружающими.

Отношения между Церковью и государством Германии формировались долго и трудно. Из правителей лишь немногие придерживались взглядов Фридриха Великого на свободу религии: «В моем королевстве каждый может спасать свою душу так, как считает нужным» [5]. Во многих землях и герцогствах существовали официальные религии, неофициальные подвергались дискриминациям и репрессиям. На законодательном уровне свобода вероисповедания Германии была закреплена только в 1870 году.

Сказанное позволяет заключить, что в рассматриваемом нами периоде утвердились права человека и свободы в близком к современному пониманию. Эволюция религиозной свободы прошла несколько этапов, это утверждение идей о веротерпимости, со временем ставших правом естественным и неотчуждаемым, формирование идей светского государства, где гражданская правомочность и вероисповедание не зависят друг от друга.

Параллельно этому в результате признания за религиями публичных прав и разрешения отправления богослужений, веротерпимость преобразовалась в религиозную свободу, предусматривающая право определять и менять свои религиозные убеждения согласно велениям своей совести, а также право не исповедовать никакой религии.

References:

1. Т.П. Минченко. Европейская концепция религиозно свободы и свободы совести: идеологические источники и законодательное закрепление // Вестник Томского государственного университета. Вып. № 333. 2010. С. 36.
2. Локк Дж. Послание о веротерпимости // Соч.: в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 95.
3. Локк Дж. Опыт о веротерпимости // Соч.: в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 68.
4. Локк // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907.
5. Шутова А.В., Косилкин С.В. Институт свободы совести в Европе: история и современность. URL: <http://rusoir.ru/03print/03print-01/03print-01-03/> дата обращения: 23.09.2016.

SOCIAL PHENOMENA IN THE VIRTUAL SPACE OF THE INTERNET

A. Veselov¹

Abstract

Internet connect people in a relationships' network, creates a plenty of social effects that we can't observe in "real" life. Despite this they are becoming more important for people than their traditional analogues.

Keywords: Internet, social networks, social processes, self-organization, network society, virtual reality, social structures.

Интернет, связывая людей в единую сеть отношений, порождает множество социальных эффектов, труднонаблюдаемых в «реальной» жизни, но которые в мире виртуальном имеют большое значение.

В Интернете нашла свое подтверждение теория тесного мира (другое название «теория шести рукопожатий»), согласно которой каждый человек связан с любым другим человеком, находящимся даже на другом конце мира не более чем шестью социальными связями. В Интернете люди легче общаются и легче объединяются по интересам. При этом человек может быть частью нескольких сообществ и быть лидером влияния сразу в нескольких социальных группах (подобный тип связей в терминологии Ж. Делеза получил название «ризоматических»). В связи с чем, основная «битва» в Интернете разворачивается за т.н. «лайки» (likes) и «репосты» (reposts). Лайк и особенно репост как своеобразная валюта дает понять пользователю услуг того или иного сообщества, что данные услуги интересны определенной группе лиц и скорее всего будут интересны и ему, особенно если среди данных пользователей есть его друзья. Люди любят общаться, рассказывать и делиться, и Интернет предоставляет им такую возможность.

Основная стратегия взаимодействия администратора сообщества со своими пользователями заключается в том, что администратор должен:

- слушать
- привлекать
- удерживать
- откликаться
- быть «своим»
- быть честным и прозрачным [4].

В связи с чем, овладев необходимыми технологиями взаимодействия с пользователями (техническими и социальными), администратору необходимо хорошо работать с текстом. Именно его текст (в широком смысле – все, что может быть прочитано, увидено, услышано и понято) оказывает непосредственное воздействие на психику человека, на его установки, систему принятия решений и дальнейшее поведение (исследования Ф. Зимбардо и М. Ляйппе) [2].

В Интернете социальные процессы значительно убыстряются, что приводит к эффекту самоорганизации «на лету». В глобальной сети значительно быстрее происходит самоустранение неэффективно работающих социальных механизмов. Существование таких норм и институтов в «реальном» мире оправдывается тем, что их замена повлечет за собой расходование больших сил и средств, чем на их нынешнее весьма неэффективное существование. Такой феномен в науке получил

¹Aleksandr Veselov, Candidate of Philosophic Sciences, Russia.

название «зависимость о пути» [7].

Можно сказать, что помимо технического слоя передачи информации в Интернете существует особый, культурный слой взаимодействия. М. Кастельс считает, что «человеческое общество приблизилось к созданию чисто культурной структуры социальных взаимодействий. Информация стала основным компонентом нашей социальной организации, а потоки идей и образов составляют, теперь основную нить общественной структуры» [3, с. 505]. В основе понимания сетевого общества лежит признание «информации, как знания, которое порождает конструктивные изменения системы» [6, с. 61]. Именно сети, по мнению М. Кастельса, «составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [3, с. 494]. Сетевая структура общества, представляет собой «децентрализованный комплекс взаимосвязанных и взаимозависимых узлов открытого типа, который способен к расширению посредством присоединения к себе новых звеньев, что придает всей сети динамичность и гибкость» [1, с. 63]. По мнению Дж. Ло, основателя акторно-сетевого подхода: «Объекты являются сетями, ансамблями отношений. Но они также включены в сеть отношений с иными объектами. Если эта сеть разрывается, корабль перестает быть кораблем, он теряет свою сетевую форму, превращаясь во что-то иное» [5, с. 227].

Хотя социальные сети и сетевые социальные структуры существовали на протяжении почти всей человеческой истории, их широкое распространение в период современности, во многом застало ученых врасплох [6, с. 64]. По мнению А.В. Назарчука, во многом это связано с тем, что еще в недалеком прошлом, сети являли собой определенный сегмент «несетевого» мира, но в настоящее время все то, что еще пока не является сетями, формируют ту часть мира, которая обречена стать сетевой [6, с. 70].

Таким образом, в глобальной сети Интернет социальные процессы, протекающие в «реальном» мире значительно убыстряются, а процессы взаимодействия «реальных» и «виртуальных» миров приводят к появлению таких феноменов, которые еще пока не описаны современной социальной наукой.

References:

1. Василенко И.А. Политическая философия: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2009. 320 с.
2. Зимбардо Ф., Лайппе М. Социальное влияние / пер. с англ.; под ред. А. Свенцицкого. СПб.: Питер, 2011. 448 с.
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Инноземцева. М., 1999. С. 494-505
4. Керпен Дейв. Маркетинг эпохи "Like". Likeable Social Media. М.: АНО «ШКИМБ», 2013.
5. Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей: сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 223-243.
6. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61-75.
7. Roe, Mark J. Chaos and Evolution in Law and Economics // Harvard Law Review, 109 (1996): 641-668.

CULTURAL STUDIES AS A SCIENTIFIC PARADIGM

A. Parmanov¹, R. Halimmetova²

Abstract

The article explains the understanding of cultural studies, not as a classic discipline allocated on the basis of object-subject, but as a scientific paradigm, which is based on the interpretation of the social problem of human activity, motivated by *ekstrautilitarnymi* units of consciousness.

Keywords: cultural studies, culture, society, people, social activity, *ekstrautilirnaya* motivation, psychological satisfaction.

Фундамент науки культурология заложен в Центральной Азии в X веке в произведениях Абу Рейхана Беруни «Индия» и «Хронология, или памятники минувших поколений».

В Узбекистане культурология как наука развивается уже более полвека (если считать от первых публикаций Г.С. Пугаченковой, М.Рахмонова и У.Х. Карабаева [1]), и почти четверть века как направление образования. Но эта область знания все еще находится во власти стихийного «самозванства», при котором определение ее объектно-предметно-проблемного поля осуществляется по желаниям и интересам каждого исследователя и часто без каких-либо системных научных оснований.

В лексиконе любой человека встречается слово «культура», которая происходит из древнегреческого слова «*culturolos*» (пашет или культивирует землю), в переносном смысле означает получать знания «от колыбели до могилы» [2].

В древности иметь знания значило занятие определенного статуса в обществе. В узбекском языке в качестве эквивалента «культуры» употребляется заимствованное сарабского языка слово «маданият», что означает «Житель Медины, горожанин, воспитан, уважает Ислам», что требует пристального внимания со стороны профессионального сообщества. Это во многом обусловлено тем, что культурологическое научное сообщество пока еще не может достичь консенсуса в целом ряде ключевых для любой науки вопросов и выстроить комплекс нормативных требований к текстам, претендующим на культурологический статус.

Культурологи далеки от единства в определении того, что такое культурологическая наука как особое направление знания, и в чем ее принципиальное отличие от иных наук, каковы прагматические социальные функции этого знания (что оно дает обществу). Не достигнуто согласие и по поводу того, что культурология изучает: культуру как особую отрасль социальной деятельности, общество в его культурных проявлениях, человека как культурное существо и т.п. [3].

Данная область науки отличается слабой системной рефлексией своего базового понятия «культура», интерпретируемого каждым исследователем по-разному; основывается на множественных и не всегда корректных попытках объединения эмпирических знаний, заимствованных из смежных гуманитарных и общественных наук; самоопределяется в не четко локализованном объектно-

¹Arapboy Parmanov, Candidate of Pedagogical Science, Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan.

²Rohatoy Halimmetova, Senior Lecturer, Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan.

предметно-проблемном поле. Конечно, культурология – это междисциплинарная область знаний, что предполагает известную структурную сложность и большое концептуальное разнообразие, но системность ее познавательной архитектоники еще очень далека от композиционной ясности.

В культурологии только приблизительно намечена иерархия основных и второстепенных проблемных полей, и обозначена их познавательная значимость. Такая нечеткость мешает культурологам правильно оценивать научную важность той или иной исследовательской проблемы и провоцирует некоторых ученых к освоению «легких путей» в их научной самореализации. Это наглядно проявляется в стремлении вести исследования в зонах «проблемной периферии» культурологии, на ее «стыках» со смежными отраслями знания при том, что теоретическое «проблемное ядро» самой культурологии пребывает еще в слабо разработанном состоянии [4].

Вместо концентрации творческой энергии ученых на основных нерешенных проблемах изучения культуры как социальной целостности наблюдается перманентная экспансия культурологии на чужие «научные территории», исторически, философически, экономически, по праву закрепленные за иными гуманитарными науками. Конечно, эти упреки относятся далеко не ко всем культурологам и не ко всей культурологии.

Например, в задании определить правовую культуру, что означает проанализировать правовую свободу и правовую грамотность граждан в обществе, механизм законов и т.д.

Или в отношении экономической культуры, это определение роли и задачи экономики, её влияния на экономическую сферу общества и т.д. Таким образом, каждое направление можно уточнить в отношении к науке культурологии, или во взаимосвязи между дисциплинами, но невозможно конкретизировать системные научные основания науки культурология [5].

Нужно обладать энциклопедическими знаниями в философии, истории, антропологии, социологии, психологии и т.п., главное – владеть методом комплексного системного анализа очень разнообразного эмпирического материала. Ведь культурология выделяется в существующем спектре научных направлений тем, что она исследует одновременно несколько объектов, каждый из которых столь масштабен, что его помимо культурологии изучают и другие специальные науки. К числу этих объектов можно отнести:

- культуру в собственном смысле (ее можно назвать «культурой для себя»), выраженную в конкретных исторических и современных формах – материальных, идеальных, социальных, текстовых, художественных и пр. Изучая данный объект, культурология взаимодействует и конкурирует с филологией (письменные формы), лингвистикой (языковые формы), искусствознанием (художественные формы), религиоведением (формы религиозных верований и обрядов) и др.;

- общество, которое в данном случае изучается посредством измерения и анализа его культурных проявлений, норм и правил социальных взаимодействий и коммуникаций. В процессе познания этого объекта культурология взаимодействует и соперничает с антропологией, социологией, политологией, экономикой, а также отчасти с социальной философией;

- человека, рассматриваемого в качестве продукта, потребителя, создателя и транслятора культуры [3], а также основания его самоидентификации. Здесь интересы культурологии пересекаются с интересами психологии, педагогики и отчасти антропологии;

- современность, понимаемую как актуальное состояние культурных черт, характеристик и тенденций социальной динамики общества, что исследуется как непосредственно, так и посредством сопоставления с прошлым культурным со-

стоянием этого общества [4]. При этом культурология выступает и как альтернативная историческая наука (в системном анализе «истории сегодняшнего дня»), и как философия истории (в обобщении тенденций развития);

- смысл человеческого существования, деятельности и взаимодействия манифестируемые (репрезентируемые) преимущественно культурой и ее ценностными установками. Тут как союзником, так и оппонентом культурологии выступает философия в целом.

Сегодня культурология как наука интересна в основном профессиональному сообществу, и его требования к аналитическому качеству и проблемно-тематической строгости исследований существенно выше, чем у любителей. Главным критерием высокой профессиональности научной работы ныне является ее вовлеченность в актуальную научную дискуссию, что выражается, в первую очередь, в масштабах ее цитируемости другими культурологами.

References:

1. Пугаченкова Г.С. О концепции локальных цивилизаций Древних Бактрие. Т.: Наука, 1969; Карабаев У.Х. Очерки теории культуры. Т.: Чулпан, 1990.
2. Рахманов М. Феномен культурологии: вчера, сегодня и завтра // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 19-31.
3. Шермухаммедов С. Қадимги цивилизация ва маданиятлар //Фалсафа ва ҳуқуқ. 2008. С. 20-28.
4. Об этом см.: Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима: учебное пособие для высшей школы. М.: Индрик, 1993.
5. Зоҳидий С. Тасавуф ва ахлоқий қарашлар // Мозийдан садо, 2009. № 2. С. 21-27.
6. Салимов Э.З.Культура культуры//Фалсафа ва ҳуқуқ. 2014. № 4. С. 39-46.

PROBLEM OF APPLIED ARTS "WOOD CARVING" IN UZBEKISTAN

A. Radjapova¹, M. Ahmedov², N. Kurbanboeva³

Abstract

The author in his article wants to open "historical secrets" of Uzbek applied art, which had great importance in the ancient time, for many centuries, the region was famous for highly skill artisan art.

Keywords: carving, tree, mulberry, poplar, patterns, processing ornament.

До наших дней дошло не так уж много старинных образцов резьбы по дереву. Но те, что уцелели, привлекают внимание красотой и совершенством. Фрагменты резного дерева в руинах замка VI века Джумалактепа и деревянное резное панно, найденное в верховьях реки Зарафшан, с изображением двухголовой змеи в окружении ритмичного волнообразного узора, дают представление о мастерстве ремесленников Согда [1]. Сюжетная резьба по дереву существовала у народов Узбекистана и после вторжения арабов, вплоть до X века. И только позже орнаментальные геометрические и растительные узоры полностью вытеснили сюжетные изображения.

В раскопках близ мавзолея Кусамы ибн-Аббаса в некрополе Шахи-Зинда был найден резной фрагмент великолепного эпиграфического фриза, относящегося к XI веку. Несколько веков спустя, в эпоху Амира Темура, резьба по дереву, как и другие художественные ремесла, достигла высот настоящего искусства [2]. В XIV веке усыпальница Кусамы ибн-Аббаса была оформлена прекрасным панно с геометрическим орнаментом-гирихом из наборного дерева, а в мавзолее Сайфеддина Бохарзи в Бухаре был сооружен резной кенотаф. Пожалуй, самым замечательным произведением искусства резьбы по дереву этого времени можно считать прекрасные резные двери мавзолея Гури-Амир. В конце XIX века русский художник В. Верещагин был настолько восхищен их великолепием, что изобразил на известной картине "Двери Тамерлана" [3].

Старейшим центром искусства резьбы по дереву является Хива, особый стиль резьбы по дереву сложился в Ферганской долине. В соборной Джума-мечети в Коканде, возведенной в начале XIX века, перекрытия айвана опираются на 98 резных колонн из столь твердого карагача-буджун, что его называли "каменным" [4]. Колонны вырезаны вместе с базами, а резьба является не только орнаментальным украшением, но и создает определенный художественный образ, органически вписывается в архитектуру всего сооружения. Мастера применяют для монументальной резьбы и для оформления изделий одни и те же орнаменты, соответственно меняя их масштаб и глубину рельефа [5].

Многовековая история традиционного прикладного искусства Средней Азии делится на шесть основных больших групп. Каждая, в свою очередь, делится на подгруппы:

¹Akiljan Radjapova, Senior Lecturer, Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan.

²Muhammadumar Ahmedov, Senior Lecturer, Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan.

³Nilufar Kurbanboeva, Master, Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan.

-И так, первая группа узбекская керамика. На протяжении многих веков регион славился высокоразвитым мастерством в обработке глины и гипса, с орнаментами и оригинальными рисунками.

-Вторая группа – медная чеканка. Это один из самых древних видов прикладного искусства Узбекистана. Тисненные и гравированные изделия из меди высоко ценились в регионе за декоративные качества, и отражали статус их обладателя.

-Третья группа – ювелирное искусство. Эта группа в Узбекистане имеет историю более двух тысяч лет. Найденные в регионе уникальные изделия были старше таких древних городов как Самарканд и Бухара, изделия из золота, серебра и драгоценных металлов выполненные в своеобразном, восточном стиле [6].

-Четвертая группа – золотое шитье. Древний вид рукоделия, в основе которого лежит вышивка на ткани серебряными и золочеными нитями. Найденные образцы доказывают, что золотощвейная культура была развита в городах Узбекистана еще в раннем средневековье.

-Пятая группа – ковроткачество. Древние традиции этого вида искусства сегодня вновь возрождаются во многих городах Узбекистана. Неповторимые, затейливые узоры, необычность и яркость красок, а главное ручная работа и натуральность материалов позволили завоевать Узбекским коврам известность во всем мире [7].

-Шестая группа – резьба по дереву. Признанными центрами резьбы по дереву были и остаются Бухара, Самарканд, Хива, Ташкент и Фергана. У каждой школы резьбы своя, неповторимая техника. Примеры изумительного мастерства древних специалистов сегодня можно встретить в виде украшения деревянных колонн и потолочных балок средневековых строений, а также на шкатулках, амулетах и резной мебели сохранившихся до наших дней [8].

Мы рассказали о шести основных подгруппах, но наша основная цель – раскрыть секрет резьбы по дереву. В Коканде и Ташкенте мастера применяют особый стиль плоско-рельефной резьбы паргори, который получил свое название от слова паргор – циркуль. С помощью циркуля и линейки мастер-уймакор наносит на заготовку геометрическую сетку из кругов, квадратов, треугольников, по которой размечает тонкий, как кружево, узор. Невысокая, изящная резьба создает четкий изысканный рисунок, тонкую игру светотени [9].

Выбирая материал, узбекские мастера всегда отдавали предпочтение местным сортам дерева – вязу и тополю. Резные двери изготовлялись из древесины абрикоса и тутовника. Выбрать и срубить необходимое дерево – только часть дела. Сырая древесина для работы не годится. В зависимости от породы ее необходимо выдерживать в сухом и желательном теплом месте, причем доски и бревна ставят в вертикальное положение, чтобы они не деформировались. Для чинары и ореха этот срок, например, достигает десяти-пятнадцати лет. И опытные мастера никогда не экономят время на просушке.

Применяют резчики в основном традиционные, проверенные временем инструменты. Это теша – большая и малая, с наклонным лезвием поперек ручки, которой мастер предварительно формует заготовку. Рубанком производят окончательную зачистку древесины, при необходимости использует пилу, поперечную и лучковую, деревянный молоток. Используют мастера и деревообрабатывающие станки. В набор инструментов резчика по дереву входит более 25 резцов различного размера и вида. Они напоминают стамески с короткими деревянными ручками, лезвия их сильно заострены. Формы резцов, в зависимости от предназначения, имеют прямую, закругленную или желобчатую форму, а размер самого широкого резца не превышает десяти миллиметров.

У каждой школы резьбы своя, неповторимая техника. Они известны не только в республике, часто принимают приглашения для оформления светлейшей мече-

4th International Conference

«Role of nonmaterial factors in ensuring the social and psychological condition of a society»

ти, мавзолеев и современных общественных зданий, от представителей таких стран, как Саудовская Аравия, Эмираты, Малайзия, Турция, Казахстан, Россия (Татарстане) и Киргизия.

Настоящим праздником стала «Национальная ярмарка народных ремесел» в Ташкенте, организованная под попечительством ООН в 1995 году, проводившаяся по случаю 50 годовщины ООН. Украшением ярмарки стали искусные работы мастеров из Ташкента, Андижана, Намангана, Коканда и Хорезма.

References:

1. Хамидов Х. Ўзбек амалий санъати тарихи. Т.: Ўқитувчи, 1996. Б. 173-198.
2. Кароматов Ф. Ёғоч уймакорлиги тарихидан // Санъат ж. Т.: 2000, № 5. Б. 29-34.
3. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана. М., 1965. С. 276-304.
4. Султанов Х. Новые данные об архитектурном комплексе Хазрат Имам в Шахрисабзе // Архитектура и строительство Узбекистана. 1987. № 6. С. 28-31.
5. Массон М.Е. Мавзолей Ахмада Яссави // Города Туркестана. Алматы. 1999. С. 9-28.
6. Brown P. Indian architecture. Mumbai: Taraporevala. 1956-1997. P. 93.
7. Grover S. Islamic architecture in India. New Delhi: Galgotia. 1996. P. 129-130.
8. Бабур. Бабур-наме. Ташкент, 1982. С. 189, 223-224, 354.
9. Бородина И.Ф. Архитектура Средней Азии конца XIV-XV вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969. С. 285 (277-304).

PROBLEMS OF INFLUENCE "MASS CULTURE" ON THE SPIRITUAL

H. Kholmiraev¹, N. Ruzemmetova², Yu. Egamberdieva³

Abstract

Spiritual thinking, spiritual potential key factors in ensuring political stability and development of society. Ideological threats are particularly dangerous with their focus primarily on the destruction of the moral foundations of society.

Keywords: spirituality, ideology, society, nation, and popular culture.

Первый Президент Узбекистана неоднократно обращал внимание на то, что признание безнравственности как культуры, и наоборот, пренебрежение истинными нравственными ценностями, оценка их как пережитка прошлого представляют огромную угрозу современному развитию, жизни человека, самостоятельности семьи и воспитанию молодежи. Многие начинают осознавать важность борьбы с этими угрозами, распространяющимися по всему миру.

Некоторые развитые страны, стремящиеся к таким угрозам, не ограничиваясь ведением масштабной геополитики посредством промышленного производства, информационного и идеологического воздействия, пытаются внедрять в образ жизни, сознание народов мира присущие характеру, культуре и идеологии своего народа аспекты. Данное обстоятельство, несомненно, наносят вред национальному самосознанию, преемственности в культуре и менталитету народов недавно обретших независимость. Пользуясь возникшим в обществе идейным вакуумом после отказа от коммунистической идеи и её моральных норм, возросла возможность проникновения "саммовой культуры", включающей в себя чуждые нам духовно-нравственных правил, принимая во внимание данный факт в настоящее время необходимо все более усиливать работу по обеспечению идеологической безопасности.

Миссионерство и прозелитизм, являясь в условиях глобализации средством духовно-идеологической угрозы, осуществляется, прежде всего, с направленностью на геополитические интересы и цели определенных политических сил в мире. С другой стороны, национальная духовность, традиции и обычаи, менталитет связаны с религиозными убеждениями, а миссионерство и прозелитизм призывает к отчуждению народа от национального самосознания, углублению внутри государства национальных, религиозных, общественных противоречий. Именно поэтому сегодня в Узбекистане, уверенно продвигающемся по пути построения современного демократичного, правового государства и открытого гражданского общества, особое внимание уделяется доведению до умов и сердец людей основных положений идеологии независимости, возвышению чувств национальной гордости, укреплению их идеологического иммунитета.

В результате разрушения двухполюсного миропорядка США как одна из

¹Hayitboy Kholmiraev, PhD philosophy art. dots., Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan.

²Nilufar Ruzemmetova, student, Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan.

³Yulduz Egamberdieva, Lecturer, Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan.

ведущих стран стараются стать движущей силой процесса глобализации в экономической, политической и культурной сферах, и ни для кого не секрет, что они возглавляют идеологические нападки на другие страны.

Профессор Парижского института политических исследований А.Валладао в своей статье, опубликованной в журнале «Общественное мнение», подчеркивает, культурные ценности американского общества, сформированные на основе синтеза различных народов и наций легко принимаются в других странах. Кроме того, приспособляемость культурной индустрии (кино, видео, шоу бизнеса и др.) этой страны к условиям рынка позволяет ей находить партнеров по всему миру. О чем свидетельствует факт: три четверти, демонстрируемых в год в различных странах кино – и видеофильмов являются продукцией. Подобные нравственные угрозы или духовная агрессия замаскированная под «духовность» наносят урон стабильному развитию любого молодого суверенного государства. Негативные последствия экспортируемой культуры или духовности по-американски наблюдаются не только в развивающихся странах, но и в самих США,

Согласно данным Ассоциации американских психиатров, савдонинг 20 процентов электронной торговли имеет отношение к порнографии, называющие себя «секс-эддиктс» 2 миллиона человек ежедневно по несколько часов своего времени тратят на просмотр подобного материала. Исследования показывают, электронная порнография одна из прибыльных сфер, требующая для рекламы очень мало трудовых и финансовых затрат. 70 процентов нового электронного рынка составляет порнография, 4 процента – видеоигры, и 2 процента – спорт. Большинство предприятий и организаций западных стран страдают от порносайтов, которые через персональные компьютеры на рабочем месте посещают их сотрудники: падает производительность труда.

В современном мире еще одним отрицательным качеством, присущим западному индивидуализму является отказ от создания семьи, не желание женщин иметь детей. Это – неизбежная демографическая катастрофа.

Народный писатель узбекистана Мухаммад Али в своем эссе «Америка, которую я видел» пишет, что семья в Америке не прочна. Встречаются даже те, кто мечтает о построении общества без семьи. По сведениям, если в 1955 году не желал рожать только один процент американских женщин, сегодня данный показатель равен пяти процентам. Говоря словами известного политолога из США Патрика Бьюкенена, в большинстве западных стран больше потребности в гробу нежели в колыбели. Десятки тысяч американских женщин не желают рожать, соответственно растет в стране число иммигрантов. Демографический кризис приведет к кризису брачно-семейных отношений, что будет являться торжеством принципов эгоизма и индивидуализма. Эгоцентризм есть больше чем эгоизм, это жить только ради своих интересов, не признание ничего кроме.

Президент Ислам Каримов писал о философии эгоизма и безнравственности следующее: большинству хорошо известны бедствия, представляющие особую угрозу жизни человечества как международный терроризм, религиозный экстремизм, наркоагрессия и СПИД. Однако, существуют сегодня и серьезные угрозы, способные вывести из колеи нашу духовную жизнь, которых знает не каждый, они не проявляются воочию. Это – философия эгоцентризма и безнравственности, широко распространенная на западном мире, и замаскированная под свободу.

Каждый народ, каждая нация уникальна. Уникальны их духовность, культура и образ жизни. Межнациональные и международные отношения должны служить взаимному обогащению народов, а не принудительному распространению своей идеологии.

Сохранение и возвышение духовности народа, защита подрастающего

поколения от влияния различного рода вредных идей и идеологий, одним словом, от нравственных угроз является актуальнейшей задачей современности.

References:

1. Зокиров Б. Глобаллашувзиддиятлари // Тафаккур. 1-сон, 2004, 29-б.
2. Ғаниев А. Ғарб оламидаги ахлокий муаммолар. Тошкент, 2007, 26-б.
3. Муҳаммад А. Мен кўрган Америка // Жаҳон адабиёти. №3. 1998. 132-б.
4. Зокиров.Б. Ғарб тамаддуни: инкироз аломатлари// Тафаккур, 2007, №2.23.
5. Куროнов М. Мафқуравий таҳдид ва ёшлар тарбияси. Тошкент, 2008,9-б.
6. Каримов И. Юксак маънавият–енгилмас куч. Т.: Маънавият, 2008. Б. 111.

ART CRITICISM

BELARUSSIAN NATIONAL FOLK TOY: HISTORICAL DEVELOPMENT, PRESENT SITUATION

*S. Andryevskaja*¹

Abstract

The article is devoted to the role of a toy in the national culture of the Belarussians. The toys embodied symbolism of the national culture, aesthetic views of the nation. Here are considered functions and the role of colour symbolism of the traditional toy in the national culture and its place in modern life.

Keywords: belarussian national folk toy, the national culture, colour symbolism, functions of the traditional toy.

The history of a nation begins from the history of a childhood. Traditional culture permits the only way of transition – new generations absorb from the elder their world outlook, life ideals, aesthetic views and so on [1, p. 125]. "Personal" inclusion into national culture begins from the earliest childhood. One of the main means of such inclusion is play and toy.

Toy is a thing used for the purpose of children's play. By introducing real and imaginary objects and images it helps a child to apprehend its environment, it also serves as a means of psychological, aesthetic and physical education. At the same time toy is a kind of folk arts, and its direct function has not always been playing the leading part. Exactly in the toy were revealed the ideas of folk craftsmen about the world, nature and people. Using the minimum resources, they produced bright images that still live and impress us [2, p. 10].

The art of toy-making is one of the most ancient, that is why it demands a thorough study. But belarussian toy is studied insufficiently due to a number of objective reasons: insufficient attention of investigators towards so-called "children" culture; location of the territory in the outlying districts of the states, part of which it had been, and so on.

However, according to archaeological discoveries on the territory of modern Belarus, the first toys made of clay appeared already during the late Stone Age (II-IV centuries BC) [3, p. 32]. Scientists suppose that besides playing function they also performed magic one – protection from evil spirits. The basic motifs were: an egg, a duck or a bird, human and animal statuettes. Subjects like that were made of other materials: bones, wood, horns, later – metals [1, p. 126]. Especially interesting in that relation is the collection of fine plastic arts, found at the banks of the river Dnieper. It includes about a hundred statuettes and fragments, images depicting domestic and wild animals [1, p. 125].

More and more material was found by later excavation. At many sites of ancient settlements of the early Iron Age in Eastern Europe (including Belarus) one can find hollow clay balls, cylinders, eggs with a stone or a clay pea inside. When being shaken they produce muffled cracking. There is no doubt that the majority of such handicrafts were used as children's toys; the holes at the ends indicate that. With the help of the holes the toys were hung in front of a baby. But some of the things do not have such holes; still they were ornamented by different signs. More of it, the things of this kind are frequently

¹Svetlana Andryevskaja, Polotsk State University, Novopolotsk, Belarus.

found together with ritual objects; this fact confirms the supposition about their ritual meaning [4, p. 59].

Among the toys of the XII-XVIIIth centuries one can find abundant examples of shape and decoration. The same clay toys are represented most widely, in Belarus one can also find among them samples covered with green, brown, yellow glaze, of zoomorphic and anthropomorphic shapes.

Summing it up, one may say that toys were illustrating, in their own way, the mythology of Slavonic peasants; their outward appearance was also determined by the mythology [4, p. 47].

The traditions of toy-making are kept till nowadays without considerable changes. The flourishing of traditional toy production was in the XIXth-beginning of the XXth century [1, p. 125]. Just exactly during that time every belarussian fair couldn't do without abundance of bright coloured cocks, sheep, horses, ducks made of different materials. They were cheap and popular amusement for children. But, nevertheless, it is worth mentioning that on the territory of Belarus toy production didn't acquire the character of independent trade, as it took place, for instance, in Russia [3, p. 38].

Till nowadays not many toys were kept, especially made of such short – lived materials as wood, grass, paper, fabric. The reason for that is toy production in Belarus was not considered a serious business, and was cheap. It was easier to make a new toy than to keep an old one.

Today the interest toward belarussian national folk is being revived. In the beginning of the 90ieth in the XXIeth century there were opened Houses as Handicraft – cultural organizations, the aim of which was outlined as support and revival of belarussian national folk handicraft. Modern belarussian toy-makers cooperate with these cultural organizations. There also work single toy-makers, but the number of them lessens. Old hereditary craftsmen die, but they are replaced by young ones. Sure, the youth is not connected directly with traditional culture, but nevertheless they try to create their own things according to accepted "canons". Contemporary craftsmen receive diverse and extensive information, it nourishes creative approach towards work of studies of folk culture. Plastic language of a toy, its artistic image is the reflection of the dialogue of craftsman's hand and soul.

In the creative work of modern belarussian craftsmen one can trace two conventional directions.

The first is archaic. The toys of the direction are deprived of details and individual peculiarities. They reproduce only the most typical features of a character. Such toys represent only distinctive symbol that affords a child to release its imagination. Peculiarities of each part of the toy are emphasized by one or two details: a house has a lissome neck, a ram has curled horns, a duck has a flat beak. Figures are not dismembered, static, frontal. The subjects of this kind of toys are also interesting – they are half horses – half birds, ducks, cocks, bears, eggs, anthropomorphic toys and so on, one can say, classic variants. In such manner, work basically old craftsmen, keeping to ancient traditions.

The other direction is more modernist. What concerns its character, it is naive-romantic. The toys are thoroughly worked out, brightly coloured. The toys of the kind appeared as a response to life. Craftsmen were introducing new subjects (for example, folk tales' characters). Young craftsmen work in such manner. Though the direction is for from new, it appeared at the beginning of the XXth century. The reason of their emerging was the incentive to endure competition with bright and garish toy of neighbouring regions while widening trading conditions. Belarussian toy is not bright, that is in its character, but in order to attract the customer, toy-makers started using unusual colours and subject.

What concerns the subjects of national belarussian toy, their character is close to the subjects of neighbouring and more distant nations. Such internationality of basic toy

subjects was emphasized by ethnographers in the XIX – the beginning of the XXth centuries [5, p. 19]. The outward appearance of the subjects is conditioned by ancient mythological views. Thus, toys looking like birds are connected with calendar agricultural celebrations. Things made of pastry, clay, wood, depicting birds were devoted to the beginning of agricultural season. One of the most popular was the image of a cock, connected with solar (sun) cult. Its images can be found in national embroidery. This fact gives evidence of sacredness of the bird [4, p. 91].

The next subject of belarussian national folk toy – a ram – is very popular in toy-making. The reason of such popularity is unknown, for national folklore frequently mentions a he-gout. It is one of sacred animals of belarussian folk. But perhaps the image of a he-gout in national folk toy was replaced by more decorative image of a ram due to its peculiarities – curled horns and wool. But it may be so that its popularity was connected with the tradition of autumn shearing that was a peculiar ritual holiday. A ram could be depicted because in many rituals its fell was used as a symbol of fertility, wealth and prosperity.

To the mentioned subjects one should add the image of a bear. The character belongs to popular folk arts, its origin is being linked with totemism times. In national folk tales it usually acts as a half-animal – half-human [1, p. 127].

A peculiar group is presented by images bearing anthropomorphic character: a doll and a horseman. Exactly in these images one can feel the influence of time, way of life and taste, though the origin of the images is also connected with mythology and agricultural rituals [2, p. 7].

The subject of a horse or a half-horse – half-bird is undoubtedly linked with solar cult.

It is hard to reveal the meaning of the symbol of egg in the toy, it is likely to symbolize life, the symbol of arrangement of the world. It is the most archaic of the toys.

Here is far from full review of belarussian national folk toy. Interest that emerges to this kind of art emphasizes its urgency and multifacetedness. In spite of multitude of research works devoted to the problems connected with the development of toy production of neighbouring nations, the toy in Belarus remains in many respects uninvestigated. The necessity of its study is conditioned by the fact that until today still work belarussian craftsmen that keep to national traditions.

References:

1. Сахута Я.М. Народное мастацтва Беларусі. Мінск: БелЭн, 1997. 287 с.
2. Сахута Я.М. Беларуская народная гліняная цацка. Мн.: Польша, 1982. 16 с.
3. Богуславская И. Русская глиняная игрушка. Москва: Искусство, 1975. 128 с.
4. Ржавуцкі М. Беларуская гліняная цацка. Мн.: Польша, 1991. 142 с.
5. Сахута Я.М. Беларуская народная дэкаратыўна-прыкладная мастацтва. Мн.: Беларусь, 1996. 110 с.

THE DEVELOPMENT OF LANDSCAPE GENRE IN PAINTING OF UZBEKISTAN FOR THE PERIOD OF INDEPENDENCE

*D. Tulanova*¹, *N. Mansurov*², *N. Gulyamova*³

Abstract

Given article reveals main trends of the development of the landscape genre in painting Uzbekistan period to Independence.

Keywords: the picture, culture, landscape, Independence, landscape painting, plener, Central Asia, creative activity, Uzbekistan, shaping, artist, color, evolution.

Painters' interest to main problems nowadays, to the point of showing traditions, expansion of art expression arsenal explains the landscape genre of Uzbekistan during 1990s. New ways in forms and colours, searching for the unique expressive method, original art manner during the period of Independence had a very sharp and radical nature. Contemplation and lyric, that became one of the main elements of national landscape in the landscape development process did not go on secondary plan, but became a sign and metaphoric form. Anyway the circle of landscape works in this period is rather narrow, but in spite of this there are many traditions and directions in a landscape genre. Tendency to the enrichment of the plot material matches with the emotional enrichment of language and picturesque handwriting. In modern art salons and at the special exhibitions lyrical landscapes, views of mountains begin to dominate, the number of chamber landscapes is increasing and artists don not address to the industrial themes, the other note appeared in their art – the note of worries about the future of their planet.

Figuratively-styled system of landscape genre was made in 1990s, in which it was possible to select the following art ideas and trends: lyrical landscape – a scene of local architectural monuments, pieces of native nature.[N.Kuzybaev, A.Yunusov, A.Mirsagatov, G.Abdurahmanov, H.Mirzaahmedov]; philosophical-aesthetic, oriented on deep and innovative understanding of ethnocultural basis of the heritage [J.Uzmanov, F.Ahmadaliev, L.Ibragimov, E.Kambina, H.Ziyahanov, F.Gambarova]; colliur-plastic or decorative line [Y.Chernyshov, R.Ahmedov, R.Shodiev, J.Umarbekov, A.Mirzaev, Y.Taldykin, E.Melnikov, Y.Salpinkidi, G.Baymatov, V.Burmakin, I.Shin, R.Gagloeva]. The inspired artists use fancy and colour motives of traditions. We can say that the division between tendencies in landscape painting is becoming complicated, because searching for an individual credo prevails and the genre specifics are not saved.

The activation of art life, organization of large international republic exhibitions stimulated painters to the searching of new interesting picturesque decisions. Many artist's trips' to the countries of C.I.S. and to the foreign countries promoted the enrichment of the thematic range of landscape painting. In the increasing range of searching, contacts with heritage, attempts to open art ideas in it, creative activity of A.Mirzaev and artists, that are similar with his decorative orientation [Y.Chernyshov, R.Shodiev, E.Melnikov, Y.Salpinkidi, V.Burmakin, R.Gagloeva, V.Kim] characterize the important aspects [1, 132].

The continuation of this line in landscape painting of Uzbekistan in 1980-90s we can

¹Dilnoza Tulanova, Senior Lecturer, Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan.

²Negmatjon Mansurov, assistant professor, Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan.

³Nozima Gulyamova Senior Lecturer, Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan.

see in a creative activity of R.Shodiev in works of whom the connection with public art is not only shown in a coloristic conception. There is a line of public perception of the world as a united rhythm and cycle the expresses philosophical idea of unity of the whole world in his pictures like "Autumn broadcloth", "Unfinished time", "Requiem" [3, p.134].

The next artist, that unfortunately is already gone Y.Chernyshov was a monumentalist, being a carrier of the heritage of fovies tradition and postimpressionism, he created impulsive, dynamic, decorative landscapes through the Russian prism of Sezann followers. The artist also created bright compositions with broad touches of local colours. We can say that Y.Chernyshov loved the nature deeply, was an initiator of many plenary trips in republic. His way to the decoration is a total of long creative searching and natural work. The landscapes of U.Chernyshov "Blue mountains" [1998],"Under the summer sun", "Bright evening" [1997] and many others are a ringing of colours of East miniature anf perfect taste of the author.

The artist Y.Salpikindi is a greek, for which a long being in the East was not traceless, because it created many interesting works in a landscape genre. Nature became an own thing for many artists. In 1980s it created an ecological group of artists [Y.Strelnikov, Y.Chernyshov, Y.Taldykin, R.Gagleeva, Y.Salpikindi, V.Chub, I.Shin and others]. Their problem was a deep contact with artist's nature.

Y.Salpikindi's landscapes are close to monumentalism. They remind us rich east rugs by their brightness of coloring. First he put the linen on the base of the etude, systematizing its separate elements in one decision of plane and decoration ["An old cherry" [1992]; "The spring and snow"[1990];"A creek in the night. Autumn" [2000]. In other pictures master strengthens the attention to the line – subjects lose their strict constructiveness, they are already serpentine, intertwining, pulsing, swelling colour masses, in which we feel an initial form ["Cactuses on Lekaviton"[1994], "Greeks"[1993]].

Y. Salpikindi "golden tree" 1993

The tendency to the deepening of lyrical and romantic interpretation dominates here, but this line of national painting is more valuable as a "good". The types of east cities – Bukhara, Samarkand, Khiva or an architectural landscape always attract tourists. It is naturally. The west graphic arts also had a very difficult period of time. Uzbekistan reached this period too, when most of the pictures were painted only for the commercial aim. The continuator of this line is M.Yuldashev – a master of monumental-epic landscape. The artist, fixing historical buildings, describes them in a quite unusual, uzbek art, fairy-epic, heroic-high individual style. If in the end of 19th and in the beginning of 20th centuries artists R.Zommer, L.Bure, I.Kazakov and others fixed the monuments of Middle Asia on their paper, M.Yuldashev's paintings are full of high lyric, and the artist looks at Samarkand, Bukhara, Khiva, Kuna-Urgench not from the outside, but from the inside of them like a man, who lived in Asia for a long time, for whom the monuments are not only original historic events, guarantee of heroes and legendary acts, expressive symbols of a high art talent of their creators.

The next tendency in a landscape painting is a development of philosophy direction, when a sign, a symbol or a metaphor become the main language of art expression and open laws of the nature, its connection with a time factor and a human factor. For the artists of this group the most important thing is problems with an interpretation of real forms by symbols. It is very interesting to follow the creative activity of artist J.Usmanov in this situation. The conventionality of space and picture, that are far from the reality, peculiarity of style make us notice the influence of Middle miniature art in D.Usmanov's pictures [2, 27-29]. If you want to understand the meaning of his pictures, you must look at the works of other Middle East artists: Attar, Navoiy, Nizami, Rumi, Al-Gazali. The Usmanov's landscapes are a harmony between nature and humans. The nature is beautiful in any time for the artists. Each of the pictures is represented using its own colours. Continuing the traditions of landscape in Middle East miniature and imitate the style at the same time, continuing the conception of Sufism, or a look at the nature, as the Cosmos, J.Usmanov shows us the nature in its whole size, infinity and changeableness, as a harmonious slim whole ["An autumn meditation" [1994], "A spring stream" [1996], "Fall of the leaves" [1997], "Awakening" [1997]. For example, the picture "Dessert melody" [1997] is woven from the perfect combination of pearl-milk, golden-green colours. The symbols of dessert are shown in its top plan – giants. Moving, they make a kind of symbolic manner, on the right – a figure that is meditating dervish, who has already reached so called nirvana – the highest form of calm, the end of people's aims. The evidence of this is an aureole round his neck. Only alone with a nature a human knows himself. That is why the artist puts parallels with buddhistic studies. These tendencies Benyamin explains in a positive key as firm steps towards a new culture, a new image of art. It is important to notice that the previous traditional value of art work connects Benyamin with a sacral nature of art creation. And only a refusal or liberation from it transforms the art into a modern period. Benyamin also links an aura round traditional art work with a sacral ritual nature of art. A unique value of real work of art is based on the ritual, in which it found its first using. This basis can be mediated; however it overlooks a secular ritual even in the most profane forms [3]. The other point of view about changes was made in the book of Veydle "The death of art". The losing of sacral sources for him was not a renovation, but a deep crisis. "An art experience is a religious experience in its depth-Veydle thinks-because appearance of faith must include every creative act, because the world, where the art lives, is clear only for a religion" [4, 74]. It explains us the connection of Usmanov's landscapes with Sufism traditions. Next Veydle says: "A logic of art is a logic of religion...The art not only comes close to religion, but also stays there for a long time, being with it deeply. "Radical experiments in art of that time is connected with a searching for lost sacral source or the foundation of the create activity." The artist is not interested in the dynamic and changeableness of landscape, but in fixation of per-

manent characteristics [understanding of the image of nature in Islam]. Comparison of some colours, especially in landscapes of J.Usmanov-turquoise-blue, deciduous-green-shows the unity and wholeness of static character and a magic metaphoric understanding of world, connected with traditions of Sufism.

One more tendency of development of landscape painting for the period of Independence is a chamber of creating landscapes, where there were artists' own feelings and worries, that was the reason of spiritual orientation. Specific installation on the motives changes into more associative image structure of landscapes, where the main role is for master's subjective feelings. It especially is shown in a creative activity of young artists [Y.Li, D.Ahunbabaev, Y.Kulagina, T.Li]. As our short experience showed, a landscape for the painting of Uzbekistan is a big genre, its genesis and a development are not separable from the development and evolution of art in whole. And only in landscape the most important world outlook and philosophic conceptions of natural culture are concentrated, where we can easily see the paradigm of national consciousness.

References:

1. N. Akhmedova "Painting of Central Asia XX century: traditions, original, dialogue" T. 2004.
2. Ye. Gul Mystical revelations of D. Usmanov SAN'AT 99. №3.
3. Benijamin. The work of art in the period of his technical capacity. M., 1996 y.
4. V. Veydle. Death of art. M., 2001., p.74.

Scope Academic House
UK, S YORKSHIRE, SHEFFIELD

B&M Publishing
USA, San Francisco, California

4th International Conference «*Role of nonmaterial factors in ensuring the social and psychological condition of a society* ». Conference Proceedings. Scope Academic House, November 10, 2016, Sheffield, UK. 128 pp.

PQN 200

ISBN-10:1-941655-43-2

ISBN-13:978-1-941655-43-6

DOI: http://doi.org/10.15350/UK_5/4